R G B WH GR BL
Grey Scale #13
C M Y K
DANES PICTA .COM
A 1 2 3 4 5 6 M 8 9 10 11 12 13 14 15 B 17 18 19
Colour Chart #13
Blue
Cyan
Green
Yellow
Red
Magenta
White
3/Color
Black
Inches
Centimetres
ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА
ЭМ. КАНТЪ
ЕГО ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ
БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ
М. М. Филиппова,
Д-РА ФИЛОСОФІИ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.
Съ портретомъ Эм. Канта, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ
ЦѢНА 25 КОП.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ОБЕРТКА ПЕЧАТ. ВЪ ТИП. ВЫСОЧАЙШЕ УТВ. ТОВАР. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»
Бол. Подъяческая, 39.
1893

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

ЭМ. КАНТЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. М. Филиппова,

Д-РА ФИЛОСОФІИ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Съ портретомъ Эм. Канта, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ОБЕРТКА ПЕЧАТ. ВЪ ТИП. ВЫСОЧАЙШЕ УТВ. ТОВАР. «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»

Бол. Подъяческая, 39.

1893

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СПБ. 20 АВГУСТА 1893 Г. ТИП. ТОВ. „ОБЩ. ПОЛЬЗА“ Б. ПОДЪЯЧ., 3

Э. Кантъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

Э М. КАНТЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ФИЛОСОФСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

М. М. Филиппова

Д-РА ФИЛОСОФІИ ГЕЙДЕЛЬБЕРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Съ портретомъ Канта, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія и хромолитографія П. П. Сойкина, Стремянная, 12.
1893

92 (Kant)
106

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 Іюня 1893 г.

Bibliotek. Kgl. Akad. Poln.
17692/1
im. E. Szweyc

BIBLIOTEKA
HIST-WO

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

I. Происхожденіе.—Дѣтство.—Піэтизмъ.—Школьные учителя и товарищи.—Раннее развитіе характера. 5

II. Университетскіе годы.—Вліяніе Кнутцена.—Самоотверженіе матери Канта.— Ея смерть.— Богословская подготовка и другія занятія. 14

III. Смерть отца.—Башмачникъ Рихтеръ издаетъ первое сочиненіе Канта.—Первый вызовъ метафизикамъ. 16

IV. Кантъ въ роли домашняго учителя.—Гюльзены и Кайзерлинги. Защита трехъ диссертацій.—Физическая монадологія.—Пятнадцать лѣтъ приватъ-доцентства.—Кантъ—русскій подданный. —Прошеніе на имя императрицы Елисаветы.— Разныя неудачи. —Кантъ получаетъ каѳедру. 18

V. Профессорская и литературная дѣятельность.—Космическая гипотеза.—Защита оптимизма и борьба съ мистицизмомъ.—Сведенборгъ.—Сновидѣнія духовидца. 26

VI. Обыденная жизнь и характеръ Канта. — Гигіена.— Общительность.—Взглядъ на женщину.—Почему Кантъ не женился.— Домашняя обстановка.—Дружба послѣ вызова на дуэль.— Слуга великаго человѣка.— Правила Канта.—Его правдивость . . 40

VII. Главные философскіе труды Канта; ихъ исторія.—Кантъ подвергается преслѣдованію со стороны придворныхъ ханжей. Послѣдніе годы жизни Канта. 53

VIII. Характеръ и значеніе философіи Канта.— Синтетическія апріорныя сужденія.—Апріорныя формы чувственности — пространство и время.—Различія между трансцендентальнымъ и трансцендентнымъ. — Феномены и нумены. — Антиномія. — Свобода воли.—Нравственность и религія чистаго разума 71

ГЛАВНЫЕ ИСТОЧНИКИ.

Литература о Кантѣ настолько обширна, что мы ограничиваемся указаніемъ лишь на главнѣйшія сочиненія, въ которыхъ можно найти чисто біографическія свѣдѣнія.

1. Borowski. «Darstellung des Lebens und Charakters Kants. 1804.»
2. Jachmann. «Kant». 1804.
3. Wasianski. «Kant». 1804.
4. Schubert. «Kants Biographie» (Kants Werke herausgegeben von Rosenkranz и Schubert. Bd. XI).
5. Kuno Fischer. «Kant» (III томъ его Исторіи Философіи) Heidelberg. 1889. Біографія и изложеніе ученія Канта.
5. E. Arnoldt. «Kants Jugend».

Изъ изданій сочиненій Канта полнѣйшія и лучшія—Розенкранца и Гартенштейна, а популярнѣйшее изданіе главныхъ произведеній Канта принадлежитъ Рекламу и редактировано Кербахомъ.

I.

Происхожденіе.—Дѣтство.—Піэтизмъ.—Школьные учителя и товарищи.—Раннее развитіе характера.

Въ началѣ XVIII столѣтія городъ Кенигсбергъ сталъ быстро развиваться въ промышленномъ и въ умственномъ отношеніи. Польское владычество, съ его постоянными неурядицами, съ преобладаніемъ землевладѣльческихъ интересовъ и отсутствіемъ сколько-нибудь значительныхъ промышленныхъ центровъ, мало способствовало развитію средняго сословія. Съ тѣхъ поръ однако, какъ великій курфюрстъ утвердилъ господство Бранденбурга надъ южнымъ берегомъ Балтійскаго моря, торговое значеніе Кенигсберга быстро возрасло. Кенигсбергъ сталъ главнымъ пунктомъ сношеній между земледѣльческой Польшей и торговыми странами Запада—Голландіей и Англіей. Вмѣстѣ съ торговлей развились и ремесла, занесенныя сюда главнымъ образомъ нѣмецкими выходцами. Городъ все болѣе и болѣе сталъ принимать нѣмецкое обличье, улицы получили нѣмецкія названія, протестантскія кирки явились на мѣсто костеловъ.

Кромѣ выходцевъ изъ Германіи, въ Кенигсбергѣ было много иностранцевъ разныхъ національностей, болѣе всего шведовъ, англичанъ, шотландцевъ, голландцевъ. Къ числу такихъ выходцевъ принадлежалъ и дѣдъ знаменитаго Канта. Въ концѣ XVII вѣка политическія и религіозныя причины вызвали усиленную эмиграцію изъ Шотландіи. Неизвѣстно, какія причины побудили дѣда великаго философа поселиться въ Тильзитѣ. Еще отецъ Канта, Іоганнъ-Георгъ, считалъ себя шотландцемъ и писалъ свою фамилію по шотландскому правописанію (Cant вмѣсто Kant). Такъ подписывался первоначально и самъ философъ, но, замѣтивъ, что нѣкоторые нѣмцы произносятъ его фамилію неправильно (Цантъ вмѣсто Кантъ), усвоилъ нѣмецкую орѳографію.

Шотландское происхожденіе Канта — по крайней мѣрѣ по отцовской линіи — представляетъ нѣкоторый интересъ въ томъ отношеніи, что сближаетъ Канта по крови съ философомъ, наиболѣе родственнымъ Канту по духу, а именно съ Юмомъ. Не слѣдуетъ однако забывать, что по матери Кантъ былъ чисто нѣмецкаго происхожденія—мать его называлась въ дѣвичествѣ Рейтеръ. Среда, въ которой воспитывался Кантъ, состояла почти исключительно изъ мелкихъ нѣмецкихъ бюргеровъ, купцовъ и ремесленниковъ. Съ англійскими купцами, принадлежавшими къ составу лучшаго кенигсбергскаго общества, Кантъ сблизился уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ. Отецъ Канта былъ по ремеслу сѣдельнымъ мастеромъ и жилъ въ такъ называемомъ Сѣдельномъ переулкѣ, подлѣ Зеленаго моста, центра рѣчной торговли Кенигсберга. Въ скромномъ домикѣ, на которомъ красовалась вывѣска его отца, родился 22-го апрѣля 1724 года Эммануилъ Кантъ. Изъ одиннадцати братьевъ и сестеръ Кантъ былъ четвертымъ; у него было три брата и семь сестеръ. Шестеро изъ одиннадцати умерли въ раннемъ дѣтствѣ. Единственный оставшійся въ живыхъ братъ Канта былъ на одиннадцать лѣтъ моложе философа, отличался хорошими, но ни въ какомъ случаѣ не геніальными способностями, изучалъ богословіе, исторію и филологію, къ философіи питалъ мало склонности и никогда не могъ понять умозрѣній своего брата. Этотъ Іоганнъ-Гейнрихъ Кантъ жилъ почти постоянно въ Митавѣ, гдѣ былъ священникомъ. Было время, и это время совпадаетъ съ расцвѣтомъ философской дѣятельности Эммануила Канта, когда братья совсѣмъ прекратили переписку, возобновившуюся лишь въ 1790 году. Братъ Канта умеръ нѣсколько раньше философа (въ 1800 году). Единственная черта сходства между братьями—энергія характера: въ этомъ они оба походили на мать.

О родителяхъ Канта извѣстно немногое, и притомъ главнымъ образомъ лишь со словъ самого Канта. Въ началѣ XVIII вѣка въ Кенигсбергѣ, какъ и во многихъ городахъ сѣверной Пруссіи, былъ значительно распространенъ піэтизмъ, созерцательное религіозное настроеніе, представлявшее рѣзкій контрастъ съ проникнутымъ канцелярскими началами правовѣрнымъ протестантизмомъ. При умѣренно мистическомъ направленіи, піэтизмъ имѣлъ по преимуществу моральный характеръ и господствовалъ, главнымъ образомъ, среди ремесленниковъ и низшаго духовенства. Какъ и во всякомъ религіозномъ сектантствѣ, въ піэтистическомъ направленіи былъ не малый элементъ ханжества. Но оно было

совершенно чуждо той скромной средѣ, въ которой вращался Кантъ.

Вліяніе піэтизма прежде всего отразилось на чисто внѣшнихъ сторонахъ его домашней обстановки. По словамъ самого Канта, никогда онъ не слышалъ отъ своихъ родителей ничего неприличнаго и не видѣлъ ничего недостойнаго. Любопытны еще слѣдующія слова Канта, высказанныя имъ Ринку:

«Хотя религіозныя представленія того времени и понятія о томъ, что такое добродѣтель и набожность, были весьма неясны, но соотвѣтствовавшія имъ вещи были найдены. Пусть говорятъ, что угодно, о піэтизмѣ, но люди, относившіеся къ нему серьезно, были люди почтенные. Они обладали наивысшимъ возможнымъ для человѣка спокойствіемъ, веселостью, внутреннимъ миромъ, не смущались никакими страстями, не боялись никакой нужды, никакихъ преслѣдованій. Никакой вызовъ, никакое задирательство не смущало ихъ внутренняго мира и не побуждало ихъ къ гнѣву и враждѣ. Словомъ, всякій наблюдатель невольно долженъ былъ уважать ихъ. Я помню еще теперь, какъ однажды начался споръ о правахъ между двумя цехами — шорниками (выдѣлывавшими ремни) и сѣдельниками. Мой отецъ сильно пострадалъ въ этомъ дѣлѣ; но даже при домашнемъ обсужденіи этой ссоры въ словахъ моихъ родныхъ было столько пощады и любви къ противникамъ, что, хотя я былъ небольшимъ мальчикомъ, мысль объ этомъ никогда меня не оставитъ».

Эти слова характеризуютъ всю ту нравственную атмосферу, въ которой вращался Кантъ. По общему свидѣтельству его первыхъ біографовъ, мать Канта оказала на сына болѣе значительное вліяніе, нежели отецъ.

Кантъ походилъ на мать характеромъ и тѣлосложеніемъ; отъ нея онъ унаслѣдовалъ вялую слабую грудь. Съ ранняго дѣтства Кантъ отличался слабымъ здоровьемъ. Мать нѣжно любила хилаго ребенка, холила его и много занималась его воспитаніемъ. Мальчикъ съ малыхъ лѣтъ обнаруживалъ острую наблюдательность и пытливость. Говорятъ, что мать, не смотря на свое ограниченное образованіе, значительно развивала пытливость мальчика. Гуляя съ нимъ, она постоянно обращала вниманіе сына на окружающую природу, поясняя свои слова цитатами изъ псалмовъ и другихъ мѣстъ Библіи, въ которыхъ восхваляется благость и премудрость Творца. Такимъ образомъ то доказательство бытія Божія, которое извѣстно подъ названіемъ физико-теологическаго и которое Кантъ цѣнилъ даже послѣ того, какъ отвергъ его, было ему извѣстно, въ наивной и простодушной формѣ, еще въ младенческіе годы. Съ нимъ связывались для Канта лучшія воспоминанія дѣтства, оно вызывало въ его памяти первые уроки матери. Все это чрезвычайно важно въ психологическомъ отношеніи. Любопытно, что и

нравственное ученіе Канта имѣетъ несомнѣнную психологическую связь съ первыми впечатлѣніями его дѣтства. Связь эту открыто признавалъ самъ философъ. На семьдесятъ четвертомъ году жизни онъ писалъ епископу Линдблому, что можетъ, относительно своего генеалогическаго дерева, похвастать лишь однимъ, а именно, что и отецъ, и мать его были ремесленники, отличавшіеся честностью, нравственной пристойностью и образцовой порядочностью, не имѣя состоянія, но за то и долговъ, «и дали мнѣ (по словамъ Канта) воспитаніе, которое, съ моральной точки зрѣнія, не могло быть лучшимъ». По словамъ Канта, каждый разъ, когда онъ вспоминалъ о томъ, чѣмъ обязанъ родителямъ съ нравственной стороны, онъ чувствовалъ себя преисполненнымъ трогательною благодарностью.

Существуютъ и болѣе опредѣленныя указанія на характеръ нравственнаго воспитанія, полученнаго Кантомъ. По словамъ одного изъ старинныхъ біографовъ, отецъ Канта требовалъ отъ дѣтей «труда и честности, въ особенности избѣганія всякой лжи; мать требовала еще бо́льшаго, именно святости. По всей вѣроятности, это и способствовало той непреклонной строгости, которую впослѣдствіи обнаружилъ Кантъ въ своемъ нравственномъ ученьи». Самъ Кантъ говаривалъ, что унаслѣдовалъ отъ матери черты лица и характера.

«Я никогда не забуду своей матери. Она насадила и взлелѣяла во мнѣ первый зародышъ добра, она открыла мое сердце впечатлѣніямъ природы, она возбудила и расширила мои понятія, и ея поученія оказали непрерывное спасительное вліяніе на всю мою жизнь».

Этихъ фактовъ и показаній совершенно достаточно для того, чтобы доказать, что первыя основы кантовской морали слѣдуетъ искать не у его философскихъ предшественниковъ и не въ его теоретическихъ размышленіяхъ, а въ той практической области, которая окружала его съ ранняго дѣтства.

Не только нравственнымъ, но и умственнымъ воспитаніемъ Кантъ много обязанъ родителямъ, и особенно матери. Замѣтивъ способности сына, мать рѣшила, что маленькій Эммануилъ не долженъ продолжать занятія отца. Съ ея точки зрѣнія, на вершинѣ умственнаго развитія стояли ея духовные учителя; поэтому мать Канта рѣшила подготовить сына къ духовному званію. Прежде чѣмъ принять это рѣшеніе, она пригласила своего духовника д-ра Франца Шульца, чтобы посовѣтоваться на счетъ дальнѣйшаго воспитанія сына, до тѣхъ поръ посѣщавшаго одну изъ начальныхъ

школъ, какія появились въ изобиліи во всѣхъ предмѣстьяхъ Кенигсберга.

Какъ разъ къ тому времени д-ръ Шульцъ взялъ на себя руководство коллегіей Фридриха (Collegium Fridericianum) въ Кенигсбергѣ. Шульцъ былъ однимъ изъ достойнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ представителей піэтистическаго направленія. Прибывъ въ 1731 году въ Кенигсбергъ, онъ былъ сначала проповѣдникомъ и совѣтникомъ консисторіи, затѣмъ сталъ профессоромъ богословія и директоромъ коллегіи Фридриха, не задолго передъ тѣмъ превращенной изъ частнаго заведенія въ государственное. Шульцъ пользовался довѣріемъ берлинскаго двора; впослѣдствіи ему даже поручили надзоръ за всѣмъ школьнымъ и церковнымъ дѣломъ Пруссіи. Онъ считался краснорѣчивымъ проповѣдникомъ и ученымъ догматикомъ. Въ бытность свою въ Галле, Шульцъ слушалъ лекціи разныхъ выдающихся піэтистовъ и въ то-же время былъ ученикомъ Вольфа, крупнѣйшаго изъ послѣдователей Лейбница. Систематичность ученія Вольфа, отличавшая его отъ нѣсколько безпорядочнаго изложенія Лейбница, его обширныя познанія и ловкій эклектизмъ, при помощи котораго онъ мирилъ религію съ философіей и наукой, все это внушало мысль, будто Вольфъ создалъ какую то самостоятельную систему. Эта система втеченіи долгаго времени считалась даже вѣнцомъ философскаго мышленія, и господство ея въ Германіи было безгранично вплоть до появленія философіи Канта. Даже насмѣшливый Вольтеръ, не щадившій Лейбница, высоко чтилъ его ученика, стоявшаго не выше философской посредственности, и однажды написалъ извѣстную фразу: Wolfio docente, rege philosopho regnante (когда училъ Вольфъ и царствовалъ король-философъ), одинаково лестную для Вольфа и для Фридриха II.

Было время суровой реакціи, когда ученіе Вольфа, по существу далеко не революціонное, считалось опаснымъ. Со вступленіемъ на престолъ Фридриха II настали лучшія времена. Податливость ученія Вольфа много способствовала сближенію его съ піэтизмомъ. Когда Шульцъ находился въ Галле, здѣсь религія и философія давно торжествовали полное примиреніе, до сихъ поръ отыскиваемое многими философскими школами. Самъ Вольфъ считалъ Шульца однимъ изъ способнѣйшихъ своихъ учениковъ; другимъ ученикомъ того же Вольфа былъ кенигсбергскій профессоръ Кнутценъ, котораго, въ противоположность Шульцу, привлекала не богословско-нравственная, а физико-математическая сторона ученія Вольфа.

Шульцъ и Кнутценъ были учителями, оказавшими на Канта

въ его юношескіе годы наибольшее вліяніе. Черезъ нихъ посредство Кантъ примыкаетъ къ такъ называемой лейбницe-вольфовской школѣ, бывшей колыбелью новой германской философіи и составляющей естественный переходъ отъ схоластической метафизики къ ученію Канта.

Канту было менѣе десяти лѣтъ, когда онъ поступилъ въ коллегію Фридриха. Хотя это училище отстояло дальше всѣхъ среднихъ школъ отъ дома, гдѣ жили родители Канта, мать не задумалась поручить сына высоко-уважаемому ею д-ру Шульцу. Несмотря на робость и застѣнчивость мальчика, Шульцъ угадалъ въ немъ выдающіяся способности и одобрилъ выборъ матери, совѣтуя Канту изучать богословіе.

Піэтистическій духъ, господствовавшій въ коллегіи Фридриха, исходилъ не отъ одного Шульца, но еще въ большей степени отъ ея основателя, д-ра Генриха Лизія, который даже по пріобрѣтеніи школою казенныхъ правъ неограниченно распоряжался назначеніемъ учителей. Въ особой церкви этого заведенія богословы піэтистическаго направленія читали священную исторію, произносили поученія и проповѣди. Не ограничиваясь частымъ посѣщеніемъ этихъ чтеній, Кантъ съ матерью посѣщалъ молитвенные часы профессора Шульца, что тотъ особенно рекомендовалъ своимъ ученикамъ. На этихъ часахъ произносились проповѣди, возбуждавшія религіозный энтузіазмъ. О содержаніи ихъ можно судить уже по названіямъ; такъ, одна изъ проповѣдей была озаглавлена: «О блистательной борьбѣ Іисуса». Пылкое краснорѣчіе Шульца производило на малолѣтняго Канта сильное впечатлѣніе. Шульцъ не ограничивался духовной помощью прихожанамъ и ученикамъ. Слѣдуя правилу: «вѣра безъ дѣлъ мертва», онъ поддерживалъ прихожанъ, чѣмъ могъ: кого совѣтомъ, кого утѣшеніемъ, кого деньгами, пищей и одеждой. Родители Канта не нуждались въ насущномъ хлѣбѣ и никогда не обращались къ благотворительности. Тѣмъ не менѣе Шульцъ считалъ своей обязанностью оказывать имъ маленькую помощь въ видѣ подарка къ праздникамъ. Ко дню Рождества родители Канта получали отъ добраго профессора дрова, которыя даже привозились къ нимъ на домъ. Часто Шульцъ помогалъ матери Канта совѣтомъ, даже самъ являлся къ ней и указывалъ на способности ея Эммануила. Въ глубокой старости Кантъ хотѣлъ изъ чувствъ признательности «поставить Шульцу почетный памятникъ» въ своихъ сочиненіяхъ, и только предсмертный упадокъ силъ помѣшалъ философу исполнить это намѣреніе.

О ранней юности Канта извѣстно немногое. Слабость здоровья, природная робость и значительная разсѣянность много мѣшали успѣшности его занятій, а между тѣмъ не всѣ учителя отличались проницательностью Шульца и умѣли видѣть способности подъ оболочкой застѣнчивости. Дисциплина въ школѣ отличалась суровостью, и нельзя сказать, чтобы Кантъ впослѣдствіи одобрялъ духъ, господствовавшій въ школѣ. Еще о начальной школѣ онъ отзывался въ довольно неодобрительныхъ выраженіяхъ. По его словамъ, большинство учителей отличалось сердитымъ нравомъ и чрезмѣрной строгостью; тѣмъ не менѣе въ начальной школѣ дисциплина соблюдалась лишь у одного учителя, болѣзненнаго и весьма неказистой наружности, но любимаго учениками за его знанія и преподавательскія способности. Немногимъ лучше было въ коллегіи, гдѣ Кантъ учился втеченіи семи лѣтъ. Кромѣ Шульца, сравнительными достоинствами отличался преподаватель латинскаго языка Гейденрейхъ; за то математика и логика были въ совершенномъ загонѣ и преподавали ихъ совершенно ничтожныя личности, вродѣ Кухловіуса. Впослѣдствіи Кантъ, вспоминая о той математикѣ и логикѣ, которою его пичкали въ школѣ, съ трудомъ могъ удержаться отъ смѣха... «Этигоспода,—сказалъ онъ однажды своему бывшему школьному товарищу Кундо,—не могли зажечь въ насъ даже нималѣйшей искры». «Скорѣе могли затушить»,—отвѣтилъ на это Кундо.

Названный Кундо вмѣстѣ съ Кантомъ и будущимъ знаменитымъ филологомъ Рункеномъ составляли родъ тріумвирата, связаннаго узами тѣснѣйшей дружбы. Изъ всѣхъ преподавателей одинъ только учитель латинскаго языка успѣлъ заинтересовать «тріумвировъ», а потому и неудивительно, что они на школьной скамьѣ вообразили себя будущими филологами. Въ виду этого, они поспѣшили передѣлать на латинскій ладъ свои имена и называли себя Кундеусъ, Кантіусъ и Рункеніусъ. Изъ троихъ только одинъ Рункенъ остался вѣренъ юношескому выбору, и дѣйствительно прославился, какъ филологъ. Главнымъ мѣстомъ его дѣятельности сталъ Лейденъ, откуда много лѣтъ спустя (10 марта 1771 года) Рункенъ написалъ Канту любопытное письмо, рисующее ихъ школьныя отношенія. Изъ письма этого видно между прочимъ, какъ незначительны были въ концѣ XVIII вѣка сношенія между учеными столь близкихъ между собою странъ, каковы Голландія и Германія. Рункенъ пишетъ, что ему рѣдко удавалось доставать написанныя на нѣмецкомъ языкѣ сочиненія Канта, о которыхъ онъ узнавалъ главнымъ образомъ изъ газетныхъ отзывовъ. Жалѣя о томъ, что Кантъ мало пишетъ по ла-

тыни, и замѣчая, что нѣмецкій языкъ дѣлаетъ сочиненія Канта «мало доступными» и мѣшаетъ ихъ распространенію среди ученыхъ всего міра, Рункенъ напоминаетъ школьному товарищу о томъ времени, когда они вмѣстѣ мечтали и говорили по латыни. «Для тебя было бы не трудно писать по латыни,—замѣчаетъ Рункенъ.—Тогда и англичане, и голландцы могли бы понять тебя. Ты вѣдь еще въ школѣ прекрасно писалъ по латыни. Судя по твоимъ способностямъ, всѣ предсказывали, что ты достигнешь блестящей будущности на поприщѣ словесности». Но особенно любопытно замѣчаніе Рункена объ общемъ духѣ школьнаго ученія. «Тридцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ,—пишетъ онъ въ своемъ латинскомъ посланіи,—какъ мы съ тобою подвергались скучной дисциплинѣ фанатиковъ, хотя въ ученіи было кое что полезное, о чемъ нечего жалѣть». Этотъ самый Рункенъ, какъ богатѣйшій изъ троихъ, доставалъ дорогія книги, которыя читались сообща.

Кантъ, вмѣсто замѣчательнаго филолога, сталъ первымъ философомъ своего вѣка. Что касается третьяго члена тріумвирата, способнаго Кунде, судьба его была печальна. Не умѣя выбраться изъ нужды и подняться выше окружающей обстановки, онъ перебивался кое какъ, занимая ничтожную должность и не достигнувъ даже скромной извѣстности.

Изъ прочихъ товарищей Канта, съ которыми онъ дружилъ на школьной скамьѣ, можно указать на Вилькеза и Труммера. Вилькезъ интересенъ потому, что онъ чуть ли не первый занесъ идеи Канта въ Россію, куда уѣхалъ, ставъ гувернеромъ у дѣтей князя Волконскаго. Онъ жилъ впослѣдствіи въ Москвѣ, но въ 1771 г. пріѣхалъ на время въ Кенигсбергъ, а оттуда—въ Голландію. Узнавъ отъ Вилькеза подробности о дѣятельности Канта, Рункенъ вздумалъ вступить съ философомъ въ переписку. Переписка однако не завязалась, быть можетъ потому, что въ то время Кантъ уже нѣсколько отвыкъ думать по латыни и испытывалъ нѣкоторое затрудненіе въ латинской стилистикѣ, а отвѣчать по нѣмецки знаменитому филологу не хотѣлъ.

Труммеръ былъ однимъ изъ тѣхъ товарищей, къ которымъ Кантъ питалъ сильную привязанность. Онъ былъ единственнымъ врачемъ, которому Кантъ довѣрялъ настолько, что согласился принимать прописанныя имъ слабительныя пилюли,—единственное лѣкарство, признанное для себя Кантомъ.

По словамъ одного изъ школьныхъ товарищей Канта, въ школѣ Кантъ не обнаруживалъ ни малѣйшей склонности къ философіи, и

никому даже не могло придти въ голову, что изъ него «выйдетъ философъ». Отчасти это слѣдуетъ отнести на счетъ разныхъ Кухловіусовъ, преподававшихъ логику и другіе близкіе къ философіи предметы по схоластическому методу. Но помимо этого, о Кантѣ слѣдуетъ сказать, что умъ его, какъ и Ньютона, развился сравнительно поздно. Въ немъ не было признаковъ той ранней геніальности, которою отличались напр. Лейбницъ и Паскаль. Если не считать такъ называемой «геніальной разсѣянности», которою Кантъ, подобно Ньютону, отличался съ дѣтства, то трудно указать признаки, которые характеризовали бы Канта въ ранней юности, какъ будущаго реформатора философіи. О разсѣянности Канта сложилось немало анекдотовъ, изъ которыхъ достаточно привести одинъ. Еще въ начальной школѣ онъ часто терпѣлъ отъ учителей за то, что являлся безъ книгъ, о чемъ обыкновенно вспоминалъ лишь въ тотъ моментъ, когда входилъ въ классъ. Однажды онъ вывелъ изъ себя учителя заявленіемъ, что онъ раньше забылъ, куда положилъ книгу, но вспомнилъ объ этомъ какъ разъ въ моментъ, когда его объ этомъ спросили; учитель конечно не повѣрилъ и приписалъ это нежеланію учиться.

Весьма рано обнаружилась у Канта характеризовавшая его способность побѣждать свои душевныя волненія. Въ дѣтствѣ Кантъ, какъ и бо́льшая часть дѣтей хилыхъ, слабогрудыхъ и малокровныхъ, не отличался особенной храбростью. Но въ минуту дѣйствительной опасности онъ съумѣлъ обнаружить удивительное присутствіе духа. Восьмилѣтнимъ мальчикомъ онъ однажды вздумалъ перейти черезъ глубокую канаву съ водою по перекинутому бревну. Не успѣлъ онъ пройти нѣсколько шаговъ, какъ голова его закружилась. Онъ хотѣлъ вернуться назадъ, но бревно закачалось и готово было совсѣмъ скатиться. Тогда маленькій Кантъ сдѣлалъ надъ собою усиліе и, стараясь не смотрѣть внизъ, устремилъ глаза на одну точку по ту сторону канавы; смотря пристально и не поддаваясь чувству страха, онъ благополучно переправился на ту сторону.

Побѣдивъ въ себѣ природную робость, зависѣвшую отъ деликатности его нервной организаціи, Кантъ не съумѣлъ въ такой же степени отдѣлаться отъ застѣнчивости. Это его качество изгладилось лишь въ самыхъ зрѣлыхъ лѣтахъ, перейдя постепенно въ скромность, отличавшую Канта даже въ то время, когда онъ былъ на верху своей славы.

II.

Университетскіе годы. — Вліяніе Кнутцена. — Самоотверженіе матери Канта.—Ея смерть.—Богословская подготовка и другія занятія.

Исключая знанія латинскаго языка и моральнаго вліянія богословскихъ поученій Шульца, средняя школа ничего не дала Канту и быть можетъ даже задержала развитіе его генія. Значительно благотворнѣе повліялъ на него университетъ. Въ то время кёнигсбергскій университетъ еще не былъ, какъ значительно позднѣе, пріютомъ для «прусскихъ лейтенантовъ». Здѣсь находились крупныя научныя силы и — что въ особенности было важно для Канта,—какъ разъ физико-математическія науки, загнанныя и униженныя въ коллегіи Фридриха, здѣсь находились въ большомъ почетѣ. Изъ профессоровъ, оказавшихъ особое вліяніе на Канта, необходимо указать на Мартина Кнутцена, читавшаго философію и математику. О Кнутценѣ было уже упомянуто (на ряду съ Шульцемъ), какъ объ ученикѣ Вольфа.

Подобно Канту, Кнутценъ былъ уроженецъ Кенигсберга. Свою карьеру онъ началъ блистательно, получивъ еще на 21 году жизни каѳедру логики и метафизики. Этотъ талантливый и трудолюбивый молодой ученый былъ однимъ изъ первыхъ въ Германіи, взявшихъ на себя задачу популяризировать безсмертныя произведенія Ньютона.

Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Кнутценъ, какъ послѣдователь лейбницe-вольфовской философіи, тѣмъ самымъ былъ, до извѣстной степени, предрасположенъ не въ пользу англійской философіи вообще и умозрѣній Ньютона въ особенности.

Кнутценъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ (1751), вскорѣ послѣ того, какъ отпраздновалъ свою 37 годовщину. Онъ былъ лишь десятью годами старше своего геніальнаго ученика. Вліяніе Кнутцена на Канта не подлежитъ никакому сомнѣнію. Онъ первый отклонилъ Канта отъ филологическихъ занятій, указавъ ему на необозримое поле натуральной и моральной философіи. Насколько самостоятельно относился самъ Кнутценъ къ господствовавшему въ Германіи философскому эклектизму, доказывается не только глубокимъ уваженіемъ къ Ньютону, которое онъ питалъ самъ и вселялъ своимъ ученикамъ, но и его собственными философскими умозрѣніями, довольно замѣчательными для своего времени. Въ своемъ вступительномъ сочиненіи (какія пишутся въ Германіи для полученія каѳедры) Кнутценъ разобралъ вопросъ о связи между душою и тѣломъ (1733), причемъ рѣшительно отвергъ

ученіе Лейбница о предустановленной гармоніи. Въ то время какъ Вольфъ, не рѣшаясь разстаться съ «гармоніей», ограничился тѣмъ, что вмѣсто «міровой гармоніи» призналъ лишь «антропологическую», т. е. допустилъ ее для души по отношенію къ тѣлу, Кнутценъ поступилъ гораздо рѣшительнѣе и смѣлѣе, допустивъ чисто физическое вліяніе или «естественное взаимодѣйствіе между душою и тѣломъ, составляющее необходимое послѣдствіе естественнаго взаимодѣйствія между всѣми вещами въ мірѣ». Отношеніе между душою и тѣломъ было, съ точки зрѣнія Кнутцена, лишь частнымъ случаемъ великаго закона «дѣйствія равнаго противодѣйствію», установленнаго (съ чисто механической точки зрѣнія) Ньютономъ.

Исходя изъ этихъ началъ, Кнутценъ развилъ цѣлое философское ученіе, изложенное въ его главномъ сочиненіи: «Система дѣйствующихъ причинъ» (1745), которое стоитъ гораздо ближе къ англійскому эмпиризму, чѣмъ къ философіи Лейбница. Не слѣдуетъ однако думать, чтобы молодой Кантъ, даже въ началѣ своего философскаго поприща, сталъ клясться словами учителя. Работы Кнутцена повліяли на него побудительнымъ, но не убѣдительнымъ образомъ. Механическое міросозерцаніе казалось Канту слишкомъ узкимъ и, не принимая безусловно ни философіи Лейбница, ни какой либо иной философской системы, Кантъ уже на первыхъ порахъ обнаружилъ проницательный критическій талантъ, не позволявшій ему увлечься какою либо односторонней догмой.

Университетская карьера Канта находится въ тѣсной связи съ его семейными обстоятельствами. Еще до вступленія въ университетъ (на 13 году жизни) Кантъ потерялъ мать.

Потеря эта была для него чрезвычайно чувствительна. До глубокой старости Кантъ не могъ говорить безъ признаковъ сильнаго душевнаго волненія о подробностяхъ смерти своей матери, которая умерла, какъ жила, ставъ жертвою любви къ ближнему. Одна ея нѣжно любимая подруга была обручена съ человѣкомъ, который обманулъ невѣсту и женился на другой. Обманутая заболѣла, желала смерти и не хотѣла принимать лѣкарствъ. Мать Канта ухаживала за больной, замѣняла сидѣлку и убѣждала подругу принять какую-то микстуру. Для большей убѣдительности, она сама выпила изъ ложки, которую употребляла больная. Между тѣмъ у больной оказался тифъ. Мать Канта заразилась и сверхъ того вообще была мнительна къ болѣзнямъ, что содѣйствовало потрясенію ея нервной системы. Черезъ нѣсколько дней она сама слегла и вскорѣ умерла.

По смерти матери Канта дѣла отца сильно запутались и, если бы

не дядя по матери, ремесленникъ Рихтеръ, Кантъ не имѣлъ бы средствъ для поступленія въ университетъ. Исполняя завѣтъ матери, Кантъ записался первоначально на богословскій факультетъ и весьма усердно посѣщалъ лекціи нѣкоторыхъ богослововъ. Безъ всякаго сомнѣнія, Кантъ въ началѣ своего студенческаго поприща серьезно и добросовѣстно готовился къ священическому званію и лишь постепенно пришелъ къ убѣжденію, что не чувствуетъ призванія къ этого рода дѣятельности. Между прочимъ, чтеніе пробныхъ проповѣдей убѣдило его въ слабости его голоса.

Само собою разумѣется, что посѣщеніе богословскихъ лекцій и штудированіе своихъ записокъ по богословію занимало лишь часть времени Канта. Кромѣ лекцій Кнутцена по математикѣ и философіи, онъ съ увлеченіемъ слѣдилъ за лекціями Теске по физикѣ. Изученіе физико-математическихъ наукъ дало умственной дѣятельности Канта совершенно новое направленіе. По свидѣтельству одного изъ его университетскихъ товарищей (Гейльсберга), въ концѣ своей студенческой жизни Кантъ едва ли могъ считаться «завзятымъ студентомъ теологіи». Вообще никто изъ товарищей Канта не могъ понять, къ какой житейской карьерѣ онъ готовится. Планъ его университетскихъ занятій, въ которомъ физико-математическія науки перемѣшивались съ богословіемъ, съ языкознаніемъ и т. д., казался его товарищамъ настоящей загадкой. Даже ближайшій университетскій другъ и товарищъ Канта, д-ръ Труммеръ, ничего не зналъ объ этомъ, исключая того, что Кантъ по преимуществу занимался нравственными и словесными науками, но въ то же время и математикой, и латинскими классиками, и философіей. «Къ чему ему все это?»—спрашивали нѣкоторые товарищи, думавшіе, что изъ Канта выйдетъ хорошій сельскій священникъ.

III.

Смерть отца.—Башмачникъ Рихтеръ издаетъ первое сочиненіе Канта.—Первый вызовъ метафизикамъ.

Кантъ провелъ на студенческой скамьѣ пять лѣтъ (1740—1745),—срокъ, который считался нормальнымъ для студента съ средними способностями. Такимъ образомъ даже въ университетѣ Кантъ не успѣлъ ничѣмъ проявить своихъ особенныхъ дарованій и философской глубины мысли. Случай для этого представился вскорѣ по окончаніи имъ университетскаго курса.

Во время пребыванія Канта на студенческой скамьѣ матеріаль-

ныя обстоятельства его были весьма плохи. За ничтожную плату преподавалъ онъ математику и другіе предметы. Чаще всего онъ занимался съ богатыми товарищами, репетируя съ ними затруднявшія ихъ лекціи. Было время, когда Кантъ добивался вакантнаго мѣста учителя въ латинской школѣ въ Кнейпгофѣ. Должность эта была чрезвычайно обременительна, все время поглощалось занятіями съ учениками и исправленіемъ ихъ тетрадей, но Канта прельщала мысль о томъ, что эта должность давала доступъ къ богатой дворцовой библіотекѣ. Канту предпочли другого конкурента—круглаго невѣжду, нѣкоего Каперта—и, быть можетъ, философъ выигралъ отъ того, что не былъ вынужденъ тянуть лямку, которая могла преградить ему доступъ къ академической карьерѣ.

24 марта 1746 г. умеръ отецъ Канта. Это новое семейное горе глубоко опечалило его. Самъ Кантъ вписалъ это событіе, по протестантскому обычаю, въ семейную библію, причемъ замѣтилъ между прочимъ, что на долю его отца выпало немного радостей въ жизни.

По смерти отца, матеріальное положеніе Канта, только что окончившаго университетскій курсъ, стало почти отчаяннымъ. По счастію, его двоюродный дядя по матери, честный башмачникъ Рихтеръ, оказывавшій поддержку Канту, когда тотъ былъ еще студентомъ, и теперь взялся поддержать первые шаги молодого ученаго. Нѣмецкіе ремесленные классы могутъ съ справедливою гордостью указать на то, что первое печатное произведеніе величайшаго философа Германіи было издано на свой страхъ и рискъ простымъ башмачникомъ, съумѣвшимъ оцѣнить въ племянникѣ способнаго и подающаго надежды человѣка. Первымъ появившимся въ печати сочиненіемъ Канта была, напечатанная на счетъ Рихтера, брошюра: «Мысли объ истинной оцѣнкѣ живыхъ силъ въ природѣ».

Это первое печатное произведеніе Канта (автору было въ то время 23 года) проникнуто пыломъ молодости и, въ противоположность позднѣйшимъ его сочиненіямъ, отличается даже нѣкоторымъ задоромъ. «Теперь,—пишетъ онъ,—мы смѣло попытаемся счесть за ничто авторитетъ Ньютона и Лейбница, разъ мы можемъ противопоставить ихъ утвержденіямъ открытіе истины. Мы не будемъ повиноваться никакимъ убѣжденіямъ, исключая внушеній разсудка.» «Я предначерталъ себѣ путь,—пишетъ далѣе Кантъ,—которому намѣренъ слѣдовать. Ничто не совратитъ меня съ этого пути.»

Сочиненіе это любопытно лишь съ чисто-исторической и біографической точки зрѣнія, какъ первая проба пера геніальнаго философа. Впрочемъ, въ немъ нѣтъ недостатка въ отдѣльныхъ весьма

мѣткихъ и глубокихъ замѣчаніяхъ. Здѣсь уже видна первая попытка рѣшить вопросъ о природѣ пространства. Кантъ замѣчаетъ, что трехмѣрность и другія свойства пространства зависятъ быть можетъ отъ «особаго способа представленія, свойственнаго нашей душѣ». Кантъ говоритъ здѣсь, что постарается въ будущемъ возвратиться къ обсужденію этого вопроса.

Подобно своему любимому профессору Кнутцену, Кантъ рѣшительно отстаиваетъ ученіе Ньютона о всемірномъ тяготѣніи противъ картезіанцевъ и правовѣрныхъ сторонниковъ Лейбница. Въ сложности и искусственности системы Декарта Кантъ видитъ доказательство ея ошибочности. «То мнѣніе должно одержать верхъ,—говоритъ Кантъ,—которое описываетъ природу такою, какова она есть, т. е. простою и безъ безчисленныхъ окольныхъ путей.» Любопытна также первая вылазка Канта противъ ходячей метафизики.

«Наша метафизика,—пишетъ онъ,—подобно многимъ другимъ наукамъ, стоитъ лишь на порогѣ вполнѣ основательнаго познанія. Богъ знаетъ, когда она перешагнетъ этотъ порогъ. Не трудно видѣть ея слабость во многихъ ея предпріятіяхъ. Весьма часто мы видимъ, что сильнѣйшей опорой ея доказательствъ служитъ предразсудокъ. Виною въ этомъ чаще всего является господствующая склонность тѣхъ, кто стремится расширять человѣческое познаніе. Они предпочитаютъ весьма обширную мудрость основательному знанію.»

Такимъ образомъ въ первомъ произведеніи Канта уже слегка намѣченъ вопросъ о необходимыхъ границахъ познанія. Самая постановка этого вопроса на научной почвѣ была совершенно чужда и богословскому догматизму, и метафизическому раціонализму. Для богослова границею разума была вѣра; метафизикъ считалъ область познанія безграничною. Надо было поставить вопросъ, не можетъ ли разумъ изслѣдовать свои собственныя границы? Въ постановкѣ и рѣшеніи этого вопроса состоитъ главная заслуга критической философіи Канта.

IV.

Кантъ въ роли домашняго учителя.—Гюльзены и Кайзерлинги.—Защита трехъ диссертацій.—Физическая монадологія.—Пятнадцать лѣтъ приватъ-доцентства.—Кантъ—русскій подданный.—Прошеніе на имя императрицы Елисаветы.—Разныя неудачи.—Кантъ получаетъ каѳедру.

Стѣсненныя матеріальныя обстоятельства побудили Канта искать средствъ къ жизни. За неимѣніемъ ничего лучшаго, онъ занялся домашнимъ учительствомъ и втеченіи девяти лѣтъ преподавалъ въ разныхъ частныхъ домахъ. Самъ Кантъ считалъ себя въ

области педагогіи хорошимъ теоретикомъ, но посредственнымъ практикомъ. Однажды онъ высказалъ о себѣ самомъ слѣдующее мнѣніе: «Я никогда не умѣлъ примѣнять на дѣлѣ мои собственныя педагогическія правила». Сужденіе это слѣдуетъ всецѣло отнести на счетъ скромности Канта; по крайней мѣрѣ ни родители, ни ученики не раздѣляли этого мнѣнія, и одинъ только Кантъ говорилъ о своей педагогической практикѣ: «Трудно представить себѣ худшаго гувернера, нежели я». Прежде всего Кантъ былъ учителемъ въ домѣ реформатскаго проповѣдника Андерша, затѣмъ—въ дворянской семьѣ ф. Гюльзена, наконецъ—въ домѣ графа Кайзерлинга. Всѣ эти семьи навсегда сохранили къ нему дружбу и признательность. Одинъ изъ молодыхъ Гюльзеновъ впослѣдствіи жилъ у Канта въ качествѣ пансіонера. О вліяніи Канта на своихъ воспитанниковъ можно судить по одному тому факту, что молодой Гюльзенъ былъ впослѣдствіи однимъ изъ первыхъ прусскихъ помѣщиковъ, добровольно освободившихъ крестьянъ отъ барщины.

Лично для Канта наиболѣе значенія и интереса представляло его продолжительное пребываніе въ домѣ графа Кайзерлинга. Семья графа проводила зиму въ Кенигсбергѣ, лѣто—въ деревенскомъ домѣ графа, въ Раутенбургѣ. Графиня Кайзерлингъ, урожденная имперская графиня фонъ-Труксессъ, была извѣстна, какъ одна изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ женщинъ своего времени. Она высоко цѣнила Канта; Кантъ въ свою очередь усвоилъ въ домѣ графини изящныя манеры, которыми впослѣдствіи удивлялъ всѣхъ, ожидавшихъ встрѣтить глубокомысленнаго кабинетнаго мудреца. Втеченіи тридцати лѣтъ, до самой смерти графини, Кантъ оставался близкимъ другомъ ея дома.

Кантъ терпѣть не могъ излишней церемонности и надутаго чванства; но у такъ называемыхъ аристократовъ онъ цѣнилъ изящество манеръ и умѣнье владѣть собою, причемъ часто говорилъ, что считаетъ эти качества необходимыми для всякаго развитого человѣка. Помимо манеръ, въ домѣ графа Кайзерлинга Канта привлекали бесѣды о французской, итальянской и англійской литературѣ; бесѣды эти происходили большей частью во время обѣда, и отсюда возникла у Канта страсть къ застольнымъ бесѣдамъ, которую онъ сохранилъ до глубокой старости.

Въ 1755 году Канту удалось наконецъ получить каѳедру при кенигсбергскомъ университетѣ. 12 іюня онъ представилъ на магистерскую степень латинское сочиненіе «Объ огнѣ». Бывшій учитель Канта, профессоръ физики Теске, прочитавъ этотъ трактатъ, ска-

залъ: «это сочиненіе выше всякихъ похвалъ; я самъ научился коечему отсюда». Факультетъ единогласно провозгласилъ Канта магистромъ словесности (magister artium). Нѣсколько позднѣе, 27 сентября того же года, Кантъ представилъ другое сочиненіе: «О принципахъ метафизическаго познанія», которое защищалъ публично, послѣ чего получилъ каѳедру философіи въ качествѣ приватъ-доцента. Королевскій указъ 1749 года предписалъ однако, чтобы каждый, занимающій каѳедру, диспутировалъ публично не менѣе трехъ разъ. Въ виду этого, Кантъ защищалъ еще разъ, именно въ апрѣлѣ 1756 года, сочиненіе «О физической монадологіи».

Двѣ изъ названныхъ диссертацій Канта, а именно «Объ огнѣ» и «О физической монадологіи», находятся въ тѣсной связи съ упомянутымъ уже юношескимъ трактатомъ объ измѣреніи силъ. Во всѣхъ физическихъ трактатахъ Канта нельзя не видѣть одной общей идеи, а именно динамизма. Кантъ утверждаетъ, что сцѣпленіе и упругость тѣлъ зависятъ отъ той же упругой матеріи, которая является причиною теплоты и огня (горѣнія). «Волнообразное движеніе этой матеріи,—пишетъ Кантъ,—и есть то, что получило названіе теплоты. Матерія теплоты есть не что иное, какъ эоиръ, иначе называемый матеріей свѣта». Этотъ эоиръ наполняетъ всѣ промежутки или поры между частицами матеріи, которыя своимъ взаимнымъ притяженіемъ сжимаютъ эоиръ, между ними находящійся.

Въ общихъ чертахъ это ученіе Канта немногимъ отличается отъ современныхъ взглядовъ на «обыкновенную» и «эоирную» матерію.

Не менѣе любопытны разсужденія Канта о физической монадологіи. Поставивъ себѣ задачей согласовать монадологію съ физикой, Кантъ выбрасываетъ за бортъ всякія «простыя сущности» и откровенно объясняетъ, что будетъ имѣть дѣло съ «физическими монадами», другими словами,—съ атомами. Монады недѣлимы, пространство наоборотъ дѣлимо до безконечности. Является вопросъ, какимъ образомъ возможно существованіе монадъ въ пространствѣ? Кантъ рѣшаетъ этотъ вопросъ, заявляя, что монада есть сила (или центръ силы, по терминологіи позднѣйшихъ физиковъ), имѣющая опредѣленную *сферу дѣйствія*. Такимъ образомъ сила «наполняетъ пространство», оставаясь однако недѣлимою, подобно математической точкѣ. (Здѣсь многіе видятъ зародышъ ученія о такъ называемомъ *потенціалѣ*). Кантъ допускаетъ постоянное взаимодѣйствіе притягательныхъ и отталкивающихъ силъ и этимъ способомъ объясняетъ непроницаемость и массу тѣлъ. Значительный интересъ представляютъ также разсужденія Канта объ относитель-

номъ движеніи. Кантъ отвергаетъ существованіе абсолютнаго покоя и считаетъ всѣ движенія относительными. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ отвергаетъ и ученіе о «силѣ инерціи» въ той формѣ, какую придаютъ этому ученію даже многіе новѣйшіе учебники механики и физики.

Несмотря на то, что Кантъ успѣлъ обратить на себя вниманіе университета, академическая карьера его подвигалась необыкновенно туго. Втеченіи *пятнадцати* лѣтъ онъ вынужденъ былъ оставаться приватъ-доцентомъ. Различныя обстоятельства послужили для него серьезной помѣхой. Еще въ 1751 году умеръ любимый профессоръ Канта, Кнутценъ, и по смерти его каѳедра логики и метафизики втеченіи долгаго времени оставалась незанятою. Въ 1755 году Кантъ началъ въ зимнемъ семестрѣ рядъ академическихъ чтеній по математикѣ и физикѣ. По тогдашнимъ правиламъ, каждый молодой профессоръ долженъ былъ слѣдовать какому-либо признанному авторитету. Кантъ избралъ своимъ авторитетомъ Вольфа въ области математики, и Эбергардта—по физикѣ. Но насколько самостоятельно относился онъ къ своимъ оффиціальнымъ руководителямъ, видно хотя бы изъ слѣдующихъ словъ Канта, находящихся въ его «Физической монадологіи»: «Я знаю,—пишетъ онъ,—что тѣ господа, которые привыкли выбрасывать вонъ, какъ ненужный соръ, все, что не имѣетъ на себѣ клейма вольфовой или какой-либо иной знаменитой фабрики, сочтутъ мои мысли не стоющими вниманія».

Лекціи Канта имѣли значительный успѣхъ. Кантъ пытался обратиться къ прусскому правительству съ цѣлью добыть экстраординарную профессуру. Но какъ разъ въ это время началась семилѣтняя война, и правительству было не до раздачи каѳедръ. Прошеніе Канта было оставлено, выражаясь канцелярскимъ языкомъ, безъ послѣдствій.

Два года спустя (1758) стала вакантною каѳедра ординарной профессуры по логикѣ и метафизикѣ. Еще въ началѣ этого года русскія войска овладѣли провинціей Пруссіей и 22-го января вступили въ Кенигсбергъ. Все управленіе краемъ, включая и университетскую администрацію, попало въ руки русскаго генерала (изъ нѣмцевъ) барона ф. Корфа. Жители Кенигсберга были приведены къ присягѣ, въ городѣ праздновались русскіе царскіе дни и профессора пінтики слагали въ честь императрицы Елисаветы хвалебныя вирши.

При такихъ обстоятельствахъ Кантъ долженъ былъ ожидать милостей отъ русскаго правительства, и онъ обратился къ императрицѣ съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, которое лишь въ 1893 году было сообщено въ печати. Документъ этотъ не находится ни въ одномъ

нѣмецкомъ изданіи сочиненій Канта, его нѣтъ и ни въ одной изъ до сихъ поръ изданныхъ біографій великаго философа, поэтому мы считаемъ себя вправѣ помѣстить его здѣсь цѣликомъ.

Пресвѣтлѣйшая, всесильная Государыня, Самодержица всея Руси, всемилостивѣйшая Государыня и великая жена!

«*Вслѣдствіе смерти покойнаго доктора и профессора Кипке (Kypke) Professio ordinaria логики и метафизики, которую онъ занималъ въ здѣшнемъ кенигсбергскомъ университетѣ, стала вакантною. Эти науки всегда составляли главнѣйшій предметъ моихъ занятій. Впродолженіи тѣхъ лѣтъ, когда я находился въ здѣшнемъ университетѣ, я каждый семестръ читалъ объ этихъ наукахъ, на частныхъ урокахъ. Я имѣлъ въ этихъ наукахъ двѣ публичныя dissertationes и, кромѣ того, стремился ознакомить съ результатами моихъ работъ въ четырехъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ кенигсбергскомъ ученомъ сочиненіи (Intelligenzwerk), въ трехъ программахъ и трехъ другихъ философскихъ tractata. Надежда, съ которою я льщу себя посвятить службѣ академіи наукъ, а главнымъ образомъ всемилостивѣйшее желаніе Вашего Императорскаго Величества оказывать наукамъ высокое покровительство и Всемилостивѣйшую поддержку, побуждаютъ меня всеподданнѣйше просить Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше пожаловать мнѣ освободившуюся professionem ordinariam и надѣюсь, что senatus academicus, въ виду обладанія мною необходимыми способностями, сопроводитъ мое всеподданнѣйшее прошеніе не неблагопріятными свидѣтельствами. Я увѣряю въ глубочайшей devotion Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ Эммануилъ Кантъ. Кенигсбергъ 14 декабря 1758 г.*»

Прошеніе это снабжено помѣткой: «magister artium (магистръ словесныхъ наукъ) Эммануилъ Кантъ умоляетъ всеподданѣйше Ваше Императорское Величество Всемилостивѣйше пожаловать ему освободившуюся каѳедру логики и матафизики».

Судьба этого прошенія довольно поучительна. Въ одно время съ Кантомъ той же каѳедры добивался нѣкій приватъ-доцентъ Буккъ, имѣвшій передъ Кантомъ преимущество старшинства по университетской службѣ. Кандидатуру Канта поддерживалъ его бывшій учитель Шульцъ, который не безъ огорченія видѣлъ, что тотъ самый Кантъ, который нѣкогда готовился въ богословы и даже читалъ пробныя проповѣди, теперь окончательно уклонился въ сторону

физико-математическихъ наукъ. По старой памяти, Шульцъ любилъ Канта и искренно желалъ помочь ему; но прежде всего онъ рѣшился выяснить нѣкоторыя мучившія его сомнѣнія.

Шульцъ призвалъ къ себѣ Канта, и какъ только молодой философъ переступилъ его порогъ, Шульцъ спросилъ особо-торжественнымъ тономъ: «Боитесь ли вы Бога отъ всего сердца?» Кантъ, ни мало не ожидавшій подобнаго вопроса, прямо взглянулъ въ глаза Шульцу и сказалъ: «Я не колеблюсь дать утвердительный отвѣтъ». Лишь послѣ этого Шульцъ рѣшился хлопотать за Канта, но и это не помогло. Генералъ Корфъ поступилъ, какъ настоящій служака. Онъ счелъ число лѣтъ преподавательской дѣятельности двухъ конкурентовъ и предпочелъ Канту ничтожнаго Букка.

Пять лѣтъ находились русскія войска въ Кенигсбергѣ, и это пребываніе не осталось безслѣднымъ въ исторіи русскаго развитія. Не слѣдуетъ забывать, что въ то время вся русская интеллигенція несла военную службу и въ числѣ офицеровъ, попавшихъ въ Кенигсбергъ, были не одни кутилы, но и люди мыслящіе. Стоитъ прочесть записки Болотова, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ много способствовало пребываніе русскихъ войскъ въ прусскихъ провинціяхъ сближенію русскаго общества съ движеніемъ нѣмецкой науки и философіи. Между прочимъ и Кантъ познакомился съ многими русскими офицерами, и одинъ изъ офицерскихъ кружковъ предложилъ даже Канту читать для военныхъ лекціи по физикѣ и физической географіи. Вообще въ это военное время Кантъ, потерпѣвъ неудачу съ своимъ прошеніемъ, усиленно давалъ частные уроки по самымъ разнообразнымъ предметамъ: онъ преподавалъ даже фортификацію и пиротехнику. Въ это же время Кантъ держалъ у себя на квартирѣ нѣсколько молодыхъ дворянъ въ качествѣ пансіонеровъ.

Съ вступленіемъ на престолъ Петра III для Канта не сразу настали лучшія времена. Обстоятельства сложились такъ, что замѣна русскаго владычества — прусскимъ на первый разъ принесла Канту мало пользы.

Немедленно по своемъ воцареніи, Петръ III, какъ извѣстно, возвратилъ Фридриху II все, что было отнято у него войсками Елисаветы. Кенигсбергскій университетъ вновь сталъ подчиненнымъ прусской администраціи. Казалось, что король-философъ, еще до начала семилѣтней войны лишившійся Вольфа (Вольфъ умеръ въ 1753 г.), долженъ былъ обратить вниманіе на Канта, который былъ наконецъ замѣченъ берлинской академіей наукъ по слѣдующему поводу.

Въ 1762 году Кантъ написалъ сочиненіе на премію, предло-

женную берлинской академіей. Другимъ соискателемъ на ту же премію явился извѣстный другъ Лессинга, философъ Мендельсонъ, иниціаторъ такъ называемой «еврейской реформаціи» въ Германіи. Заданная академіей тема касалась вопроса о философской очевидности.

Премія была получена Мендельсономъ; сочиненіе Канта признано изъ числа многихъ, представленныхъ на конкурсъ, вторымъ по достоинству и напечатано безъ подписи Канта рядомъ съ премированнымъ трактатомъ Мендельсона. Во всякомъ случаѣ на Канта обратили вниманіе, и всѣ были увѣрены, что онъ получитъ первую вакантную каѳедру въ Кенигсбергѣ. Въ этомъ смыслѣ писало даже прусское правительство кенигсбергскимъ университетскимъ властямъ. Къ несчастію для Канта, первая открывшаяся вакансія оказалась каѳедрой пінтики. Помимо малаго интереса, который вообще представляла эта каѳедра для Канта, она была соединена съ совершенно несоотвѣтствовавшей склонностямъ Канта обязанностью цензора и юбилейнаго стихотворца. Профессоръ пінтики былъ обязанъ не только цензировать всѣ добровольческія юбилейныя изліянія, но и писать стихи по случаю всѣхъ университетскихъ празднествъ, ко дню Рождества, ко дню коронаціи прусскаго короля и проч.

Одинъ изъ прусскихъ министровъ, которому былъ порученъ общій надзоръ за университетами, написалъ въ Кенигсбергъ запросъ, въ которомъ сказано, что, по дошедшимъ до министерства свѣдѣніямъ, въ кенигсбергскомъ университетѣ находится нѣкій магистръ Кантъ, который, судя по нѣкоторымъ его сочиненіямъ, отличается весьма основательною ученостью. Министръ желаетъ узнать, имѣетъ-ли Кантъ необходимыя дарованія и склонность стать профессоромъ пінтики? Кантъ отклонилъ предложенную ему должность, прося правительство имѣть его въ виду при болѣе удобномъ случаѣ.

Такой случай представился въ 1766 году. Кантъ все еще не получилъ каѳедры, но ему было по крайней мѣрѣ предоставлено мѣсто помощника библіотекаря въ королевской дворцовой библіотекѣ. Мѣсто это оплачивалось болѣе чѣмъ скромнымъ жалованіемъ—62 талера въ годъ. Въ королевскомъ приказѣ о назначеніи Канта сказано, что мѣсто это предоставляется «искусному и прославившемуся своими учеными сочиненіями магистру Канту».

Лишь въ 1770 году Кантъ наконецъ добился давно желанной цѣли. Еще въ ноябрѣ предшествующаго года онъ получилъ приглашеніе на ординарную каѳедру въ Эрлангенъ; въ январѣ 1770 года его звали въ Іену. Кантъ собирался уѣхать въ Эрлангенъ, но вскорѣ въ самомъ Кенигсбергѣ открылась вакансія на ту самую ка-

ѳедру, которой онъ напрасно добивался въ эпоху русскаго господства: его прежній конкурентъ Буккъ предпочелъ занять каѳедру математики и очистилъ мѣсто Канту.

20 августа 1770 года былъ знаменательный день въ жизни Канта. Канту было уже 46 лѣтъ; тѣмъ не менѣе публичная защита сочиненія, представленнаго имъ для полученія профессорской каѳедры, возбудила въ немъ юношескій пылъ. Сочиненіе это было озаглавлено: «О формѣ и принципахъ чувственнаго и умственнаго міра». 1770 годъ во всѣхъ отношеніяхъ можетъ считаться поворотнымъ пунктомъ въ жизни Канта. Передъ нимъ открылось обширное поприще дѣятельности; и какъ разъ въ это время въ умѣ Канта вырабатывались въ вполнѣ законченной формѣ начала его критической философіи.

Съ этого времени дѣятельность Канта характеризуется слѣдующимъ образомъ: онъ предпринимаетъ величайшую реформу, когда либо задуманную со времени возникновенія новой философіи, и идя спокойнымъ, медленнымъ, обдуманнымъ шагомъ, доводитъ ее до конца. Съ внѣшней стороны жизнь Канта съ этихъ поръ представляетъ мало замѣчательнаго. Онъ постепенно освобождается отъ механическихъ занятій, вродѣ работы библіотекаря, и поднимается вверхъ по лѣстницѣ академическихъ почестей, вступаетъ сначала въ университетскій сенатъ, затѣмъ дважды сряду избирается на пость ректора университета и съ 1792 года считается сеніоромъ (старѣйшиной) философскаго факультета и цѣлаго университета. Что касается экономическаго положенія Канта, оно остается всегда скромнымъ, но, разумѣется, о прежней нуждѣ не можетъ быть и рѣчи. Наивысшее казенное жалованье, какое получалъ когда-либо Кантъ, не превышало 620 талеровъ въ годъ; но, имѣя всегда значительное число слушателей, Кантъ получалъ порядочные гонорары отъ студентовъ, исключая бѣдныхъ, которыхъ сплошь и рядомъ онъ освобождалъ отъ всякой платы.

Профессорская дѣятельность Канта находилась въ тѣснѣйшей связи съ его философскими работами. По этой причинѣ удобнѣе всего сдѣлать параллельный обзоръ его чтеній и появившихся въ печати произведеній.

V.

Профессорская и литературная дѣятельность Канта.—Космическая гипотеза.—Защита оптимизма и борьба съ мистицизмомъ.—Сведенборгъ.—Сновидѣнія духовидца.

По отзывамъ лицъ, близко знавшихъ Канта, онъ былъ въ первыя двадцать или двадцать пять лѣтъ своей профессорской дѣятельности превосходнымъ лекторомъ.

Первую свою лекцію Кантъ прочелъ, ставъ приватъ-доцентомъ, еще осенью 1755 года. Въ то время онъ жилъ въ домѣ профессора Кине, въ части города, называемой Нейштадтомъ. Въ то время многіе профессора читали у себя на дому. У Канта была своя обширная аудиторія, въ которой онъ раньше читалъ частнымъ лицамъ. Студенты успѣли уже наслышаться объ учености Канта; любопытство привлекло многихъ слушателей съ разныхъ факультетовъ. Аудиторія была полна народу, даже въ передней и на лѣстницѣ стояла огромная толпа студентовъ. Кантъ отъ непривычки къ публичнымъ чтеніямъ смѣшался, даже потерялъ обычное присутствіе духа; онъ и безъ того имѣлъ слабый голосъ: на этотъ разъ Кантъ говорилъ еще тише обыкновеннаго, часто поправлялся и повторялся. Любопытно однако, что именно эта застѣнчивость Канта еще болѣе способствовала энтузіазму студентовъ, которые по немногому, сказанному Кантомъ, успѣли все-таки получить нѣкоторое понятіе о необычайной глубинѣ его учености. Слѣдующія лекціи Канта оправдали первое впечатлѣніе, и на этотъ разъ философъ чувствовалъ себя уже вполнѣ свободно и въ своей сферѣ.

Пока Кантъ былъ приватъ-доцентомъ, онъ продолжалъ читать въ своей аудиторіи, кромѣ студентовъ, многимъ частнымъ лицамъ, какъ напр. герцогу Гольштейнъ-Беккскому. По нѣмецкому обычаю, Кантъ подраздѣлилъ свои лекціи на публичныя (которыя обыкновенно читаются безплатно—publice et gratis), приватныя и приватнѣйшія. Читалъ онъ по самымъ разнообразнымъ предметамъ, начиная съ фортификаціи и кончая метафизикой. Логика, естественное право, мораль, физическая географія были его главными предметами. Кантъ не имѣлъ дурной привычки, свойственной плохимъ профессорамъ, читать по вызубренному тексту и даже по подробному конспекту. Онъ читалъ иногда по замѣткамъ, сдѣланнымъ на поляхъ указанныхъ имъ студентамъ учебниковъ—эти замѣтки замѣняли для него подробный конспектъ,—или же по самому сжа-

тому конспекту, набросанному на полоскахъ бумаги. Рекомендуя студентамъ учебникъ логики Мейера и «Метафизику» Баумгартена, Кантъ пользовался лишь рубриками этихъ сочиненій, часто указывая на несостоятельность тѣхъ или иныхъ положеній. Изъ приватныхъ лекцій Канта сравнительно популярными считались его чтенія по логикѣ. Кантъ постоянно говорилъ слушателямъ, что вовсе не задается цѣлью научить ихъ логикѣ. «Я стараюсь научить васъ методически мыслить»—говорилъ онъ. Особенно нравился студентамъ пріемъ, къ которому Кантъ прибѣгалъ, когда дѣло шло объ опредѣленіяхъ. Онъ велъ лекцію такъ, какъ будто искалъ истину, одинаково неизвѣстную его слушателямъ и ему самому. Сначала Кантъ дѣлалъ какъ будто попытки дать опредѣленіе, причемъ получалъ лишь первую грубую формулу; затѣмъ онъ постепенно исправлялъ ее, пока наконецъ не получалось вполнѣ строгое и научное опредѣленіе. Можно безъ всякихъ преувеличеній сказать, что Кантъ старался ввести студентовъ въ свою философскую «мастерскую», показывая имъ на дѣлѣ, какимъ образомъ ищутъ истину. Внимательные слушатели Канта дѣйствительно учились многому; бывали конечно и такіе, которые, по невниманію и нежеланію мыслить, хватались за самое первое указанное имъ опредѣленіе, вписывали его въ свои тетрадки и уходили домой, пропуская послѣдующія лекціи. Изъ такихъ странныхъ слушателей вербовались впослѣдствіи люди, для которыхъ имя кантіанца (ученика Канта) было лишь рекламой и которые безсовѣстно искажали идеи своего учителя. Къ счастью, такіе ученики Канта составляли меньшинство; лишь въ новѣйшее время опять развелось не мало людей (особенно у насъ въ Россіи), которыхъ смѣло можно назвать лже-кантіанцами.

Наиболѣе трудными считались лекціи Канта по метафизикѣ. Самъ Кантъ говорилъ, что читаетъ этотъ предметъ для студентовъ, получившихъ основательную подготовку; начинающимъ онъ рекомендовалъ слушать сначала профессора Перике.

Менѣе всего посѣтителей имѣлъ Кантъ на своихъ лекціяхъ по раціональному богословію, въ которыхъ онъ давалъ разумныя объясненія разныхъ вопросовъ религіи. Не мѣшаетъ однако замѣтить, что безусловно всѣ, посѣщавшіе эти лекціи, впослѣдствіи оказались замѣчательными богословами. Всего болѣе слушателей было у Канта на лекціяхъ по антропологіи и физической географіи. Кромѣ студентовъ, эти необычайно интересныя и вполнѣ популярныя лекціи посѣщались многими лицами; напр. однимъ изъ усерднѣйшихъ посѣтителей былъ тайный юстиціи совѣтникъ Моргенбессеръ. На пуб-

личныхъ лекціяхъ Канта, особенно въ началѣ семестра, всегда присутствовала необычайно многолюдная публика.

Единственнымъ недостаткомъ Канта, какъ лектора, былъ его слабый голосъ. Зная это, слушатели сидѣли на его лекціяхъ, не шевелясь, стараясь не проронить ни одного слова и не шаркая ногами (по странному нѣмецкому обычаю) при появленіи запаздывающихъ. Да рѣдко кто и запаздывалъ на лекціи Канта.

Кантъ никогда не искалъ дешевой популярности и не любилъ пересыпать лекціи не идущими къ дѣлу шуточками. Но онъ былъ по природѣ остроуменъ. Его остроуміе сравнивали съ «молніей», и такія блестки часто развлекали слушателей, возбуждая дружный смѣхъ, нарушавшій обычное почтительное молчаніе.

Какъ сказано, Кантъ почти импровизировалъ свои лекціи. Но онъ не могъ вынести ничего, отвлекавшаго въ сторону его собственное сосредоточенное вниманіе. Малѣйшая перемѣна обстановки раздражала Канта и нерѣдко даже вліяла на качество его лекцій. Чтобы вывести Канта изъ обычной колеи, требовалось немногое: для этого было достаточно напр. появленіе какого-нибудь студента въ такъ называемомъ «геніальномъ костюмѣ», т. е. съ растрепанной прической и безъ воротничка: такъ одѣвались въ то время нѣкоторые студенты, мѣтившіе въ геніи. Кантъ имѣлъ обыкновеніе во все время лекціи устремлять взоръ на одного изъ студентовъ, сидѣвшихъ на передней скамьѣ. Однажды случилось такъ, что Кантъ избралъ студента, у котораго не хватало на сюртукѣ пуговицы. Этотъ пробѣлъ въ костюмѣ молодого человѣка до такой степени нарушилъ покой Канта, что онъ былъ крайне разсѣянъ, сбивался и вообще прочелъ совсѣмъ неудачную лекцію. Кантъ вообще не любилъ «пробѣловъ». Онъ чувствовалъ нервное раздраженіе, когда видѣлъ напр. человѣка съ неполнымъ рядомъ зубовъ, и говорилъ, что когда видишь такого человѣка, то противъ воли стараешься смотрѣть на пустое мѣсто. Это замѣчаніе Кантъ внесъ даже въ лекціи по антропологіи.

Кантъ внушалъ своимъ слушателямъ необычайное уваженіе. Къ Канту конечно нельзя примѣнить пословицу: «никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ». Студенты обожали Канта и открыто выражали это при всякомъ удобномъ случаѣ. О впечатлѣніи, которое производили его лекціи, можно судить по отзывамъ его первыхъ біографовъ—Боровскаго и Яхманна, а также изъ словъ знаменитаго Гердера. Гердеръ прибылъ въ Кенигсбергъ въ 1762 году и слушалъ Канта втеченіи трехъ лѣтъ. Свое первое посѣщеніе лекцій

Канта онъ описывалъ въ восторженныхъ выраженіяхъ, а вообще о Кантѣ, какъ профессорѣ, писалъ впослѣдствіи слѣдующее:

«Я имѣлъ счастье знать философа, который былъ моимъ учителемъ. Въ свои цвѣтущіе годы онъ былъ веселъ, какъ юноша, и такимъ вѣроятно остался до глубокой старости. Его открытый, созданный для мысли, лобъ выражалъ несокрушимое веселіе и радость, его полная мысли рѣчь текла изъ устъ, шутка и остроуміе были въ его распоряженіи, его поучительныя лекціи имѣли характеръ интереснѣйшей бесѣды. Съ тѣмъ же умомъ, который онъ проявлялъ при изслѣдованіи системъ Лейбница, Вольфа, Баумгартена, Крузіуса, Юма и при изложеніи законовъ Ньютона, Кеплера и физиковъ, онъ разбиралъ и появлявшіяся тогда сочиненія Руссо, его Эмиля и Элоизу; говорилъ о каждомъ новомъ открытіи въ области естествознанія и постоянно возвращался къ истинному познанію природы и къ нравственному достоинству человѣка. Исторія человѣка, народовъ и природы, естествознаніе и опытъ были источниками, которыми онъ оживлялъ свою бесѣду; ничто достойное познанія не было для него безразличнымъ; никакая интрига, никакая секта, предразсудокъ или честолюбіе не имѣли для него ни малѣйшей привлекательности и не заставляли его уклониться отъ расширенія и разъясненія истины. Онъ ободрялъ и поощрялъ къ самостоятельному мышленію; деспотизмъ былъ чуждъ его натурѣ».

Особенно воодушевлялся Кантъ, когда читалъ лекціи, касавшіяся вопросовъ морали. Объ этомъ пишетъ его біографъ Яхманнъ, одинъ изъ лучшихъ учениковъ Канта:

«Когда рѣчь шла о морали, Кантъ становился краснорѣчивымъ ораторомъ, увлекавшимъ умъ и чувство. Часто онъ доводилъ насъ до слезъ, поднимая духъ изъ оковъ себялюбиваго эвдемонизма до высокого самосознанія чистой свободы воли, безусловно подчиненной законамъ разума и движимой высокимъ чувствомъ безкорыстнаго подчиненія долгу. Въ такія минуты казалось, что Кантъ былъ одушевленъ небеснымъ огнемъ. Его слушатели чувствовали себя нравственно очищенными.»

Содержаніе лекцій Канта было необычайно разнообразно. Въ общемъ, онѣ являлись комментаріемъ и популярнымъ изложеніемъ взглядовъ, развитыхъ въ его главныхъ сочиненіяхъ. Вполнѣ умѣстно поэтому перейти къ обозрѣнію литературной дѣятельности Канта.

Нѣмецкіе историки философіи, какъ напр. Ибервегъ и Куно-Фишеръ, подраздѣляютъ обыкновенно литературную дѣятельность Канта на два главныхъ періода: до-критическій и критическій. Куно-Фишеръ, особенно подробно изучившій исторію развитія философской системы Канта, видитъ въ ней слѣдующіе періоды: предварительный (натуръ-философскій), когда Кантъ стоялъ еще на раціоналистической точкѣ зрѣнія; затѣмъ эмпирическій, вызванный вліяніемъ Юма и вообще шотландской и англійской философіи; наконецъ критическій, когда Кантъ окончательно выступилъ на самостоятельный путь.

Такое подраздѣленіе на періоды представляетъ удобства для изложенія, но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что самостоятельное отношеніе Канта къ господствовавшимъ до него философскимъ школамъ обнаруживается во всѣхъ его сочиненіяхъ, начиная съ самаго ранняго труда объ измѣреніи силъ. Ходячая метафизика никогда не удовлетворяла его, что видно уже изъ сочиненія Канта о физической монадологіи, которую онъ противопоставилъ системѣ Лейбница. Точно также самостоятельно отнесся Кантъ и къ различнымъ научнымъ теоріямъ, и почти въ самомъ началѣ своего профессорскаго поприща построилъ геніальную космогонію (т. е. ученіе объ образованіи солнечной и другихъ системъ), втеченіи долгаго времени неоцѣненную присяжными учеными, пока наконецъ открытія Гершеля и математическія изслѣдованія Лапласа не послужили основаніемъ системъ, по существу тождественныхъ съ теоріей Канта.

Неизвѣстно, въ какой степени Лапласъ воспользовался идеями Канта; извѣстно только, что онъ выступилъ вполнѣ самостоятельно, не упомянувъ о своемъ великомъ предшественникѣ. Въ настоящее время ученые всѣхъ странъ, не исключая Франціи, признали справедливость утвержденія Гелемгольца, впервые подчеркнувшаго поразительное сходство между гипотезами Канта и Лапласа. Появившіяся впослѣдствіи космогоническія гипотезы до сихъ поръ не успѣли вытѣснить той, которая была предложена Кантомъ.

Кантъ изложилъ свои космогоническіе взгляды въ сочиненіи, озаглавленномъ: «Всеобщая естественная исторія и теорія неба». Работа эта принадлежитъ къ числу самыхъ раннихъ произведеній Канта. По нѣкоторымъ даннымъ можно утверждать, что планъ этого сочиненія былъ задуманъ Кантомъ еще въ то время, когда онъ писалъ объ измѣреніи дѣйствія силъ. Затруднительныя матеріальныя обстоятельства задерживали печатаніе этого сочиненія: оно появилось въ печати лишь въ 1755 году, какъ разъ въ то время, когда Кантъ сталъ приватъ-доцентомъ. Трактатъ Канта, составившій эпоху въ исторіи физической астрономіи, на первыхъ порахъ остался незамѣченнымъ. Извѣстный Ламбертъ, математикъ, отличавшійся чрезвычайно оригинальнымъ умомъ, ровно ничего не зналъ о работахъ Канта, когда писалъ свои «Космологическія письма» (1761), нѣсколько напоминающія гипотезу Канта. Знаменитое «Изложеніе системы міра», составленное Лапласомъ, относится къ значительно позднѣйшей эпохѣ (1796). Что касается работъ Гершеля, то самъ Кантъ привѣтствовалъ ихъ, какъ подтвержденіе своего ученія.

Кантъ сознавалъ трудность своей задачи. Ньютонъ открылъ

основной законъ, позволяющій объяснить движенія планетъ, и былъ поэтому основателемъ небесной механики; но онъ не задавался вопросомъ о *происхожденіи* солнечной системы и принималъ ее просто за данную величину. Не видя принципа, позволяющаго объяснить тѣ или иныя отношенія между массами и разстояніями планетъ, Ньютонъ утверждалъ, что эти отношенія даны самимъ божествомъ. Здѣсь начиналась задача Канта. Одна мысль о механической космогоніи, о естественномъ объясненіи происхожденія солнечной системы, казалась въ эпоху Канта чуть ли не еретическимъ посягательствомъ на тайны Провидѣнія. «Я вижу всѣ трудности,—заявляетъ самъ Кантъ,—но не впадаю въ малодушіе. Я чувствую всю силу препятствій, но не робѣю. Я предпринялъ опасное путешествіе, руководствуясь слабой догадкой, но вижу уже предгорья новыхъ странъ».

Кантъ разбираетъ космогонію древнихъ и новыхъ философовъ и доказываетъ ихъ несостоятельность. Эпикуръ выводитъ мірозданіе изъ случая; но говорить о «случайности»—значитъ просто указывать на недостатокъ знанія о причинахъ событія. Декартъ не могъ достичь ничего, потому что признавалъ лишь отталкиваніе и не зналъ о притяженіи. «Теперь,—говоритъ Кантъ, исходя изъ началъ Ньютона,—можно смѣло сказать, дайте мнѣ матерію, и я построю вамъ изъ нея цѣлый міръ».

Передавать содержаніе ученія Канта мы не станемъ: оно излагается во всѣхъ учебникахъ физической астрономіи. Напомнимъ только, что сущность гипотезы Канта состоитъ въ образованіи системъ, подобныхъ солнечной, изъ туманнаго вещества; причемъ происходитъ сгущеніе матеріи и разсѣяніе теплоты, образуется центральное свѣтящееся тѣло, выдѣляющее кольца, изъ которыхъ потомъ образуются планеты съ ихъ спутниками, и т. д.

Чтобы показать остроуміе Канта въ дѣлѣ объясненія фактовъ и составленія гипотезъ, достаточно одного примѣра. Однимъ изъ лучшихъ доводовъ въ пользу его теоріи былъ бы фактъ одинаковости состава солнца и планетъ. «Если всѣ планеты произошли изъ солнечной матеріи,—говоритъ Кантъ,—то слѣдуетъ полагать, что плотность солнца приблизительно равна средней плотности всѣхъ планетъ, взятыхъ вмѣстѣ.» По вычисленію Бюффона, дѣйствительно оказалось, что искомое отношеніе плотности солнца и совокупности планетныхъ тѣлъ равно 64 : 65, т. е. почти равно единицѣ. «Этого одного факта достаточно,—заявляетъ Кантъ,—чтобы поднять настоящую теорію отъ уровня гипотезы до формальной достовѣрности.»

О сочиненіяхъ, представленныхъ Кантомъ въ качествѣ диссер-

таціи, было уже сказано. Съ 1756 по 1770 годъ Кантъ написалъ рядъ сочиненій естественно-историческаго, антропологическаго и философскаго содержанія. Извѣстное лиссабонское землетрясеніе 1755 года, вызвавшее пессимистическое стихотвореніе Вольтера и пламенную отповѣдь со стороны Руссо, побудило и Канта написать три статьи о причинахъ землетрясеній, появившіяся въ газетѣ «Кенигсбергскія Извѣстія» и отдѣльнымъ изданіемъ. Нѣсколько позднѣе Кантъ написалъ свои соображенія по теоріи вѣтровъ, причемъ объяснилъ происхожденіе пассатовъ и муссоновъ, указавъ на вліяніе вращенія земли. Кантъ подробно излагалъ ту же теорію въ своихъ лекціяхъ по физической географіи, привлекавшихъ массу слушателей. Онъ написалъ и родъ программы или конспекта по физической географіи, замѣчательнаго въ томъ отношеніи, что здѣсь Кантъ указалъ на огромное значеніе искусственнаго подбора въ дѣлѣ образованія новыхъ породъ домашнихъ животныхъ. Нѣкоторыя выраженія Канта настолько замѣчательны, что въ нихъ можно видѣть неясное предчувствіе теоріи естественнаго подбора, ровно черезъ столѣтіе выработанной Дарвиномъ.

Къ тому же, такъ называемому «до-критическому», періоду литературной дѣятельности Канта относятся сочиненія: «Объ оптимизмѣ» (1759) и «О мистицизмѣ» (статьи 1763—66 годовъ). На этихъ работахъ необходимо остановиться нѣсколько подробнѣе, такъ какъ онѣ характеризуютъ исторію развитія философскихъ идей самого Канта.

Небольшая статья Канта объ *оптимизмѣ* представляетъ весьма малый философскій интересъ, но за то важна въ біографическомъ отношеніи. Въ своихъ позднѣйшихъ философскихъ умозрѣніяхъ Кантъ значительно уклоняется отъ оптимизма лейбнице-вольфовской школы; въ разсматриваемомъ трактатѣ онъ наоборотъ является ученикомъ Лейбница. Было бы поэтому крайне несправедливо и неосновательно считать трактатъ объ оптимизмѣ окончательнымъ выраженіемъ идей Канта о человѣческомъ счастіи. Чтобы убѣдиться въ противномъ, достаточно привести показанія его перваго біографа и близкаго пріятеля Боровскаго. За нѣсколько лѣтъ до смерти Канта, Боровскій просилъ Канта дать ему экземпляръ брошюры «Объ оптимизмѣ», съ цѣлью послать въ Геттингенъ его другу Планку. Кантъ съ «торжественной серьезностью» отвѣтилъ Боровскому: «Прошу васъ болѣе не упоминать объ этомъ сочиненіи, никому его не давать и вездѣ немедленно кассировать». Добрякъ Боровскій никакъ не могъ понять, откуда у Канта явилась такая ненависть къ своему произведенію. Это наивное заявленіе Боровскаг

ясно доказываетъ, что онъ былъ неспособенъ понять исторію развитія идей Канта.

Въ «Опытѣ объ оптимизмѣ» Кантъ стоитъ на совершенно метафизической почвѣ, чѣмъ и объясняется позднѣйшее отвращеніе Канта къ этому сочиненію. Кантъ развиваетъ идеи Лейбница о наилучшемъ изъ міровъ, только ходъ его доказательствъ нѣсколько иной, чѣмъ у Лейбница. По словамъ Канта, божество должно обладать идеей совершеннѣйшаго міра. Утверждать противное,—значитъ допускать, что существуетъ еще лучшій міръ, чѣмъ всѣ міры, мыслимые Творцомъ. Но разъ мы допустимъ, что божество представляетъ себѣ наилучшій міръ, то нельзя допустить, чтобы оно предпочло худшее лучшему, и благость Творца противорѣчитъ утвержденію, что божество создало міръ по произволу. Стало быть, божество создало наилучшій изъ представляемыхъ имъ, другими словами, наилучшій изъ возможныхъ міровъ.

Но какъ примирить этотъ взглядъ съ эмпирическими данными, доказывающими, что въ мірѣ много несовершенства, несчастія и зла? Кантъ полагаетъ, что нашелъ истинное опроверженіе, указывая на міръ, какъ на цѣлое, и утверждая, что благо цѣлаго является цѣлью Творца, хотя бы оно было несовмѣстимо съ благомъ отдѣльныхъ частей.

Нечего и говорить, что вся эта теорія основана на рядѣ метафизическихъ гипотезъ. Мы ничего не можемъ *знать* ни о представленіяхъ божества, ни о свойствахъ божественной воли, ни о цѣляхъ творческой силы. Что касается міра, какъ цѣлаго, это совершенно условное и произвольное понятіе. Міръ тѣмъ шире для человѣка, чѣмъ обширнѣе его знанія и чѣмъ глубже и сильнѣе его чувства. Если же подъ міромъ, какъ цѣлымъ, подразумѣвать міръ трансцендентный, стоящій внѣ сознанія человѣка и вообще всѣхъ мыслящихъ существъ, то объ этомъ мірѣ мы ровно ничего не можемъ знать. Всѣ эти истины впослѣдствіи были установлены самимъ Кантомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пало и основаніе для его прежней оптимистической доктрины.

Гораздо ближе по духу къ критической философіи Канта упомянутыя уже сочиненія, направленныя Кантомъ противъ мистицизма вообще и въ частности противъ тогдашняго моднаго увлеченія духовидѣньемъ, ясновидѣньемъ и тому подобными психопатическими явленіями, въ то время еще не получившими названія спиритизма, но по существу дѣла тожественными съ этимъ заблужденіемъ.

Въ 1763 году Кантъ написалъ письмо своей знакомой дѣвицѣ

Шарлоттѣ фонъ-Кноблохъ, которая, подобно большинству тогдашнихъ свѣтскихъ женщинъ, чрезвычайно интересовалась откровеніями пресловутаго шведскаго ясновидца и чудотворца Сведенборга. Сведенборгъ былъ уже чрезвычайно старъ, но слава его продолжала гремѣть во всемъ европейскомъ мірѣ. Сведенборгъ былъ по профессіи горный инженеръ, много путешествовалъ, сдѣлалъ нѣсколько механическихъ изобрѣтеній и написалъ рядъ сочиненій по математикѣ, физикѣ и минералогіи. Затѣмъ онъ перешелъ къ натурфилософіи, писалъ о безконечности и о цѣляхъ мірозданія; въ концѣ концовъ вдался въ мистицизмъ и магію. Пятидесяти пяти лѣтъ отъ роду Сведенборгъ, выражаясь языкомъ современныхъ спиритовъ, сталъ медіумомъ или духовидцемъ, ему началъ являться Христосъ, онъ сталъ слышать небесныя откровенія, толковалъ по своему священное писаніе и пророчилъ появленіе «новаго Іерусалима или апокалиптической церкви». Ученіе Сведенборга особенно распространилось на его родинѣ, въ Швеціи, но также въ Англіи и ея американскихъ колоніяхъ. Втеченіи 1749—56 годовъ были изданы восемь томовъ его «Небесныхъ тайнъ», напечатанныхъ въ Лондонѣ.

О Сведенборгѣ разсказывали гораздо большія чудеса, чѣмъ о нынѣшнихъ медіумахъ и русскихъ, и западныхъ чудотворцахъ. По обыкновенію, всѣ эти чудеса подтверждались самыми достовѣрными свидѣтелями. Для Сведенборга не существовало ни времени, ни пространства, онъ видѣлъ отдаленное и сокровенное, былъ, какъ у себя дома, въ царствѣ мертвецовъ и привидѣній, которые помогали даже при уплатѣ векселей его кліентамъ. Ювелиръ Кроонъ въ Стокгольмѣ сдѣлалъ серебряный сервизъ по заказу голландскаго посланника Мартевилля. Посланникъ умеръ; жена его была увѣрена, что счетъ уплаченъ, но ювелиръ требовалъ платы, ссылаясь на то, что вдова не могла предъявить расписки. На помощь вдовѣ явился Сведенборгъ, по всей вѣроятности, знавшій, при помощи подкупленныхъ слугъ, гдѣ находится знаменитая расписка. Ясновидецъ вызвалъ духъ покойнаго посланника, который указалъ ему, что расписка спрятана въ потайномъ ящикѣ шкапа, находившагося въ верхней комнатѣ, и ювелиръ былъ пристыженъ, а слава духовидца увеличилась.

Объ этомъ происшествіи узнала шведская королева Луиза-Ульрика, сестра Фридриха Великаго, отличавшаяся, подобно брату, нѣсколько философскими наклонностями и нѣкоторымъ скептицизмомъ. Желая испытать Сведенборга, она предложила ему вопросъ, касавшійся чрезвычайно интимной стороны ея жизни. Королева была увѣрена, что, кромѣ нея самой, никто не зналъ ея тайны. Неиз-

вѣстно, обладалъ ли Сведенборгъ дѣйствительнымъ искусствомъ «чтенія мыслей», или и въ этомъ случаѣ ему помогли люди, знающіе чужіе секреты, но онъ далъ королевѣ вполнѣ правильный отвѣтъ, чрезвычайно ее изумившій. Королева сообщила объ этомъ новомъ чудѣ нѣсколькимъ иностраннымъ посланникамъ. Съ тѣхъ поръ Сведенборгъ формально сталъ чудомъ свѣта. Это было за два года до переписки Канта съ дѣвицею ф. Кноблохъ.

Кантъ былъ слишкомъ осторожнымъ и черезчуръ добросовѣстнымъ мыслителемъ для того, чтобы осудить кого бы то ни было, хотя бы Сведенборга, не собравъ достаточнаго матеріала. Въ своемъ письмѣ къ дѣвицѣ ф. Кноблохъ Кантъ ограничился поэтому документальной передачей того, что успѣлъ узнать о Сведенборгѣ и немногими замѣчаніями въ томъ смыслѣ, что до поры до времени онъ воздерживается отъ окончательнаго сужденія. «Въ подобномъ щекотливомъ вопросѣ,—говоритъ Кантъ,—нельзя ничего сказать безъ изслѣдованія дѣла. По всему видно, что въ явленіяхъ, вродѣ тѣхъ, какія приписываютъ Сведенборгу, весьма важную роль играетъ обманъ». Собственно о Сведенборгѣ Кантъ не берется утверждать, что имѣетъ дѣло съ обманщикомъ. «Въ пользу Сведенборга говорятъ свидѣтели, заслуживающіе такого довѣрія. что имъ трудно не повѣрить; но самъ я,—говоритъ Кантъ,—все таки обладаю недостаточными свѣдѣніями, а поэтому ожидаю болѣе точныхъ и съ петерпѣніемъ жду появленія книги, печатаемой Сведенборгомъ въ Лондонѣ».

Изъ этого письма видно только одно: что Кантъ, какъ и всякій добросовѣстный мыслитель, не составилъ себѣ предвзятаго мнѣнія о вліяніяхъ, повидимому необъяснимыхъ, но прежде всего старался познакомиться съ дѣломъ изъ первыхъ рукъ. Съ этою цѣлью Кантъ не только вошелъ въ сношенія съ выдающимися сведенборгіанцами, но и обратился съ вопросами къ самому Сведенборгу. Письмо Канта осталось однако безъ отвѣта; Сведенборгъ заявилъ послѣ того, что на всѣ предлагаемые ему вопросы онъ отвѣтитъ въ своемъ лондонскомъ трудѣ. Понятно нетерпѣніе, съ которымъ Кантъ ждалъ этого отвѣта, но совершенно непонятно, какимъ образомъ послѣдователи Сведенборга и ихъ преемники—спириты вывели изъ всей этой исторіи заключеніе, будто Кантъ сталъ приверженцемъ Сведенборга. Это лишь одно изъ многочисленныхъ доказательствъ недобросовѣстности мистиковъ, хвастающихъ тѣмъ, что они одни обладаютъ будто бы знаніемъ абсолютной истины.

Съ большимъ трудомъ досталъ наконецъ Кантъ пресловутыя «Небесныя тайны», которыя стоили весьма дорого, но не въ моральной

*

номъ смыслѣ, такъ какъ за откровенія Сведенборга съ покупщиковъ книги взималась весьма высокая сумма. Книга эта въ одномъ только отношеніи принесла пользу Канту, который и раньше не отличался склонностью къ мистицизму. Она внушила ему непобѣдимое отвращеніе ко всѣмъ мистическимъ откровеніямъ. Плодомъ чтенія объемистаго творенія Сведенборга была философская сатира Канта, знаменующая собою не только презрѣніе къ мистицизму, но и окончательный разрывъ съ туманнымъ догматизмомъ Вольфа. Сатира озаглавлена: «Сновидѣнія духовидца, поясненныя сновидѣніями метафизики». Изъ одного этого заглавія видно, что рѣчь идетъ о параллели между суевѣріями мистиковъ и заблужденіями метафизики. Это сочиненіе Канта стоитъ совсѣмъ особнякомъ отъ всѣхъ прочихъ его произведеній. Оно блещетъ юморомъ и пересыпано шутками, какія мы не привыкли встрѣчать у Канта. Очевидно, что Кантъ, имѣя въ виду серьезную цѣль—уничтоженіе мистическаго настроенія, свойственнаго многимъ его современникамъ, оцѣнилъ однако по достоинству откровенія Сведенборга и не могъ отнестись къ нимъ, какъ къ серьезному философскому ученію, стоющему тяжеловѣсной полемики.

Въ легкой и шутливой формѣ Кантъ высказываетъ однако весьма серьезныя мысли, и его возраженія духовидцамъ отличаются безпощадной логичностью. Въ этомъ сочиненіи Кантъ уже не имѣетъ ничего общаго съ нѣмецкой метафизикой. Оно написано въ 1766 году, стало быть за четыре года до 1770 года, считаемаго обыкновенно поворотнымъ пунктомъ въ исторіи его философскаго развитія. Мы видѣли, что въ 1759 году Кантъ писалъ объ оптимизмѣ еще въ чисто метафизическомъ духѣ; въ 1763 году онъ пытался дать новыя физико-теологическія доказательства въ пользу бытія Божія. Въ 1764 году Кантъ впервые основательно знакомится съ Руссо и необычайно увлекается имъ. Два года спустя, онъ борется съ мистицизмомъ и съ метафизикой. Сопоставленіе этихъ данныхъ показываетъ, что первый рѣшительный поворотъ, опредѣлившій дальнѣйшую философскую дѣятельность Канта, долженъ быть отнесенъ къ серединѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка и произошелъ вслѣдствіе единовременнаго вліянія на Канта сочиненій Руссо и философскихъ произведеній Юма. Первыя повліяли на его чувство и на его моральное ученіе, вторыя подготовили теоретическія работы Канта.

Въ разсматриваемой нами философской сатирѣ Канта уже ясно сказываются слѣды поворота. Нѣмецкихъ метафизиковъ Кантъ на-

зываетъ здѣсь «воздушными строителями (Luftbaumeister), сооружающими исключительно мысленные міры». По словамъ Канта, Вольфъ построилъ міровой порядокъ, «взявъ немножко опыта, но гораздо болѣе—подтасованныхъ понятій». Что касается противника Вольфа, благочестиваго Крузія, онъ создалъ міръ изъ ничего посредствомъ магической силы фразъ о мыслимомъ и немыслимомъ. Нечего удивляться тому, что эти господа противорѣчатъ другъ другу. Надо подождать, пока противники выспятся и проснутся. Придетъ время, когда философія станетъ такой же точной наукой, какъ математика. Нѣмецкая метафизика ничѣмъ не лучше сновидѣній духовидцевъ.

Обращаясь къ вопросу о духовидѣніи, Кантъ ставитъ его ребромъ. Прежде всего необходимо узнать, существуютъ ли вообще духи, которыхъ мы такъ или иначе въ состояніи познать? Для того, чтобы духи могли быть познаваемы, они должны существовать въ формѣ, доступной нашему познанію, т. е. должны имѣть отношеніе къ тѣлесному міру, должны пребывать и проявлять свою дѣятельность въ пространствѣ. Съ другой стороны однако духи не матеріальны, не должны имѣть ни протяженія, ни фигуры, стало быть не должны наполнять пространства. Какимъ образомъ возможны существа, занимающія пространство, не наполняя его, пространственныя и въ то же время не пространственныя?

На этотъ вопросъ, болѣе ста лѣтъ тому заданный Кантомъ, конечно не съумѣетъ отвѣтить ни одинъ изъ современныхъ спиритовъ. Если спириты укажутъ на такъ называемую «матеріализацію духовъ», то этимъ лишь увеличатъ путаницу, потому что явится новый вопросъ: какимъ образомъ не матеріальное можетъ стать матеріальнымъ? Что касается вопроса о пространственныхъ отношеніяхъ духовъ, спириты, какъ извѣстно, нашли лазейку при помощи «четвертаго измѣренія». Но эта увертка съ ихъ стороны показываетъ лишь грубое непониманіе математическаго обобщенія, позволяющаго разсуждать не только о четырехъ, но и о любомъ числѣ измѣреній, причемъ однако ни одному математику не придетъ въ голову отрицать, что объемъ имѣетъ три измѣренія, поверхность—два, а длина—лишь одно измѣреніе и что законы движенія и проникновенія тѣлъ подчиняются геометріи и механикѣ, а не капризамъ матеріализованныхъ духовъ. Но возвратимся къ Канту.

Кантъ озаглавливаетъ одну изъ главъ своей сатиры:

«Метафизическій узелъ, который можно по произволу распутать или разрубить». Здѣсь Кантъ становится уже вполнѣ ясно

на критическую точку зрѣнія, отвергая возможность познать связь между духомъ и тѣломъ и уничтожая незаконныя притязанія такъ называемой раціональной, т. е. спиритуалистической психологіи. Кантъ иронически называетъ спиритуализмъ лейбницe-вольфовской школы «тайною философіей, открывающей способы общенія съ духовнымъ міромъ» и чрезвычайно остроумно доказываетъ, что метафизическій спиритуализмъ—родной братъ духовидѣнія. Тотъ, кто воображаетъ, что природа есть лѣстница, на которой расположены духовныя существа, обладающія разной степенью духовности, легко приходитъ къ мысли, что все есть духъ, а стало быть безъ всякаго затрудненія допускаетъ общеніе съ духами. Отъ общенія духа съ тѣломъ слѣдуетъ отличать общеніе духовъ между собою. Но и этотъ вопросъ Кантъ рѣшаетъ не въ спиритуалистическомъ, а въ эмпирическомъ и моральномъ смыслѣ. Существуетъ два рода общенія между духами: моральное и мистическое. Первое имѣетъ своимъ источникомъ нравственное чувство: это путь, избранный англійскими философами и Руссо. Источникомъ второго является сверхъестественное ясновидѣніе: это путь, указанный Сведенборгомъ и вполнѣ аналогичный умозрѣніямъ лейбницe-вольфовской школы.

Всѣ разумныя существа чувствуютъ стремленіе къ общенію; это взаимное стремленіе Кантъ сравниваетъ съ всемірнымъ тяготѣніемъ. Въ мірѣ духовномъ любовь то-же, что тяготѣніе въ мірѣ матеріальномъ. Руссо дополнилъ Ньютона. Всѣ мы, какъ духовныя существа, чувствуемъ себя зависящими отъ «правила всеобщей воли, и въ мірѣ мыслящихъ существъ это чувство порождаетъ «моральное единство» и систему отношеній, подчиняющихся единственно духовнымъ законамъ». Ньютонъ изслѣдовалъ законъ о взаимодѣйствіи матеріи и отдѣлилъ математическій вопросъ отъ несносныхъ философскихъ споровъ о причинѣ тяготѣнія; нельзя ли, спрашиваетъ Кантъ, найти и въ моральномъ мірѣ аналогичное общее начало? Нельзя ли счесть нравственное чувство сознаніемъ зависимости частной воли отъ общей воли и слѣдствіемъ взаимнаго вліянія, посредствомъ котораго нравственный міръ достигаетъ единства?

Здѣсь очевидно вліяніе идей Руссо. Кантъ лишь нѣсколько углубляетъ ихъ, стараясь найти психологическую основу вмѣсто той морально-юридической, которая господствуетъ въ воззрѣніяхъ женевскаго философа.

Зато спиритуалистическія воззрѣнія на духовное существованіе отбрасываются Кантомъ окончательно, какъ иллюзія, близкая къ сновидѣнію. Духи не могутъ быть ощущаемы и воспринимаемы, мы не мо-

жемъ ни видѣть ихъ, ни слышать: поэтому всѣ «духовныя явленія» въ смыслѣ появленія духовъ или призраковъ не болѣе какъ продукты воображенія. Духовныя представленія могутъ пріобрѣтать такую живость и яркость, что фантазія превращаетъ ихъ въ чувственные образы, которые наконецъ могутъ даже одержать верхъ надъ образами, получаемыми отъ впечатлѣній внѣшняго міра. Въ этомъ—источникъ всѣхъ сновидѣній, иллюзій и патологическихъ разстройствъ воображенія. Когда плодъ воображенія превращается въ предметъ чувствъ, его сплетенія становятся призраками. Духовидцы не что иное, какъ бодрствующіе сновидцы. У спящаго притуплены внѣшнія чувства, но воображеніе работаетъ; у духовидца объекты внѣшнихъ чувствъ перемѣшиваются съ созданіями воображенія. Еще Аристотель понялъ истинное различіе между сномъ и дѣйствительностью. «Когда мы бодрствуемъ,—сказалъ онъ,—у всѣхъ насъ (разумныхъ людей)—одинъ общій міръ; когда мы спимъ, у каждаго образуется свой собственный». Кантъ оборачиваетъ это предложеніе и говоритъ: «если изъ различныхъ людей каждый имѣетъ свой собственный міръ, то можно предполагать, что всѣ они спятъ и видятъ сны». Общій міръ есть міръ чувствъ, область опыта, недоступная для призраковъ. Если мы считаемъ продукты нашего воображенія образами, если мы превращаемъ внутреннія воспріятія во внѣшнія, это значитъ, что мы имѣемъ «сновидѣнія чувствъ». Сверхъ того бываютъ еще «сновидѣнія разума», состоящія въ томъ, что мы принимаемъ созданія нашего разума за реальности, идеи—за дѣйствительность. Это участь всѣхъ метафизиковъ.

Обращаясь спеціально къ духовидцамъ и къ Сведенборгу, Кантъ говоритъ:

«Представимъ себѣ, что, вслѣдствіе поврежденія мозга, движенія въ нервахъ происходятъ по такимъ направленіямъ, которыя скрещиваются внѣ мозга. Тогда, соотвѣтственно съ этимъ, образуется мнимый фокусъ отъ мыслящаго субъекта, и образъ, бывшій плодомъ простого воображенія, представляется, какъ предметъ внѣшнихъ чувствъ. Поэтому я не посѣтую на читателя, если онъ, вмѣсто того, чтобы отнестись къ духовидцамъ, какъ къ полугражданамъ того свѣта, взглянетъ на нихъ просто, какъ на кандидатовъ въ госпиталь.»

Чтеніе твореній Сведенборга, какъ видно, сильно раздражило Канта, думавшаго найти въ нихъ хотя каплю смысла, но въ концѣ чтенія убѣдившагося, что трудъ его потерянъ. Этимъ объясняются рѣзкія и даже банальныя выходки философа, который въ концѣ концовъ заявляетъ, что духовидцевъ надо лѣчить слабительными средствами.

«Было время,—говоритъ онъ,—когда чародѣевъ сожигали, теперь достаточно будетъ *очищать* ихъ. Я полагаю, что причины разстройства скрываются не такъ глубоко, какъ думаютъ. Если во внутренностяхъ свирѣствуетъ ипохондрическій вѣтеръ, онъ можетъ принять одно изъ двухъ направленій: либо вверхъ — тогда получаются явленія духовидѣнія, либо внизъ — тогда выходитъ нѣчто иное».

Это чуть ли не единственное мѣсто въ сочиненіяхъ Канта, которое скорѣе умѣстно въ сатирѣ Свифта или въ романахъ Смоллета, чѣмъ въ философскомъ трактатѣ.

Самого Сведенборга Кантъ называетъ «архидуховидцемъ и архифантазеромъ», а объ его чудесахъ, послѣ тщательной провѣрки всѣхъ показаній, говоритъ, что повѣрить такимъ вещамъ можетъ лишь тотъ, кто не боится стать посмѣшищемъ.

VI.

Обыденная жизнь и характеръ Канта.—Гигіена.—Общительность.—Взглядъ на женщину.—Почему Кантъ не женился.—Домашняя обстановка.—Дружба послѣ вызова на дуэль.—Слуга великаго человѣка.—Правила Канта.—Его правдивость.

Вся жизнь Канта была примѣненіемъ его философскихъ принциповъ, развитыхъ въ «Критикѣ чистаго разума». Трудно найти другого философа, у котораго слово до такой степени согласовалось бы съ дѣломъ, какъ у Канта. Изъ философовъ древности съ Кантомъ ближе всего можно сравнить Сократа. Кантъ былъ не кабинетнымъ мыслителемъ, а мудрецомъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Все, начиная съ гигіены и оканчивая глубочайшими нравственными вопросами, согласовалось у него съ принципами разума; вотъ почему философія и жизнь у Канта составляли одно нераздѣльное цѣлое.

Кантъ не принадлежалъ къ числу людей, считающихъ чувственныя удовольствія главной цѣлью жизни; но онъ высоко цѣнилъ физическое здоровье, какъ необходимое условіе бодрости духа. Кантъ тѣмъ болѣе имѣлъ права дорожить этимъ благомъ, что былъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, главнымъ виновникомъ относительнаго физическаго благосостоянія, которымъ пользовался въ зрѣлые годы и до глубокой старости. Природа не надѣлила Канта ни атлетическимъ сложеніемъ, ни вполнѣ нормальными органами. Онъ былъ малъ ростомъ—по словамъ Яхманна менѣе пяти футовъ—имѣлъ узкую и чрезвычайно впалую грудь и правое плечо его было сложено неправильно: лопатка слишкомъ выдавалась назадъ.

Мускулатура его отличалась слабостью; Кантъ былъ до того сухощавъ, что портные постоянно ошибались въ покроѣ его платья, и добродушный философъ самъ нерѣдко говорилъ, шутя, что онъ отличается отъ другихъ людей отсутствіемъ икръ. Нервы его были чрезвычайно деликатны, дыханіе слабое; онъ сильно чихалъ отъ одного запаха свѣжей типографской краски при чтеніи утренней газеты.

Наружность Канта была симпатична. Благодаря строгому гигіеническому образу жизни, онъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ не имѣлъ болѣзненнаго вида. Это былъ блондинъ съ румяными щеками—румянецъ сохранился у Канта до старости—и сѣровато-голубыми глазами. Кантъ почему то былъ очень доволенъ цвѣтомъ своихъ глазъ.

Авторъ «Критики чистаго разума» никогда не говорилъ о своихъ умственныхъ или нравственныхъ качествахъ, но чрезвычайно охотно распространялся о своей физической организаціи. Благодаря разумному образу жизни, онъ никогда не былъ боленъ, хотя, по его собственному признанію, почти никогда не былъ и вполнѣ здоровъ. Онъ страдалъ главнымъ образомъ затрудненіемъ пищеваренія и головными болями — очевидныя послѣдствія сидячей жизни и упорнаго умственнаго труда.

Когда докторъ Яхманнъ (братъ біографа) указалъ Канту на первые признаки приближающагося маразма (старческаго безсилія), Кантъ вспылилъ и сказалъ съ гнѣвомъ: «Повѣрьте, что я изъ за этого не застрѣлюсь!»

Кантъ выработалъ для себя правила гигіенической жизни путемъ терпѣливыхъ наблюденій надъ своимъ организмомъ.

Въ молодые годы онъ нерѣдко съ цѣлью мѣнялъ образъ жизни, испытывая, что лучше; но, выработавъ извѣстныя правила, держался ихъ съ строгостью, которую можно принять за мелочный педантизмъ, если не вникнуть въ дѣло. Дѣйствительно, лишь благодаря необычайно точному распредѣленію времени и поразительно правильному образу жизни, Кантъ могъ дожить до глубокой старости и, за исключеніемъ послѣднихъ трехъ-четырехъ лѣтъ жизни, ни мало не утрачивалъ силы и свѣжести ума.

Правильный образъ жизни Канта вошелъ въ пословицу. Даже среди аккуратныхъ и точныхъ нѣмцевъ онъ казался чудомъ аккуратности. Кантъ вставалъ всегда въ 5 часовъ утра, какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Въ три четверти пятаго его старый слуга будилъ барина; причемъ, по приказанію Канта, былъ неумолимъ и не отставалъ до тѣхъ поръ, пока не убѣждался, что баринъ не заснетъ

снова. Кантъ считалъ однимъ изъ главныхъ правилъ своей гигіены спать не болѣе, но и не менѣе, семи часовъ; причемъ ложился спать всегда ровно въ 10 ч. вечера. Каждый день онъ распредѣлялъ совершенно одинаково. Вставъ съ постели, Кантъ облекался въ шлафрокъ и надѣвалъ сверхъ колпака маленькую треугольную шляпу. Въ этомъ видѣ онъ направлялся въ свой рабочій кабинетъ. Проработавъ до 7 часовъ утра, онъ одѣвался и отправлялся въ аудиторію; послѣ чтенія лекцій возвращался въ кабинетъ, снова облекаясь въ халатъ и туфли, и работалъ до трехъ четвертей перваго, никогда не больше, но и не меньше,—затѣмъ одѣвался къ обѣду. Обѣдъ былъ для Канта также главнымъ временемъ бесѣды съ гостями: онъ никогда не обѣдалъ одинъ, просиживалъ за столомъ нѣсколько часовъ, много ѣлъ, но еще больше разговаривалъ. Послѣ обѣда, если погода была хороша, онъ отправлялся гулять большей частью одинъ, но иногда и въ компаніи. Во время одиночныхъ прогулокъ Кантъ нерѣдко обдумывалъ самыя глубокомысленныя изъ своихъ идей. Въ подобныхъ случаяхъ онъ первоначально гулялъ по такъ называемой «философской дорогѣ»; но это подмѣтили нищіе и попрошайки, въ тѣ времена изобиловавшіе въ Кенигсбергѣ. Ихъ приставанье сильно надоѣло Канту, и онъ сталъ гулять въ королевскомъ саду. Во время прогулокъ, особенно если это было зимою или осенью, Кантъ также строго соблюдалъ правила гигіены. Онъ шелъ медленно, чтобы не вызвать испарины, и если дулъ свѣжій вѣтеръ, Кантъ старался гулять одинъ, чтобы не разговаривать, такъ какъ считалъ однимъ изъ главныхъ правилъ гигіены дышать холоднымъ воздухомъ лишь черезъ ноздри. Въ своихъ лекціяхъ по антропологіи Кантъ указывалъ, что даже дикари знаютъ это гигіеническое правило, нерѣдко забываемое людьми цивилизованными.

Если не считать нѣсколькихъ чашекъ весьма слабаго чая, то можно сказать, что Кантъ ѣлъ лишь разъ въ день, т. е. за обѣдомъ, причемъ довольствовался тремя сытными блюдами, къ которымъ добавлялъ сыръ или фрукты. Къ немалому удивленію своихъ соотечественниковъ, Кантъ никогда не пилъ пива, довольствуясь главнымъ образомъ водою и незначительнымъ количествомъ вина: полубутылка медоку была его обычной порціей. О пивѣ Кантъ говорилъ: «это не напитокъ, а пища дурного качества». Чтобы не выпить по разсѣянности болѣе вина, чѣмъ слѣдуетъ, особенно если онъ обѣдалъ не у себя дома, Кантъ принялъ за правило наливать себѣ всегда не болѣе четверти стакана и почти автоматически велъ счетъ этимъ порціямъ.

Кантъ не былъ гастрономомъ, т. е. не гонялся за изысканными блюдами, но любилъ, чтобы простая пища была вкусно и хорошо приготовлена. Въ этомъ смыслѣ его признавали знатокомъ: кёнигсбергскія дамы охотно угощали его, какъ человѣка, понимающаго толкъ, и въ то же время боялись его критики. Одинъ изъ пріятелей Канта сказалъ однажды философу: «вы могли бы съ большимъ успѣхомъ написать критику чистаго поварского искусства». Придавая вареному дѣлу главнымъ образомъ гигіеническое значеніе, Кантъ часто говорилъ, что напрасно нѣкоторыя дамы считаютъ это дѣло ниже своего достоинства. Общее образованіе, говорилъ онъ, необходимо женщинѣ, но необходимы и спеціальныя знанія, соотвѣтствующія обязанности матери и хозяйки.

— Вы, кажется, считаете насъ всѣхъ только кухарками,—сказала однажды Канту одна дама, обиженная тѣмъ, что философъ все время бесѣдовалъ съ нею о способѣ приготовленія кушаньевъ.

— Нисколько,— отвѣтилъ Кантъ,—но я желалъ бы, чтобы самое искусство кухарки было поставлено серьезнѣе. Слѣдовало бы, чтобы молодымъ дѣвицамъ преподавали поварское искусство ученые повара, точно также, какъ танцмейстеры преподаютъ имъ танцы; первое даже важнѣе послѣдняго.

Кантъ находилъ, что брянчанье на фортепіано и пѣніе сентиментальныхъ романсовъ нисколько не выше кулинарнаго дѣла. «Мнѣ кажется,—говорилъ онъ,—что всякій мужъ предпочтетъ хорошее блюдо безъ музыки, чѣмъ музыку безъ хорошаго блюда». Узнавъ, что въ Шотландіи дѣвицы изъ лучшихъ семействъ дѣйствительно берутъ у поваровъ уроки повареннаго искусства, Кантъ остался чрезвычайно доволенъ этимъ. Вообще во взглядахъ Канта на роль женщины въ семьѣ нельзя не видѣть смѣшенія нѣкоторыхъ вполнѣ вѣрныхъ мнѣній съ тѣми, которыя онъ вынесъ изъ нѣмецкой мѣщанской среды: иногда онъ поэтому пересаливалъ. Кантъ питалъ антипатію къ женщинамъ-амазонкамъ и женщинамъ-синимъ чулкамъ. Одна дама, считавшая себя весьма ученою, надоѣла философу своими вопросами о его системѣ. Кантъ долго старался перевести разговоръ на другія темы. Наконецъ дама замѣтила это и сказала.

— Развѣ вы думаете, что дамы не способны философски размышлять?

— Ахъ, да, конечно... рѣзко сказалъ Кантъ, и по тону его собесѣдница поняла, что Кантъ оцѣнилъ ее по достоинству.

Въ данномъ случаѣ онъ былъ вѣроятно правъ; но вообще

нельзя не замѣтить, что Кантъ отсталъ въ этомъ отношеніи отъ Лейбница, необычайно охотно бесѣдовавшаго съ образованными женщинами о философскихъ предметахъ, и Лейбницъ едва ли проигралъ отъ своихъ бесѣдъ съ королевой Софіей-Шарлоттой. Къ сожалѣнію, Кантъ не встрѣтилъ въ своемъ кёнигсбергскомъ захолустьѣ ни одной подобной женщины; а что онъ былъ способенъ къ увлеченію женскимъ умомъ и характеромъ, доказываютъ его чрезвычайно сердечныя отношенія къ графинѣ Кайзерлингъ и ея дочери, впослѣдствіи по мужу фонъ-деръ-Рекке. Эта послѣдняя пишетъ о Кантѣ:

«Я не знаю его по его сочиненіямъ: его метафизическія умозрѣнія стоятъ за предѣлами моего пониманія. Но я обязана этому знаменитому человѣку многими прекрасными умными бесѣдами. Ежедневно приходилось мнѣ разговаривать съ этимъ другомъ нашего дома, который былъ чрезвычайно любезнымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ... Часто онъ бесѣдовалъ такъ мило, что никогда нельзя было бы заподозрить въ немъ глубокаго отвлеченнаго мыслителя, совершившаго подобный переворотъ въ философіи. Бесѣдуя въ обществѣ, онъ умѣлъ нерѣдко облекать даже отвлеченнѣйшія идеи въ прекрасную форму; каждое свое мнѣніе онъ излагалъ необычайно ясно. Онъ увлекательно острилъ и бесѣда его была часто приправлена легкой сатирой, причемъ онъ умѣлъ острить, сохраняя невозмутимый видъ и полную непринужденность.»

По этому показанію можно судить, что не всѣхъ женщинъ Кантъ считалъ кухарками или же синими чулками, и что не совсѣмъ его вина, если въ кёнигсбергскомъ обществѣ было мало женщинъ, подобныхъ графинѣ Кайзерлингъ и Элизѣ фонъ-Рекке. Это упускаютъ изъ виду многіе, слишкомъ строго осуждающіе Канта за его взгляды на женщинъ и забывающіе, что этотъ философъ дѣлалъ выводы изъ окружавшей его дѣйствительности. Для дальнѣйшей характеристики взглядовъ Канта на женщину необходимо привести его сужденіе о взглядахъ Руссо. Извѣстно, что пламенный защитникъ правъ природы и человѣка отнесся нѣсколько свысока къ женщинѣ, которая для него, какъ и для большинства современныхъ швейцарцевъ и французовъ, была скорѣе цвѣткомъ, чѣмъ серьезною подругою жизни. Нельзя сказать, чтобы Кантъ одобрилъ этотъ взглядъ. Любезничанье съ женщинами,—писалъ Кантъ въ своемъ сочиненіи о прекрасномъ и возвышенномъ,—есть спеціальность французовъ и основа ихъ искусства жить. Обыкновенно любезничаютъ только съ дѣтьми. Руссо сказалъ, что женщина никогда не станетъ ничѣмъ большимъ, чѣмъ взрослымъ ребенкомъ. «Это дерзкое выраженіе,—говоритъ Кантъ,—и я ни за какую цѣну не рѣшился бы высказать его; но чтобы понять слова Руссо, надо помнить, что они написаны

во Франціи». Каптъ утверждаетъ, что женщины должны дѣйствовать на мужчинъ облагораживающимъ образомъ; но во Франціи сами женщины предпочитаютъ любезничанье труду. «Жаль,—говоритъ Кантъ,—что лиліи не прядутъ» [1]).

Кантъ не былъ женатъ и долгое время полагали, что онъ никогда не былъ влюбленъ. Повѣрить этому было бы трудно даже въ томъ случаѣ, если бы мы не имѣли положительнаго свидѣтельства одного изъ самыхъ достовѣрныхъ біографовъ Канта въ пользу противнаго. Біографъ этотъ не берется ничего сказать о молодости Канта, ограничиваясь замѣчаніемъ: «судя по темпераменту, онъ вѣроятно былъ влюбленъ»; за то категорично утверждаетъ, что въ зрѣлыхъ лѣтахъ Кантъ былъ влюбленъ и даже два раза. «Я не называю именъ,—говоритъ этотъ біографъ,—потому что для кого же это важно?» Легко допустить, что и въ молодости Кантъ увлекался, но, какъ человѣкъ чрезвычайно добросовѣстный, не рѣшался составить семьи, пока самъ находился въ матеріальной зависимости отъ родственниковъ. Что касается вопроса, почему Кантъ и впослѣдствіи остался холостякомъ, это объясняется самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Въ ранней молодости Кантъ былъ очень застѣнчивъ съ женщинами; съ лѣтами это прошло въ обыденныхъ случаяхъ, но въ вопросѣ настолько щекотливомъ, каково объясненіе въ любви, онъ остался крайне нерѣшительнымъ, и, по словамъ біографа, одна изъ возлюбленныхъ Канта уѣхала, такъ и не узнавъ о его страсти, а другая, видя его колебанія и нерѣшительность, предпочла болѣе энергичнаго и смѣлаго соискателя. Постепенно Кантъ втянулся въ одинокую жизнь холостяка и на старости у него образовалось совершенно разсудочное, можно сказать, даже черезъ чуръ прозаичное отношеніе къ браку. Задолго до Шопенгауэра (который и въ этомъ, какъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, утрировалъ идеи Канта) Кантъ провозгласилъ, что истинной подкладкой всякой любви къ женщинѣ является половое влеченіе. Въ трактатѣ «о прекрасномъ и возвышенномъ» мы читаемъ буквально:

«Все очарованіе, которое оказываетъ на насъ прекрасный полъ, въ основѣ является распространеннымъ половымъ влеченіемъ. Природа преслѣдуетъ свою великую цѣль, и всѣ тонкости, которыя сюда присоединяются, пови-

[1]) Тотъ изъ германскихъ поэтовъ, который наиболѣе подчинился вліянію философіи Канта и открыто признавалъ это вліяніе—мы говоримъ о Шиллерѣ—какъ извѣстно, болѣе всѣхъ способствовалъ серьезному отношенію поэзіи къ женщинѣ: достаточно указать на рядъ чудныхъ женскихъ типовъ, составляющихъ главную прелесть драматическихъ произведеній Шиллера.

димому весьма далекія отъ полового инстинкта, въ концѣ концовъ являются лишь его подкрашиваніемъ и вся ихъ прелесть заимствована изъ того же источника.»

Но Кантъ далекъ отъ выводовъ, сдѣланныхъ изъ этого впослѣдствіи Шопенгауэромъ. Хотя половой инстинктъ—чувство весьма грубое, но «презирать его», по словамъ Канта, нѣтъ ни малѣйшаго основанія, потому что этотъ инстинктъ дѣлаетъ возможнымъ самое удобное и правильное охраненіе порядка природы. Философъ ни мало не отрицаетъ и того, что высшія формы любви отличаются отъ низшихъ, хотя и имѣютъ общій съ ними источникъ. Любовь, основанная *только* на половомъ влеченіи, по его словамъ, легко вырождается въ разнузданность и распущенность, потому что «огонь, зажженный въ насъ одной особой, весьма легко можетъ быть погашенъ другою».

Что самъ Кантъ далеко былъ неравнодушенъ къ женской красотѣ, въ этомъ убѣждаютъ многія показанія. Помимо всякой любви, онъ охотно видѣлъ красивыя женскія лица, относясь къ нимъ съ чисто эстетической точки зрѣнія. Даже семидесяти лѣтъ отъ роду, когда одинъ его глазъ былъ пораженъ болѣзнью, Кантъ, обѣдая по воскресеньямъ въ домѣ своего пріятеля, англійскаго купца Мотерби, любилъ смотрѣть на хорошенькихъ женщинъ и постоянно сажалъ подлѣ себя за обѣдомъ, со стороны здороваго глаза, красавицу миссъ А., причемъ вполнѣ откровенно объяснялъ, что, смотря на нее, испытываетъ большое удовольствіе.

Когда Кантъ былъ уже далеко не въ первой молодости, одинъ добродушный пасторъ ни съ того, ни съ сего вздумалъ сватать его къ какой-то дѣвицѣ. Для лучшаго успѣха этотъ священникъ написалъ и издалъ на свой счетъ брошюрку, озаглавленную «Рафаилъ и Товія», назидательно-религіознаго содержанія, на тему: «не хорошо человѣку быть одному». Кантъ былъ крайне озадаченъ и брошюрой, и неожиданнымъ предложеніемъ пастора; въ концѣ концовъ онъ ограничился тѣмъ, что уплатилъ по счету типографіи, возвративъ пастору его расходы. Впослѣдствіи Кантъ любилъ разсказывать этотъ эпизодъ своимъ застольнымъ собесѣдникамъ, много шутилъ по этому поводу и смѣялся, вспоминая, какъ его чуть не женили.

Впрочемъ Кантъ въ свою очередь иногда любилъ играть роль свата. Въ этихъ случаяхъ онъ всегда руководствовался практическими соображеніями, совѣтуя молодымъ людямъ «благоразуміе» въ выборѣ невѣсты.

Вообще жизнь холостяка не могла не наложить на Канта из-

вѣстнаго отпечатка: читая разсказы его біографовъ, иногда кажется, что рѣчь идетъ объ одномъ изъ добродушныхъ типовъ, изображенныхъ Диккенсомъ. Добродушіе Канта и его заботливость о непричиненіи кому-либо вреда нерѣдко граничили съ комизмомъ. Разъ его старый слуга Лампе во время обѣда разбилъ стаканъ. Опасаясь, чтобы кто-либо изъ гостей или самъ Лампе не порѣзалъ себѣ ногу, Кантъ велѣлъ слугѣ немедленно собрать всѣ кусочки. Но тутъ ему пришло на умъ, что во-первыхъ слуга, собирая куски стекла, можетъ по неосторожности поранить себѣ руку; во-вторыхъ по халатности не соберетъ всѣхъ кусковъ. Поэтому Кантъ самъ всталъ и тщательно собралъ все въ бумажку. По окончаніи обѣда Кантъ всталъ и сказалъ своимъ гостямъ: «Ну, господа, теперь пойдемъ въ садъ и сами закопаемъ это стекло. Я не могу довѣрить этого слугѣ». Взявъ лопату, Кантъ отправился; гости за нимъ. Тутъ явилось новое затрудненіе. Гдѣ закопать стекло такъ, чтобы оно никому не причинило вреда? Послѣ долгаго обдумыванія, Кантъ наконецъ рѣшилъ этотъ трудный вопросъ.

Обстановка у Канта была весьма скромная. Всего требовательнѣе онъ былъ относительно мѣстоположенія своего рабочаго кабинета. Не мало трудовъ стоило Канту устроиться сколько нибудь удобно. Потребность въ крайне сосредоточенномъ мышленіи сдѣлала Канта чрезвычайно требовательнымъ. Онъ не выносилъ никакого шума или рѣзкихъ звуковъ, способныхъ нарушить его покой во время занятій; поэтому, при всемъ своемъ консерватизмѣ относительно привычекъ, Кантъ часто мѣнялъ квартиру. Сначала онъ жилъ на берегу рѣки: здѣсь ему мѣшали крики польскихъ лодочниковъ. Другую квартиру Кантъ долженъ былъ оставить по тому поводу, что у его сосѣда былъ несносный пѣтухъ, своимъ крикомъ мѣшавшій философу. Кантъ предлагалъ сосѣду за пѣтуха какую угодно сумму, но тотъ упорствовалъ и дѣло кончилось переѣздомъ Канта на другую квартиру. Наконецъ въ 1783 году Канту удалось на сдѣланныя сбереженія купить маленькій, скромный домикъ; но и здѣсь его покой оказался невполнѣ обезпеченнымъ. Недалеко отъ домика Канта находилась городская тюрьма. Для нравственнаго исправленія арестантовъ было придумано средство въ чисто протестантскомъ духѣ: они должны были нѣсколько часовъ сряду пѣть псалмы. Громкое нестройное пѣніе при открытыхъ окнахъ тюрьмы сильно раздражало Канта. Долго терпѣлъ Кантъ, наконецъ написалъ письмо первому бургомистру, своему пріятелю Гиппелю, прося его принять мѣры «для прекращенія скандала». Письмо Канта довольно курь-

езно. Онъ пишетъ, что проситъ отъ имени своего и другихъ жителей этого квартала придумать мѣры противъ «громогласнаго благочестія этихъ ханжей». «Не думаю,— пишетъ Кантъ,—чтобы они имѣли поводъ жаловаться и утверждать, что ихъ души находятся въ опасности, если ихъ голоса во время пѣнія будутъ умѣрены тѣмъ, что они станутъ пѣть при закрытыхъ окнахъ, да и въ этомъ случаѣ имъ не слѣдовало бы кричать изо всѣхъ силъ. Все равно сторожъ выдастъ имъ свидѣтельство, о которомъ собственно они и хлопочутъ, и тамъ будетъ сказано, что они весьма богобоязненны; ихъ услышатъ и въ томъ случаѣ, если они перестанутъ будить своимъ ревомъ набожныхъ гражданъ нашего добраго города». Просьба Канта была уважена, но тутъ явилась новая бѣда. По сосѣдству постоянно играли танцы и эта игра порою выводила философа изъ терпѣнія. Въ концѣ концовъ, Кантъ вообще не взлюбилъ музыку и часто называлъ ее несноснымъ искусствомъ, которое умудрилось внести элементъ назойливости въ самую эстетику. Впрочемъ Кантъ охотно посѣщалъ концерты всѣхъ пріѣзжавшихъ въ Кенигсбергъ знаменитостей.

Стараясь углубиться въ свои размышленія, Кантъ часто во время сумерекъ устремлялъ взоръ на какой либо отдаленный предметъ, большей частью на Лёбенихтскую башню. Съ теченіемъ времени передъ башнею выросли тополи въ саду сосѣда, настолько высокіе, что листья ихъ прикрыли башню. Эта перемѣна стала безпокоить Канта, и онъ до тѣхъ поръ упрашивалъ сосѣда, пока тотъ не приказалъ обрубить верхушки своихъ тополей.

Купивъ собственный домикъ, Кантъ устроился въ немъ просто, но уютно. Меблировка его комнатъ была необычайно скромна. Единственнымъ украшеніемъ его кабинета былъ портретъ любимаго его автора Руссо. Насколько Кантъ увлекался чтеніемъ Руссо, видно изъ того, что ради произведеній женевскаго философа онъ нарушилъ порядокъ своей жизни. Когда появился «Эмиль», Кантъ забылъ свое распредѣленіе времени и читалъ запоемъ до поздней ночи. Кантъ зналъ главныя сочиненія Руссо почти наизусть и часто цитировалъ ихъ въ устномъ преподаваніи. Само собою разумѣется, что такой мощный, оригинальный и въ то же время методическій и спокойный умъ, каковъ былъ у Канта, не могъ всецѣло подчиниться вліянію пламенной, но нерѣдко парадоксальной проповѣди Руссо; одно несомнѣнно, что протестъ Руссо противъ современной цивилизаціи способствовалъ развитію взглядовъ Канта не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ логичный, но сравнительно холодный скептицизмъ Юма.

Быть можетъ контрастъ натуры Руссо съ его собственною особенно привлекалъ Канта, у котораго умъ преобладалъ надъ чувствомъ въ такой же мѣрѣ, въ какой у Руссо сердце господствовало надъ логикой. Контрастъ этотъ проявляется во всемъ. Насколько Руссо былъ неуживчивъ и нелюдимъ, настолько же Кантъ отличался уживчивостью, умѣньемъ поддерживать общественныя сношенія, привѣтливостью и гостепріимствомъ. Онъ не искалъ большого общества, но любилъ, чтобы число гостей за столомъ достигало числа музъ. Кантъ особенно дружилъ съ нѣсколькими англійскими семействами. Самымъ оригинальнымъ изъ его друзей былъ англійскій купецъ Гринъ. О знакомствѣ Канта съ Гриномъ сохранился разсказъ, въ точности котораго сомнѣвались нѣкоторые біографы; но нашему мнѣнію, разсказъ этотъ имѣетъ несомнѣнно историческую основу, лишь эпоха нѣсколько перепутана. За нѣсколько лѣтъ до начала войны между Англіей и ея американскими колоніями, впослѣдствіи образовавшими Соединенные Штаты, отношенія были уже крайне натянуты, и въ такомъ торговомъ городѣ, каковъ Кенигсбергъ, носились конечно слухи о возможныхъ столкновеніяхъ. Кантъ былъ горячимъ поборникомъ свободы и открыто выражалъ свои мнѣнія, порицая деспотическія дѣйствія англійскаго правительства. Однажды Кантъ, гуляя въ Дёнгофскомъ саду, встрѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ и незнакомыхъ людей, бесѣдовавшихъ объ американскихъ дѣлахъ, и рѣзко выразился о дѣйствіяхъ Англіи. Находившійся въ числѣ собесѣдниковъ англичанинъ Гринъ, незнавшій Канта, почувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своемъ британскомъ патріотизмѣ, въ страстныхъ выраженіяхъ отвѣтилъ Канту и наконецъ вызвалъ его на дуэль, требуя кроваваго удовлетворенія. Кантъ, ни мало не потерявъ присутствія духа, спокойно и разсудительно отвѣтилъ противнику, что готовъ принять его вызовъ, но первоначально требуетъ, чтобы его выслушали до конца. Доводы Канта въ пользу праваго дѣла поразили Грина, и дѣло кончилось тѣмъ, что Гринъ пожалъ Канту руку, проводилъ его домой и съ тѣхъ поръ они стали лучшими друзьями.

Гринъ былъ чрезвычайно оригиналенъ, въ чисто англійскомъ вкусѣ. Достаточно сказать, что онъ былъ еще пунктуальнѣе Канта; его звали: «человѣкъ, заведенный по часамъ». Однажды вечеромъ Кантъ обѣщалъ Грину сопровождать его на слѣдующее утро въ восемь часовъ во время прогулки. Въ три четверти восьмого Гринъ уже нервно шагалъ по комнатѣ съ часами въ рукахъ; въ 7 часовъ 59 минутъ онъ надѣлъ шляпу, взялъ палку и какъ только пробило

восемь, сѣлъ въ коляску и поѣхалъ. Выѣзжая онъ встрѣтилъ Канта, который подходилъ къ его дому, опоздавъ лишь на двѣ минуты. Гринъ однако не остановилъ коляски и проѣхалъ мимо, чтобы наказать Канта за неаккуратность.

Кромѣ безусловной честности, Гринъ отличался также проницательнымъ умомъ, хотя и не имѣлъ основательнаго образованія. Самъ Кантъ сказалъ однажды: «Въ моей «Критикѣ чистаго разума» нѣтъ ни одного предложенія, котораго я не прочелъ бы Грину и не просилъ бы обсудить его». Нѣсколько лѣтъ сряду Кантъ проводилъ у Грина послѣобѣденные часы, причемъ иногда происходили сцены, достойныя кисти художника. Явясь къ Грину, Кантъ заставалъ его спящимъ въ креслѣ; онъ самъ садился въ другое кресло и также засыпалъ. Затѣмъ являлся директоръ банка Руффманъ и, въ свою очередь, начиналъ храпѣть. Въ опредѣленный часъ приходилъ купецъ Мотерби и будилъ всѣхъ троихъ; тогда начинались самыя поучительныя бесѣды, которыя длились ровно до семи часовъ вечера. Пунктуальность собесѣдниковъ была такъ велика, что они замѣняли часы для обывателей того околотка. Часто говорили: «Нѣтъ еще семи часовъ: профессоръ Кантъ еще не вышелъ отъ Грина».

Смерть Грина глубоко опечалила Канта. На время онъ даже отказался отъ своихъ обѣденныхъ собраній и бесѣдъ; до самой глубокой старости Кантъ не могъ забыть своего друга. Со дня смерти Грина Кантъ ни разу не ужиналъ въ обществѣ: это онъ дѣлалъ лишь ради Грина. Очень друженъ былъ Кантъ также съ семьею Мотерби, гдѣ было много маленькихъ дѣтей. Кантъ чрезвычайно любилъ дѣтей, умѣлъ обращаться съ ними и входить въ ихъ міросозерцаніе. «Трогательно было видѣть,—пишетъ одинъ изъ его біографовъ,—какъ этотъ глубокомысленный мудрецъ интересовался дѣтскими играми и болтовнею».

Кантъ вообще обладалъ способностью входить въ чужой міръ. Онъ одинаково цѣнилъ всѣхъ людей, не разбирая ни пола, ни сословія, ни возраста, ни общественнаго положенія, видя прежде всего въ каждомъ человѣкѣ—человѣческое достоинство. Поэтому въ числѣ его друзей были и свѣтскія дамы, вродѣ графини Кайзерлингъ, и купцы, и простые люди, вродѣ лѣсничаго Вобсера, котораго Кантъ называлъ «истинно нѣмецкимъ мужемъ», увѣковѣчивъ его память въ одномъ изъ своихъ сочиненій. Къ этому Вобсеру Кантъ уѣзжалъ за нѣсколько верстъ отъ Кенигсберга—чуть ли не самое далекое путешествіе, которое онъ позволялъ себѣ, никогда не отлучаясь изъ родного города. Въ домикѣ Вобсера, въ идиллической обстановкѣ,

Кантъ написалъ свой трактатъ: «О прекрасномъ и возвышенномъ». Кантъ отъ природы былъ веселаго нрава и даже съ нѣкоторой склонностью къ сатирѣ. Онъ говорилъ, что любитъ литовцевъ за ихъ сатирическія наклонности, и еще въ молодости дружилъ съ нѣсколькими литовскими весельчаками. Кантъ охотно читалъ сатирическихъ писателей и утверждалъ, что сатирики принесли болѣе пользы, чѣмъ всѣ схоластики и метафизики. Особенно онъ цѣнилъ Эразма, замѣчая, что одна его сатира стоитъ сотни философскихъ трактатовъ. Въ самомъ Кантѣ было однако недостаточно желчи и слишкомъ много спокойствія для того, чтобы стать сатирикомъ въ полномъ смыслѣ слова. Слѣдуетъ замѣтить, что спокойствіе Канта и его удивительное самообладаніе было не столько природнымъ качествомъ, сколько продуктомъ работы надъ самимъ собою. Отъ природы Кантъ былъ вспыльчивъ, но съумѣлъ подавить въ себѣ это качество. Единственный человѣкъ, съ которымъ Кантъ не могъ постоянно оставаться спокойнымъ, былъ его старый слуга Лампе. Находились даже люди, которыхъ смущалъ рѣзкій тонъ Канта по отношенію къ слугѣ. Присмотрѣвшись ближе, они убѣдились, что никакое, даже ангельское, терпѣніе не могло устоять противъ глупости и упрямства этого служителя, который особенно возомнилъ о себѣ съ тѣхъ поръ, какъ узналъ, что Кантъ—великій философъ. Лампе приписывалъ себѣ часть славы Канта, а между тѣмъ былъ крайне ограниченъ и вороватъ. Втеченіи многихъ лѣтъ Кантъ безусловно довѣрялъ ему; наконецъ убѣдившись, что при всей своей негодности, Лампе еще и нечестенъ, Кантъ съ болью въ сердцѣ разсчиталъ слугу.

Кантъ вообще жилъ по придуманнымъ для себя правиламъ или, какъ онъ выражался, максимамъ. До чего доходила его страсть сочинять законы для своего поведенія, показываетъ слѣдующій случай. Однажды Кантъ возвращался съ своей обычной прогулки. Какъ разъ въ то время, когда философъ собирался повернуть въ свою улицу, онъ увидѣлъ графа N., ѣхавшаго въ кабріолетѣ. Графъ, необычайно вѣжливый человѣкъ, тотчасъ остановилъ кабріолетъ, сошелъ и сталъ просить Канта, по случаю хорошей погоды, совершить съ нимъ небольшую прогулку. Подчиняясь первому впечатлѣнію, Кантъ принялъ предложеніе и сѣлъ въ кабріолетъ. Ржаніе кровныхъ рысаковъ и покрикиванія графа начинаютъ смущать Канта, хотя графъ увѣряетъ, что онъ правитъ, какъ самый лучшій кучеръ. Графъ ѣдетъ за городъ, посѣщаетъ свои имѣнія, затѣмъ предлагаетъ Канту еще посѣтить съ нимъ одного добраго друга, живу-

*

щаго за милю отъ города. Изъ вѣжливости Кантъ, скрѣпя сердце, соглашается на все. Къ десяти часамъ вечера графъ привозитъ Канта домой. Кантъ потерялъ весь день, испыталъ вмѣсто удовольствія лишь тревогу и досаду. Съ тѣхъ поръ Кантъ придумалъ для себя правило: *никогда болѣе не ѣздить въ коляскѣ, не имъ самимъ нанятой и не находящейся въ его распоряженіи, и никогда ни съ кѣмъ не кататься.* Это правило Кантъ соблюдалъ съ тѣхъ поръ съ такою непоколебимою твердостью, что никакія блага въ мірѣ не заставили бы его сѣсть въ чужую коляску.

Было уже замѣчено, что Кантъ выработалъ въ себѣ твердость характера. Кантъ и въ другихъ чтилъ характеръ столько же, какъ и умъ. Онъ особенно цѣнилъ людей, обязанныхъ самимъ себѣ своимъ умственнымъ или нравственнымъ развитіемъ. У Канта не было ни малѣйшаго признака зависти или пренебреженія къ чужимъ заслугамъ—черты, слишкомъ часто свойственныя даже великимъ людямъ (достаточно напомнить эпизодъ Лейбница съ Ньютономъ). Самого себя Кантъ мѣрилъ слишкомъ малою мѣрою. Въ немъ не было ни капли самоуничиженія, но скромность Канта была все-таки весьма велика. Говоря однажды о Ньютонѣ, Кантъ сказалъ: «Въ наукѣ о природѣ я самъ слѣдую Ньютону, если только можно сравнить малое съ великимъ». Но свои собственныя заслуги въ области философіи Кантъ сознавалъ вполнѣ. Цѣня другихъ, говоря съ уваженіемъ даже о своихъ противникахъ, Кантъ не допускалъ и съ чужой стороны ни чванства, ни нахальства и, наоборотъ, съ благодарностью и умиленіемъ принималъ выраженія почтенія со стороны учениковъ и поклонниковъ.

Чванливости и самолюбія Кантъ не терпѣлъ ни въ комъ. Однажды пріѣхалъ въ Кенигсбергъ знакомый Канта, графъ С., который былъ недоволенъ послѣдней статьей Канта и на этомъ основаніи не посѣтилъ философа. Графъ обѣдалъ у пріятеля. Канта пригласили къ обѣду, пояснивъ, что «его ждетъ графъ». Кантъ отвѣтилъ, что не пріѣдетъ, такъ какъ, по обычаю, слѣдовало графу къ нему заѣхать. Свиданіе разстроилось, но въ слѣдующій свой пріѣздъ графъ понялъ неумѣстность своего поведенія и посѣтилъ Канта.

Когда нѣкоторые философскіе противники Канта стали писать о его работахъ тономъ учителей, Кантъ написалъ статью: «О слишкомъ приподнятомъ и надменномъ тонѣ въ философіи», въ которой осмѣялъ претензіи своихъ критиковъ.

Одною изъ главныхъ отличительныхъ чертъ Канта была его безусловная правдивость, какъ въ словахъ, такъ и въ дѣйствіяхъ;

того же онъ требовалъ и отъ другихъ. Если Канту случалось передать съ чужихъ словъ какое-либо даже самое маловажное происшествіе и если потомъ онъ узнавалъ, что сообщенныя ему другимъ лицомъ свѣдѣнія не вполнѣ точны, онъ спѣшилъ исправить неточность. Особенно строгъ былъ Кантъ ко всякому обману. Онъ сплошь и рядомъ освобождалъ недостаточныхъ студентовъ отъ уплаты гонорара за свои лекціи. Разъ одинъ студентъ, не имѣвшій средствъ, изъ ложнаго стыда не заявилъ объ этомъ Канту, но, наоборотъ, сказалъ, что навѣрное внесетъ такого-то числа. Срокъ прошелъ, а деньги не были внесены; наконецъ студентъ сознался, что никогда и не разсчитывалъ уплатить. Кантъ сурово упрекнулъ студента, хотя и разрѣшилъ ему продолжать посѣщеніе лекцій. Нѣсколько времени спустя тотъ же студентъ просилъ Канта назначить его въ числѣ оппонентовъ на одномъ докторскомъ диспутѣ. Кантъ отказалъ. «Вѣдь вы и на этотъ разъ можете оказаться неаккуратнымъ,— пояснилъ Кантъ.—Что если вы не явитесь на диспутъ? Вѣдь тогда изъ-за васъ все дѣло пропало!» (По обычаю, непремѣнно долженъ былъ оппонировать кто-либо изъ студентовъ). Молодой человѣкъ впослѣдствіи самъ сознавался, что этотъ урокъ морали принесъ ему больше пользы въ жизни, чѣмъ сотня лекцій о моральномъ поведеніи.

VII.

Главные философскіе труды Канта; ихъ исторія. — Кантъ подвергается преслѣдованію со стороны придворныхъ хинжей.—Послѣдніе годы жизни Канта.

Было уже выяснено, что философское міросозерцаніе Канта выработалось въ окончательномъ видѣ втеченіи 1762—1765 годовъ. Трактатъ объ оптимизмѣ былъ послѣдней данью, принесенной Кантомъ догматической философіи. Въ сочиненіи: «Объ отрицательныхъ величинахъ и о реальномъ основаніи» (1763 г.) Кантъ занимаетъ среднее положеніе между эмпиризмомъ и раціонализмомъ; въ «Сновидѣніяхъ духовидца» (1766 г.) онъ приближается къ скептицизму Юма; а два года спустя (1768 г.) пишетъ небольшой трактатъ: «О первомъ основаніи различія областей въ пространствѣ», особенно замѣчательный тѣмъ, что онъ представляетъ собою переходъ отъ эмпиризма къ критицизму.

Кантъ задается здѣсь вопросомъ: что такое пространство и чѣмъ обусловливаются его свойства? Не могутъ же наглядныя сужденія (интуиціи), какія содержатся въ геометріи, дать очевидное доказа-

тельство того, что «абсолютное пространство имѣетъ реальность независимо отъ существованія всякой матеріи».

Постановка этого вопроса важна въ томъ отношеніи, что указываетъ, какимъ путемъ Кантъ постепенно пришелъ къ мысли, что пространство вовсе не имѣетъ «своей собственной реальности», но является лишь «формою» нашей чувственности.

Пространственныя отношенія вещей сводятся къ ихъ положенію. Вещи въ пространствѣ находятся между собою въ извѣстныхъ разстояніяхъ и каждая вещь занимаетъ свое мѣсто. Взаимныя отношенія положеній Кантъ называетъ *областями*. Понятіе области включаетъ въ себѣ не только разстояніе, но и направленіе. Поясникъ это примѣромъ: двѣ точки находятся между собою въ разстояніи одного аршина. Если одну точку принять за данную, то положеніе другой еще не опредѣлено: она можетъ находиться въ любомъ мѣстѣ поверхности шара, радіусъ котораго равенъ одному аршину, а центръ находится въ первой точкѣ. Надо еще знать, каково направленіе радіуса; тогда другая точка будетъ вполнѣ опредѣлена. Но направленіе можно задать лишь по отношенію къ какому-либо другому радіусу, принятому за данную величину. Въ концѣ концовъ оказывается, что необходимо принять нѣкоторое постоянное направленіе, но постояннымъ оно можетъ считаться лишь относительно наблюдателя.

Кантъ даетъ еще болѣе простой примѣръ. Напишемъ на листѣ бумаги два раза одно и то же слово, напр.: человѣкъ, человѣкъ.

Буквы однѣ и тѣ-же, порядокъ ихъ расположенія тотъ же, но одно слово напечатано направо, другое налѣво. Говоря: «направо», «налѣво», мы относимъ положеніе буквъ къ наблюдателю. Еслибы свойства пространства зависѣли исключительно отъ взаимныхъ отношеній между частями объектовъ, мы не могли бы различить два предмета, отличающіеся между собою лишь тѣмъ, что одинъ поставленъ налѣво, другой направо.

Любопытно, что Кантъ выводитъ изъ этого, что понятія «налѣво, направо, вверху, внизу, спереди, сзади» являются выраженіемъ свойствъ «абсолютнаго пространства» и лишь послѣ этого рѣшается отнести ихъ также къ свойствамъ самого наблюдателя. При этомъ Кантъ выставляетъ слѣдующія въ высшей степени важныя соображенія, являющіяся чуть-ли не лучшей попыткой объяснить *трехмѣрность* пространства. *Строеніе нашего тѣла опредѣляетъ для насъ три основныя плоскости, къ которымъ мы и относимъ всѣ предметы внѣшняго міра.* Плоскость симметріи

раздѣляетъ наше тѣло на правую и лѣвую части; другая плоскость соотвѣтствуетъ положенію нашихъ органовъ чувствъ: глаза, ротъ, ноздри расположены у насъ спереди, чѣмъ обусловливается рѣзкое различіе между передней и задней областью; наконецъ положеніе нашей головы дѣлаетъ необходимымъ различеніе между верхомъ и низомъ. Это, такъ сказать, физіологическое объясненіе трехмѣрности пространства составляетъ первый шагъ къ психологическому истолкованію. Очевидно, говоритъ Кантъ, что мы воспринимаемъ области въ пространствѣ лишь по отношенію къ нашему собственному тѣлу. Кантъ допускаетъ «особое пространственное чувство» (Raumgefühl) или чувство пространственнаго существованія нашего тѣла. Онъ еще не рѣшается однако перенести весь центръ тяжести изъ объекта въ субъектъ, и полагаетъ, что «абсолютное пространство» трехмѣрно не только по отношенію къ нашему тѣлу, но и само по себѣ; точно также и другія свойства пространства объясняются не только свойствами субъекта, но и свойствами самаго абсолютнаго пространства, какъ своеобразнаго объекта, отличающагося отъ предметовъ внѣшнихъ чувствъ и способнаго воздѣйствовать лишь на спеціальное «пространственное чувство».

Канту оставалось еще сдѣлать одинъ шагъ: онъ и былъ сдѣланъ въ «трансцендентальной эстетикѣ», т. е. въ ученіи объ апріорныхъ *формахъ* чувственности, которое составляетъ важнѣйшую часть «Критики чистаго разума».

Этотъ капитальнѣйшій изъ всѣхъ трудовъ Канта появился въ печати первымъ изданіемъ въ 1781 году; вторымъ — значительно измѣненнымъ въ 1787 году; позднѣйшія изданія, вышедшія при жизни Канта, не отличаются отъ второго, которое Кантъ считалъ слѣдовательно окончательнымъ выраженіемъ своихъ взглядовъ. Со времени Шопенгауэра въ нѣмецкой литературѣ начался цѣлый споръ о сравнительномъ достоинствѣ обоихъ изданій. Шопенгауэръ провозгласилъ, что второе изданіе есть искаженіе перваго; его мнѣніе раздѣляется и теперь многими идеалистами, которые не могутъ простить Канту того, что во второмъ изданіи онъ напечаталъ подробное опроверженіе идеалистическихъ ученій. Если самого Канта называютъ идеалистомъ, и если онъ самъ не вполнѣ отрекся отъ этого имени, то необходимо помнить, что идеализмъ Канта совершенно особеннаго рода. Это идеализмъ критическій или *трансцендентальный*. Подъ словомъ *трансцендентальный* — и это необходимо твердо помнить — Кантъ *подразумѣваетъ не то, что стоитъ выше опыта, а то, что предшествуетъ опыту, какъ его не-*

обходимое условіе, и что безъ послѣдующаго за нимъ опыта лишено всякаго содержанія, а стало быть и всякаго смысла. Изъ этого видно, что идеализмъ Канта гораздо болѣе родственъ съ философскимъ реализмомъ, чѣмъ съ идеалистическими системами вродѣ картезіанизма, не говоря уже объ ученіи Беркли. То, что стоитъ выше и внѣ всякаго опыта, Кантъ называлъ не трансцендентальнымъ, а *трансцендентнымъ* и рѣзко осуждалъ всякія теоретическія экскурсіи въ эту область, признавая ея значеніе единственно въ вопросахъ нравственныхъ или практическихъ.

Въ 1770 году, какъ мы уже знаемъ, Кантъ, послѣ многолѣтняго ожиданія, получилъ каѳедру логики и метафизики и 20 августа этого года защищалъ вступительную диссертацію: „О формѣ и принципахъ чувственнаго и постигаемаго (intelligibeln) міра». Недѣлю спустя Кантъ, посылая экземпляръ этой диссертаціи Ламберту, писалъ ему: «Около года уже я льщу себя мыслью, что достигъ того понятія, которое никогда во внѣ не измѣнится, но конечно расширится, и которое дозволяетъ испытывать всѣ метафизическіе вопросы по совершенно вѣрнымъ и легкимъ мѣриламъ, причемъ можно съ полною увѣренностью сказать, насколько эти вопросы разрѣшимы или нѣтъ».

Очевидно такимъ образомъ со словъ самого Канта, что въ 1769 году онъ окончательно вступилъ на путь критической философіи. Это ни мало не противорѣчитъ мнѣнію, что такой путь подготовлялся въ умѣ Канта постепенно еще съ 1763 года, не считая болѣе раннихъ отдѣльныхъ проблесковъ критическаго направленія. Для исторіи развитія идей Канта особенное значеніе представляютъ письма, адресованныя имъ втеченіи 1770—1781 гг. одному изъ любимѣйшихъ своихъ учениковъ, Марку Герцу. Этотъ самый Герцъ былъ оппонентомъ Канта на диспутѣ 1770 г., затѣмъ уѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ вступилъ въ близкія отношенія съ извѣстнымъ еврейскимъ реформаторомъ Мендельсономъ. Впослѣдствіи Герцъ сталъ выдающимся врачемъ и пріобрѣлъ также извѣстность своими философскими работами. Въ 1779 году онъ женился на дочери португальско-еврейскаго врача, Генріеттѣ, которая славилась во всемъ Берлинѣ столько же умомъ и образованіемъ, сколько красотою; ея домъ сталъ сборнымъ пунктомъ берлинскихъ философовъ и ученыхъ.

Кантъ постоянно сообщалъ Герцу о планѣ капитальнаго философскаго труда, задуманнаго имъ въ 1770 году, вскорѣ послѣ защиты диссертаціи. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ Кантъ сообщаетъ, что намѣренъ написать сочиненіе подъ заглавіемъ: «О границахъ

чувственности и разума». По словамъ Канта, чрезвычайно важно не только для философовъ, но и для всѣхъ, вообще, важнѣйшихъ человѣческихъ цѣлей провести различіе между тѣмъ, что относится къ природѣ нашей познавательной способности, и тѣмъ, что относится къ *природѣ предметовъ;* необходимо также знать, «что основано на субъективныхъ принципахъ человѣческихъ душевныхъ силъ, исходящихъ не только изъ чувственности, но также изъ разсудка». Въ письмѣ отъ 1772 года Кантъ пишетъ: «Втеченіи долгаго времени мнѣ недоставало еще кое чего существеннаго, что на самомъ дѣлѣ является ключемъ ко всѣмъ тайнамъ метафизики, которая до сихъ поръ сама себя не понимала. Я спросилъ себя именно: на чемъ основано отношеніе представленія къ предмету?»

Прежніе философы прибѣгали для рѣшенія этого вопроса къ разнымъ сверхъестественнымъ началамъ. Платонъ и Мальбраншъ допускали какое то наитіе или откровеніе свыше, Лейбницъ сочинилъ предъустановленную гармонію. «Но, по словамъ Канта, допускать, что Deus ex machina опредѣляетъ происхожденіе и значеніе нашихъ познаній, это нелѣпѣйшее изъ предположеній, какое только можно избрать». «Теперь—пишетъ Кантъ—я въ состояніи изложить критику *чистаго* разума». Кантъ полагалъ, что окончитъ весь трудъ, включая критику *практическаго* разума, втеченіи «примѣрно трехъ мѣсяцевъ».

На самомъ дѣлѣ Канту понадобилось, вмѣсто трехъ мѣсяцевъ, девять лѣтъ на исполненіе лишь одной изъ намѣченныхъ имъ задачъ, на созданіе критики теоретическаго разума. Не слѣдуетъ думать, что Кантъ писалъ и передѣлывалъ написанное: работа происходила въ его головѣ. Въ своихъ письмахъ 1777—1778 годовъ Кантъ жалуется на состояніе своего здоровья. Въ 1778 году онъ пишетъ, что съ нѣкотораго времени привыкъ считать здоровьемъ весьма относительное благосостояніе, которое многіе почли бы болѣзнью. По возможности, онъ щадилъ свои силы и старался отдохнуть. Лишь въ 1780 году Кантъ вновь усиленно принимается за работу. 1 мая слѣдующаго года онъ пишетъ Герцу, что вскорѣ издатель Гарткнохъ напечатаетъ написанную имъ наконецъ книгу «Критика чистаго разума». По первоначальному плану Канта, предполагалась брошюра въ нѣсколько печатныхъ листовъ; девять лѣтъ размышленія довели ее до размѣра объемистаго тома въ 856 страницъ (по первому изданію). Въ одномъ изъ писемъ къ Мендельсону Кантъ говоритъ, что онъ обдумывалъ свое сочиненіе «по малой мѣрѣ втеченіи 12 лѣтъ,» и дѣйствительно 1769 годъ былъ, какъ мы

знаемъ, рѣшительнымъ поворотнымъ пунктомъ. Но написана была вся книга, по словамъ самого Канта: «въ какіе нибудь 4—5 мѣсяцевъ, какъ бы на̀ скоро, правда съ величайшимъ вниманіемъ къ содержанію, но съ малымъ прилежаніемъ относительно изложенія и доступности для читателя». Не подлежащее никакому сомнѣнію заявленіе Канта, что книга была написана втеченіи 5 мѣсяцевъ, показываетъ, что онъ писалъ, когда идеи окончательно созрѣли въ его умѣ. Въ противномъ случаѣ даже такой умственный колоссъ не могъ бы справиться съ задачей написать болѣе десяти печатныхъ листовъ въ мѣсяцъ, особенно принимая во вниманіе необычайную трудность и отвлеченность предмета. Поразительная поспѣшность окончательной работы отразилась конечно на слогѣ: въ «Критикѣ чистаго разума» нѣтъ той ясности и простоты, какую мы найдемъ въ послѣдующихъ произведеніяхъ Канта. Кантъ сознавалъ этотъ недостатокъ своего главнаго труда; но онъ не искалъ легкой популярности. «Немногіе такъ счастливы,—писалъ онъ Мендельсону, чтобы думать въ одно и то-же время и за себя, и за другихъ... Есть только *одинъ* Мендельсонъ».

Окончательная работа была исполнена Кантомъ въ концѣ 1780 года. Въ октябрѣ этого года рижскій издатель Гарткнохъ предложилъ Канту издать его трудъ; въ декабрѣ началось печатаніе. 6 апрѣля 1781 г. Кантъ прислалъ Гаманну—мыслителю весьма оригинальному, хотя и не глубокому,—первые 30 листовъ, которые Гаманнъ «прочелъ въ одинъ день». Слѣдующіе 18 листовъ Гаманнъ получилъ лишь 6 мая, но всѣ эти 48 листовъ были лишь серединой; конецъ и начало все еще не печатались, потому что Кантъ кое-что передѣлывалъ. Временемъ появленія «Критики чистаго разума» слѣдуетъ считать лишь іюль 1781 года.

Интересно впечатлѣніе, вынесенное первымъ читателемъ Канта—Гаманномъ. «Такая объемистая книга,—писалъ онъ Гердеру, не соотвѣтствуетъ ни росту автора (мы знаемъ, что Кантъ былъ малъ ростомъ), ни понятію чистаго разума, который противопоставляется имъ гнилому—моему разуму». Затѣмъ Гаманнъ выдаетъ Канту аттестатъ, назвавъ его «прусскимъ Юмомъ».

Насколько самъ Кантъ сознавалъ, что его трудъ не отличается общедоступностью, видно главнымъ образомъ изъ того, что онъ самъ взялся написать популярную передѣлку, нѣчто среднее между комментаріемъ и краткимъ изложеніемъ. Такимъ образомъ появилась въ 1782 г. книга, озаглавленная: «Предисловіе ко всякой будущей метафизикѣ, которая будетъ въ состояніи выступить, какъ наука».

Появленіе этого сочиненія было вполнѣ своевременнымъ. Оно на первыхъ же порахъ должно было устранить недоразумѣнія, вызванныя непониманіемъ «Критики чистаго разума».

Всего нелѣпѣе конечно то мнѣніе, которое, при помощи искусственныхъ натяжекъ и явныхъ подтасовокъ, пытается превратить систему Канта въ родъ *мистической* философіи. Ничто не было болѣе чуждо натурѣ Канта, чѣмъ всякаго рода «таинственность и вдохновенность свыше», однимъ словомъ—все, изъ чего слагается мистическое міросозерцаніе. Въ бесѣдѣ съ Яхманномъ Кантъ однажды сказалъ вполнѣ категорически: «Въ моихъ сочиненіяхъ напрасно ищутъ какихъ бы то ни было слѣдовъ мистицизма. *Ни одно мое слово, ни одно выраженіе не можетъ и не должно быть истолковываемо въ мистическомъ смыслѣ*». Но и безъ этого автобіографическаго показанія смыслъ ученія Канта вполнѣ ясенъ для всѣхъ, кто способенъ уразумѣть его.

Въ непонимающихъ никогда не было недостатка. Желая разсѣять всякія недоразумѣнія, Кантъ сѣлъ писать свое «Предисловіе къ Метафизикѣ» (Prolegomena). Трудъ этотъ былъ еще не оконченъ, когда (19 января 1782 г.) въ «Геттингенскихъ Ученыхъ извѣстіяхъ» появилась первая рецензія о «Критикѣ чистаго разума». Рецензія была написана Гарвэ, философомъ, впослѣдствіи высоко чтившимъ Канта и сознавшимъ крайнюю недостаточность, односторонность и неправильность своей рецензіи.

Рецензія, написанная Гарвэ и передѣланная до неузнаваемости редакторомъ Федеромъ, измѣнила первоначальный планъ кантовскаго «Предисловія къ Метафизикѣ». Кантъ счелъ необходимымъ отвѣтить своимъ противникамъ, и приписалъ цѣлую главу, которую назвалъ «Опытомъ сужденія о критикѣ, забѣгающей впередъ изслѣдованія». Здѣсь Кантъ уничтожаетъ доводы рецензента, который строитъ всѣ свои сужденія, исходя изъ утвержденія, что философія Канта есть «система высшаго идеализма». Въ отвѣтъ на упрекъ въ «идеализмѣ» Кантъ возражаетъ:

«Основное положеніе всѣхъ истинныхъ идеалистовъ, начиная съ элеатской школы и кончая епископомъ Беркли, сводится къ слѣдующей формулѣ: всякое познаніе посредствомъ чувствъ и опыта есть не что иное, какъ чистая призрачность (Schein), и только въ идеяхъ чистаго разсудка и разума заключается истина. Основное положеніе, господствующее всюду въ моемъ идеализмѣ и опредѣляющее его, сводится къ слѣдующему: *всякое познаніе вещей только изъ чистаго разсудка или изъ чистаго разума есть не что иное, какъ чистая призрачность, и только въ опытѣ заключается истина*».

Но это положеніе Канта есть не что иное, какъ основной прин-

цинъ философскаго реализма. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ его является, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, признаніе *независимаго* отъ нашей личности существованія внѣшняго міра, а это признаніе и отличаетъ реализмъ отъ всѣхъ идеалистическихъ системъ. Но идеалисты, по недоразумѣнію или по непониманію, ухватились за ученіе Канта объ «идеальности» пространства и времени, толкуя это ученіе совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какой ему приданъ самимъ Кантомъ.

«Пространство и время,—пишетъ Кантъ въ своихъ «Prolegomena»,—включая все, въ нихъ содержащееся, суть не вещи и не свойства вещей самихъ въ себѣ, но принадлежатъ исключительно къ явленіямъ вещей; до этого пункта я одного исповѣданія съ идеалистами. Но эти послѣдніе, и въ особенности Беркли, считали пространство простымъ эмпирическимъ представленіемъ... Я, наоборотъ, впервые показываю, что пространство, со всѣми его апріорными опредѣленіями, можетъ быть познаваемо нами потому, что оно (какъ и время) присуще намъ до всякаго воспріятія и опыта, какъ чистая форма нашей чувственности». «Мой такъ называемый (собственно критическій) идеализмъ стало быть совершенно особаго рода, а именно таковъ, что онъ ниспровергаетъ обыкновенный идеализмъ, и въ то-же время только онъ придаетъ объективную реальность всякому апріорному познанію, даже геометріи. При такомъ положеніи дѣлъ, я желалъ, во избѣжаніе недоразумѣній, совсѣмъ избѣжать названія (идеализма); но едва ли это удобно. Поэтому,—заключаетъ Кантъ,—да будетъ мнѣ позволено впредь называть мой идеализмъ *формальнымъ* или, еще лучше, *критическимъ*».

Тутъ же Кантъ поясняетъ, что настоящій идеализмъ имѣетъ всегда мечтательную цѣль и не можетъ имѣть иной; «мой идеализмъ, наоборотъ, служитъ лишь къ тому, чтобы понять возможность апріорнаго познанія предметовъ опыта. Это задача не только не разрѣшенная, но и не поставленная до сихъ поръ. Рѣшеніе ея ниспровергаетъ весь мечтательный идеализмъ, который всегда заключалъ отъ нашихъ апріорныхъ познаній ко всякому созерцанію, исключая чувственнаго; никому не приходило на умъ, что чувства также должны созерцать апріори».

Здѣсь мы касаемся центральнаго пункта ученія Канта объ апріорномъ познаніи. Весь недостатокъ кантовской теоріи, по нашему мнѣнію, заключается не въ недостаткѣ реализма, а въ томъ, что Кантъ беретъ готовую уже организацію зрѣлаго ума, ни мало не задаваясь вопросомъ о генезисѣ душевныхъ свойствъ. Ставъ на эту точку зрѣнія, конечно придется допустить, вмѣстѣ съ Кантомъ, «апріорныя» формы чувственности, но эта апріорность есть не что иное, какъ накопленный опытъ, частью нашъ личный, частью унаслѣдованный отъ предковъ. Несомнѣнно, что для зрѣлаго ума пространство и время являются, какъ то и утверждаетъ Кантъ, апріорными формами, другими словами: развитый умъ представляетъ предметы внѣшняго міра не иначе, какъ протяженными въ трехмѣрномъ

пространствѣ и т. д. Но наблюденія надъ малыми дѣтьми, надъ людьми, прозрѣвшими послѣ снятія бѣльма и т. п., показываютъ, что перспективное представленіе пространства вырабатывается путемъ опыта. Новорожденный повидимому лишь смутно сознаетъ образы различно освѣщенныхъ поверхностей, совершенно не умѣя оцѣнить ни разстояній, ни направленій. Сравнительная психологія человѣка и животныхъ еще болѣе освѣтила этотъ вопросъ и убѣдила въ томъ, что всѣ пространственныя отношенія являются продуктами опыта, находясь въ зависимости отъ нервной и психической организаціи субъекта. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ пространство дѣйствительно является формою субъекта, формою его чувственности, но Кантъ не правъ, придавая этой формѣ характеръ *абсолютной* трансцендентальности, т. е. утверждая, что форма *всегда* предшествуетъ опыту. Это справедливо лишь въ томъ *относительномъ* смыслѣ, что мы рождаемся на свѣтъ съ готовыми уже душевными предрасположеніями, конечно не съ «врожденными идеями», какъ думали нѣкоторые философы, но съ унаслѣдованными душевными свойствами. Для своего обнаруженія и развитія эти душевныя качества нуждаются однако въ упражненіи, въ опытѣ. Опытное происхожденіе пространственныхъ формъ (точно такъ-же, какъ и сознаніе времени) доказывается многими фактами: напр. при значительномъ измѣненіи условій опыта, сознаніе пространства и времени существенно извращается. Такъ, подъ вліяніемъ гашиша, морфія и другихъ наркотическихъ веществъ время чрезвычайно удлиняется, малая комната кажется обширнымъ дворцомъ и т. п. Даже здоровый умъ при нѣсколько необычайныхъ условіяхъ даетъ пространству и времени совершенно иную оцѣнку, чѣмъ въ обыденныхъ случаяхъ, въ чемъ относительно пространства убѣждается всякій, впервые побывавъ на Альпахъ или при плаваніи на аэростатѣ. Что касается времени, всякій знаетъ, какъ вліяютъ на сознаніе времени сильные аффекты, напр. любовь, нетерпѣніе, страхъ, отчаяніе. Однимъ словомъ, ни мало не отвергая относительной апріорности пространства и времени, какъ формъ, въ которыя укладывается весь нашъ опытъ—внѣшній и внутренній—мы утверждаемъ только, что этотъ умственный капиталъ есть не что иное, какъ накопленный трудъ, т. е. прошлый опытъ, личный или унаслѣдованный.

Въ «Критикѣ чистаго разума» и въ своихъ «Prolegomena» Кантъ изслѣдовалъ исключительно одну область разума, которую онъ назвалъ теоретической. Втеченіи пятилѣтія съ 1785 по 1790 годъ Кантъ написалъ рядъ крупныхъ произведеній, которыя, взя-

тыя въ совокупности, образуютъ полную систему чистаго разума, или систему критической философіи. Въ «Метафизическихъ основаніяхъ естествознанія» Кантъ указалъ философскія основы механики, физики и другихъ естественныхъ наукъ; въ «Метафизикѣ нравовъ» и «Критикѣ практическаго разума» (1788) изслѣдованы основные вопросы этики, въ «Критикѣ силы сужденія» (1790) положены основанія эстетики и разобраны телеологическіе вопросы.

Въ концѣ своей философской дѣятельности Кантъ обратился къ вопросамъ религіи. Въ 1793 году онъ издалъ сочиненіе, озаглавленное» Религія въ границахъ чистаго разума»; послѣднимъ его трудомъ былъ «Споръ между факультетами» (1798).

Въ предисловіи къ этому послѣднему сочиненію самъ Кантъ изложилъ исторію замѣчательнаго гоненія, возбужденнаго противъ него придворными ханжами, во главѣ которыхъ былъ новый прусскій министръ Вёльнеръ.

При Фридрихѣ Великомъ никому не пришло бы въ голову преслѣдовать Канта. Фридрихъ-Вильгельмъ II былъ монархъ совсѣмъ другого рода, слабохарактерный, способный подчиняться всякимъ вліяніямъ, особенно дурнымъ. Въ первые годы своего правленія онъ благоволилъ къ Канту. Въ 1786 году онъ прибылъ въ Кенигсбергъ для коронаціи, и Кантъ, бывшій въ то время ректоромъ университета, долженъ былъ встрѣтить короля привѣтственной рѣчью. Король благодарилъ и въ своемъ отвѣтѣ упомянулъ о философскихъ заслугахъ Канта. Но склонность короля къ мистицизму дѣлала изъ него скорѣе поклонника С. Жермена или Каліостро, чѣмъ почитателя Канта. Духовидцы и прорицатели, гадатели и маги были тогда въ модѣ; эта мода вполнѣ соотвѣтствовала духу политической и церковной реакціи, который сталъ свирѣпствовать съ удвоенной силой, когда во Франціи вспыхнула революція, грозившая подорвать монархическій принципъ во всей западной Европѣ. Во всѣхъ нѣмецкихъ земляхъ принимались чрезвычайныя мѣры для предохраненія добрыхъ нѣмцевъ отъ якобинской заразы.

Насколько измѣпились времена, видно изъ слѣдующаго. Въ 1781 году Кантъ посвятилъ свою «Критику чистаго разума» прусскому государственному министру фонъ Цедлицу, одному изъ своихъ ревностныхъ почитателей. Этотъ Цедлицъ доставалъ тетрадки съ записанными лекціями Канта и писалъ Канту, что, находясь за сотни верстъ, считаетъ себя въ числѣ его слушателей. Черезъ два года по восшествіи на престолъ Фридриха-Фельгельма II министерство Цедлица пало и мѣсто Цедлица занялъ честолюбивый богословъ,

бывшій проповѣдникъ Велльнеръ, обскурантъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Его поддерживали многіе придворные, особенно королевскій генералъ-адъютантъ, извѣстный ханжа фонъ-Бишофсвердеръ. Не успѣлъ новый министръ забрать въ руки бразды правленія, какъ начались всякаго рода стѣсненія свободы печати, свободы преподаванія, даже свободы проповѣди. 9 іюля 1788 года, въ то время, когда Кантъ работалъ надъ своей «Критикой практическаго разума», Велльнеръ издалъ пресловутый религіозный эдиктъ, въ которомъ всѣмъ учителямъ и священникамъ было повелѣно строго держаться оффиціальнаго катехизиса. Всякое уклоненіе отъ буквы правовѣрнаго протестантизма влекло за собою потерю должности и другія кары. 19 декабря того же 1788-го года была отмѣнена свобода печати. Внутренняя печать была подчинена предварительной цензурѣ, иностранныя книги стали подвергаться строжайшему пересмотру. Это произошло наканунѣ французской революціи. Два года спустя были придуманы еще болѣе суровыя мѣры: учрежденъ особый комитетъ изъ трехъ совѣтниковъ оберъ-консисторіи, надзиравшій за печатью, церковью и школой. Тріумвиратъ этотъ состоялъ изъ Гермеса, Вольтерсдорфа и Гиллнера, людей честолюбивыхъ, грубыхъ и невѣжественныхъ. Имъ были предоставлены широчайшія полномочія относительно всѣхъ церковныхъ и школьныхъ должностей, всѣ кандидаты на учительскія и проповѣдническія каѳедры подвергались въ этомъ комитетѣ особому экзамену, съ цѣлью удостовѣриться въ ихъ совершенной благонадежности. Тріумвиры объѣзжали провинціи, указывали методъ преподаванія и учебники, которые писали сами или поручали писать людямъ особо благонадежнымъ. Всѣ подозрительные люди получали клички враговъ религіи, атеистовъ, якобинцевъ и демократовъ; даже слово «просвѣтитель» стало бранной кличкой въ устахъ этихъ обскурантовъ. Однимъ словомъ, это была своего рода инквизиція.

Въ то время философія Канта уже получила значительное распространеніе въ Германіи; кое-гдѣ ее стали преподавать даже съ каѳедръ. Рано или поздно реакціонное теченіе должно было столкнуться съ разрушительной критикой, посягнувшей на святыни школьной метафизики. Вѣдь не даромъ эта метафизика считалась опорою оффиціальной религіи. Въ самомъ началѣ царствованія Фридриха-Вильгельма II одинъ изъ тріумвировъ, Вольтерсдорфъ, подалъ королю докладную записку, въ которой содержалось неслыханное въ исторіи нѣмецкой философіи предложеніе: жалкій невѣжда требовалъ, чтобы первому философу Германіи было вовсе запрещено

писать. Это показалось неумѣстнымъ даже королю и его главному министру, и въ 1788 году былъ посланъ въ Кёнигсбергъ на счетъ короля Кизеветтеръ съ цѣлью ближе ознакомиться съ философіей Канта. Быть можетъ прусское правительство при этой миссіи руководствовалось задними мыслями, но Кизеветтеръ возвратился изъ Кёнигсберга горячимъ поклонникомъ Канта и далъ о его ученіи самый лестный отзывъ. 3 марта 1789 года Кантъ получилъ подписанный Вёллнеромъ королевскій декретъ, въ которомъ содержались лестныя выраженія по адресу философа, его жалованье было увеличено, онъ названъ «пріятнымъ, безкорыстнымъ, искуснымъ и прямодушнымъ мужемъ».

Но это милостивое настроеніе короля и Вёллнера было вскорѣ поколеблено. Въ Берлинѣ издавался ежемѣсячный журналъ, куда Кантъ прислалъ статью «О радикально зломъ началѣ въ человѣческой натурѣ» (1792). Кантъ въ особомъ письмѣ просилъ издателя, чтобы тотъ послалъ его статью берлинскимъ цензорамъ, хотя издатель, Бистеръ, печатавшій свой журналъ въ Іенѣ, имѣлъ право обратиться къ болѣе снисходительной іенской цензурѣ. Кантъ очевидно не желалъ подвести издателя. По его собственнымъ словамъ, онъ не хотѣлъ подать и вида, что занимается литературной контрабандой, избѣгая берлинской цензуры и выказывая такъ называемыя смѣлыя мнѣнія изъ-за угла, а не съ открытымъ забраломъ. Статья попала въ руки одного изъ тріумвировъ—Гилльмера. Этотъ цензоръ возвратилъ ее издателю безъ помарокъ, но съ поясненіемъ: «разрѣшается печатать, такъ какъ только глубокомысленные ученые читаютъ сочиненія Канта». Статья была напечатана.

Вскорѣ послѣ этого Кантъ прислалъ въ Берлинъ вторую статью (о борьбѣ добраго начала съ злымъ) и предложилъ издателю продѣлать и съ этой статьей ту же процедуру. Издатель неохотно подчинился, и вскорѣ послѣ того писалъ Канту: «Я никогда не могъ понять, почему вы, мой уважаемый другъ, во чтобы то ни стало напирали на здѣшнюю цензуру. Я повиновался вамъ и послалъ рукопись Гилльмеру. Къ немалому моему изумленію, онъ отвѣтилъ мнѣ, что такъ какъ ваша статья ниспровергаетъ всю библейскую теологію, онъ, слѣдуя своимъ инструкціямъ, перечиталъ ее сообща съ своимъ коллегою Гермесомъ, и такъ какъ этотъ послѣдній отказался подписать, то и онъ присоединился къ его мнѣнію». Издатель пытался поладить съ Гермесомъ, но получилъ отвѣтъ, что цензура руководствуется религіознымъ эдиктомъ и что разсуждать тутъ нечего.

Кантъ былъ крайне разогорченъ и раздосадованъ этою неудачей. У него были приготовлены еще три статьи. Кантъ вовсе не желалъ уступить безъ сопротивленія. Первою его мыслью было послать свои статьи въ Гёттингенъ тамошнему богословскому факультету. Не смотря на дерзость реакціи, она не осмѣливалась посягнуть на привиллегіи университетовъ, сохранившихъ право печатать безъ цензуры одобренныя ими сочиненія. Но вскорѣ Канта взяло раздумье: случай, происшедшій съ Фихте, послужилъ для него предостереженіемъ.

Незадолго передъ тѣмъ въ Кёнигсбергъ прибылъ молодой человѣкъ, сильно нуждавшійся въ средствахъ, но привлеченный желаніемъ слышать и видѣть Канта. Это былъ прославившійся впослѣдствіи философъ Фихте.

Во время пребыванія въ Лейпцигѣ, Фихте впервые предался изученію «Критики чистаго разума» и, по его словамъ, «обрѣлъ истинное средство противъ всѣхъ своихъ страданій.»

Еще сильнѣйшее впечатлѣніе произвела на Фихте «Критика практическаго разума». Фихте говоритъ: «Невозможно описать то вліяніе, которое оказала эта философія на все мое мышленіе... Теперь я вѣрю всею душою въ свободу воли, и только при этомъ условіи для меня мыслимы долгъ, добродѣтель и нравственность».

Вскорѣ послѣ этого Фихте отправился въ Кёнигсбергъ. Вмѣсто рекомендательнаго письма, онъ вручилъ Канту рукопись своего сочиненія: «Критика всевозможнаго откровенія». Матеріальное положеніе Фихте было отчаяннымъ. «Если я рѣшусь сказать объ этомъ кому-либо, то только самому Канту,—писалъ онъ въ своемъ дневникѣ.—Быть можетъ у Канта я займу небольшую сумму денегъ на дорогу. Я отправился сегодня къ нему ради этого, но мужество мое пропало. Я рѣшилъ написать ему». 3 сентября Фихте пишетъ: «Получилъ отъ Канта приглашеніе обѣдать. Онъ принялъ меня съ свойственной ему сердечностью, но сообщилъ, что для него рѣшительно невозможно удовлетворить мою просьбу ранѣе истеченія второй половины мѣсяца. Какая милая откровенность!».

Но Кантъ сдѣлалъ болѣе того, что обѣщалъ. Прочитавъ рукопись Фихте, онъ пришелъ въ восторгъ и посовѣтовалъ молодому философу послать рукопись книгопродавцу Гартунгу, обѣщая свою рекомендацію. Рукопись была первоначально послана въ Галле и, чтобы избавиться отъ возни съ цензурой, обратились за одобреніемъ къ богословскому факультету. Но деканъ Шульце отказалъ наотрѣзъ. Книга была потомъ напечатана помимо университета.

Этотъ эпизодъ заставилъ Канта сильно призадуматься относительно своей собственной рукописи. Хотя въ Галле были также люди свободомыслящіе, какъ Нимейеръ и Кнаппъ, большіе почитатели Канта, одного сопротивленія Шульце было достаточно, чтобы внушить опасенія. Сверхъ того Кантъ не хотѣлъ столкновеній между факультетами и тріумвиратомъ, не желая жертвовать чужими интересами въ интересахъ своего дѣла. Въ концѣ концовъ онъ пришелъ къ тому рѣшенію, которое, казалось, должно было раньше всего представиться его уму. Онъ переговорилъ съ своими кёнигсбергскими коллегами. Богословскій факультетъ университета единогласно высказался въ пользу Канта и заявилъ, что беретъ на себя отвѣтственность за послѣдствія. Послѣ нѣкотораго колебанія Кантъ представилъ факультету всѣ четыре статьи, давъ имъ общее заглавіе: «Религія въ границахъ чистаго разума»; деканъ подписалъ разрѣшеніе печатать и книга была издана книгопродавцемъ Николовіусомъ.

Въ письмѣ къ гёттингенскому профессору Штейдлину Кантъ говоритъ о цензурномъ эпизодѣ, причемъ иронизируетъ надъ цензорами. «Не понимаю,—пишетъ онъ,—почему въ первой статьѣ не нашли ничего противнаго библейскому богословію, тогда какъ вторая показалась опасной.» Кантъ совѣтуетъ своимъ преслѣдователямъ опровергать его «доводами разума, а не молніями, сверкающими изъ тучъ, поднявшихся въ придворной атмосферѣ». Это онъ открыто высказываетъ и въ предисловіи къ самому сочиненію, которое, по свободомыслію и смѣлости, далеко оставляетъ за собою сочиненія Лессинга и Реймаруса. Это рѣшительное отрицаніе всей догматической теологіи, и притомъ не въ отвлеченной формѣ (какъ въ «Критикѣ чистаго разума»), а въ видѣ популярнаго, краснорѣчиваго трактата. Безъ сомнѣнія, не столько идея, сколько форма этого произведенія испугала берлинскихъ церберовъ.

Кантъ отлично сознавалъ, что, издавая свое сочиненіе наперекоръ прусскому правительству, онъ тѣмъ самымъ подвергаетъ себя довольно серьезной опасности. Не смотря на свои весьма преклонныя лѣта, на громкую славу, которою онъ пользовался, на свое высокое положеніе въ университетѣ, Кантъ ежеминутно могъ ожидать, что ему велятъ подать въ отставку.

Однако у прусскаго правительства нашлось еще довольно стыда, чтобы не прибѣгнуть къ этой крайней мѣрѣ. Но и то, что было предпринято противъ Канта, покрываетъ правительство Фридриха-Вильгельма II вѣчнымъ позоромъ. Замѣтивъ необычайный успѣхъ

сочиненія Канта, вышедшаго вскорѣ вторымъ изданіемъ, Вёлльнеръ прислалъ Канту королевскій кабинетскій указъ (1794), въ которомъ «достойному, высокоученому и преданному» (какъ онъ названъ въ указѣ) Канту было прочитано отеческое внушеніе. «Съ величайшимъ неудовольствіемъ мы замѣтили,—сказано въ этомъ указѣ, — что вы злоупотребляете вашей философіей для искаженія и униженія многихъ основныхъ ученій св. Писанія и христіанской вѣры. Мы были о васъ лучшаго мнѣнія; вы сами должны понять, какъ безотвѣтственно дѣйствуете вы противъ вашего долга, какъ учителя юношества, и противъ нашихъ, вамъ отлично извѣстныхъ, отеческихъ попеченій о странѣ.» Затѣмъ была высказана угроза, что если Кантъ осмѣлится сдѣлать нѣчто подобное впредь, онъ подвергнется «самымъ непріятнымъ послѣдствіямъ». Указъ подписанъ такъ: «По всемилостивѣйшему спеціальному приказанію короля. Велльнеръ».

Канту было въ то время семьдесятъ лѣтъ. Возрастъ и характеръ, въ связи съ уваженіемъ, которое онъ питалъ къ законамъ страны, дѣлали его неспособнымъ къ дальнѣйшей открытой борьбѣ; но онъ не могъ и безусловно подчиниться. Кантъ избралъ средній путь, указанный благоразуміемъ. Онъ рѣшилъ подчиниться этому приказу, но не связывать себя безусловно. Несомнѣнно однако, что это рѣшеніе было принято Кантомъ послѣ внутренней борьбы. Въ бумагахъ его найдена записка, въ которой выраженъ результатъ этой борьбы. «Отреченіе отъ своего внутренняго убѣжденія,—пишетъ Кантъ,— есть низость, но молчаніе въ случаѣ, подобномъ настоящему, есть долгъ подданнаго. Все, что говорится, должно быть правдой, но нельзя считать обязанностью говорить каждую истину публично.»

Въ этомъ смыслѣ онъ отвѣтилъ на королевскій указъ, содержаніе котораго скрылъ отъ всѣхъ, исключая одного близкаго друга. Въ своемъ отвѣтѣ Кантъ заявилъ, что упреки, обращенные къ нему, неосновательны, но обѣщалъ на будущее время молчать. «Какъ вѣрноподданный вашего величества,—писалъ Кантъ,—я торжественно заявляю, что впредь совершенно воздержусь отъ всѣхъ публичныхъ лекцій о религіи.» Кантъ считалъ однако себя связаннымъ этимъ обѣщаніемъ лишь по отношенію къ Фридриху-Вильгельму II. Какъ только король умеръ и на престолъ вступилъ болѣе либеральный Фридрихъ-Вильгельмъ III, Кантъ издалъ «Споръ факультетовъ», въ которомъ между прочимъ изложилъ весь свой эпизодъ съ Велльнеромъ (1798).

Названное сочиненіе было послѣднимъ произведеніемъ Канта.

*

Достигнувъ 75-тилѣтняго возраста, Кантъ сталъ быстро слабѣть. Сначала физическія, затѣмъ и умственныя силы все болѣе оставляли его. Еще въ 1797 году Кантъ прекратилъ чтеніе всякихъ лекцій; съ 1798 года онъ не принималъ болѣе ничьихъ приглашеній и у себя дома принималъ лишь самыхъ близкихъ друзей. Съ 1799 года онъ вынужденъ былъ отказаться даже отъ прогулокъ.

Несмотря на то, Кантъ все еще пытался работать умственно. Онъ пробовалъ написать «Систему чистой философіи во всей ея совокупности», но силы Канта были уже исчерпаны. Еще въ 1792 году Фихте, благоговѣвшій передъ Кантомъ, нашелъ его лекціи «снотворными». За тридцать лѣтъ до этого Гердеръ писалъ о пламенномъ краснорѣчіи Канта. Въ 1798 году Кантъ въ своемъ «Спорѣ факультетовъ» писалъ между прочимъ о возможности побѣждать болѣзни одною силою духа. Но изъ всѣхъ болѣзней онъ не предусмотрѣлъ одной — старческаго безсилія и истощенія жизненной энергіи. Послѣдняя, оставшаяся неоконченною, работа Канта («Система чистой философіи») долгое время считалась утерянной. Въ 1858 году были изданы отрывки; работа эта оказалась лишь слабымъ повтореніемъ прежнихъ мыслей Канта. Яхманнъ въ своей біографіи Канта поразительно описываетъ упадокъ силъ этого великаго человѣка. Это была не болѣзнь, а маразмъ (упадокъ силъ) въ полномъ смыслѣ слова. Мускульная сила утрачивалась. Кантъ всегда былъ сухощавъ,—въ первые годы нашего столѣтія онъ сталъ походить на скелетъ, обтянутый кожей. Давленіе на голову—хроническое страданіе Канта—все болѣе чувствовалось. Кантъ сердился, когда ему говорили, что это приливъ крови, и приписывалъ все электричеству воздуха. Внѣшнія чувства ослабѣвали; лѣвый глазъ давно пересталъ видѣть, теперь и правый сталъ измѣнять. Память отказывалась служить: Кантъ былъ вынужденъ записывать всякія мелочи, чтобы не забыть ихъ черезъ какой-нибудь часъ. Наконецъ походка его стала шаткою, онъ волочилъ ноги, спотыкался, пересталъ узнавать знакомыхъ. Когда Яхманнъ вошелъ къ Канту и, растроганный до слезъ видомъ угасающаго генія, бросился на шею Канту, тотъ съ удивленнымъ видомъ спросилъ: «Но скажите, кто—вы собственно такой?» Никакія напоминія не повліяли на него. Самая младшая изъ сестеръ Канта и бывшій ученикъ его Васянскій приняли на себя попеченіе о старикѣ. Въ 1803 г. Кантъ записалъ на памятномъ листкѣ библейскія слова: «жизнь человѣка длится 70 лѣтъ, много 80». Ему было въ то время 79 л. Въ октябрѣ 1803 г. съ Кантомъ произошелъ припадокъ. Съ тѣхъ поръ силы его быстро упадали, онъ не могъ болѣе подписать своего

имени, забывалъ самыя обыкновенныя слова. 12 февраля 1804 г. Кантъ тихо скончался. Послѣднія слова его были: «Это хорошо».

Вскорѣ послѣ смерти Канта пришло извѣстіе, что онъ избранъ членомъ Парижской Академіи. Онъ уже числился членомъ академій Берлинской, Петербургской и Сіенской.

Прежде чѣмъ разстаться съ личностью Канта, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о его умственныхъ и нравственныхъ особенностяхъ, собственно съ цѣлью опровергнуть нѣкоторыя односторонія мнѣнія о немъ. Канта иногда упрекали въ сухости сердца, педантизмѣ и резонерствѣ. Утверждали, будто онъ былъ чрезвычайно грубъ съ своимъ старымъ слугою, черствъ по отношенію къ сестрамъ, съ которыми втеченіи 25 лѣтъ ни о чемъ не переписывался и даже едвали видѣлся и т. п. Все это не болѣе, какъ намѣренное извращеніе истины. Старый слуга Канта, Лампе, какъ мы уже разъ замѣтили, иногда выводилъ философа изъ терпѣнія; Лампе былъ грубъ, капризенъ, необычайно высокаго о себѣ мнѣнія и ко всему этому нечестенъ. Тѣмъ не менѣе Кантъ, разсчитавъ Лампе, былъ сильно опечаленъ и даже записалъ для себя на памятномъ листкѣ правило: «Не думать болѣе о Лампе», такъ какъ эти думы долго не давали ему покоя. Что касается сестеръ Канта, трудно было бы ожидать обширной корреспонденціи между философомъ и женами простыхъ ремесленниковъ; но утвержденіе, будто Кантъ не любилъ своихъ родныхъ, конечно неосновательно. Гдѣ могъ и какъ могъ. Кантъ помогалъ своимъ роднымъ, хотя собственные заработки его были весьма скромны; за свои капитальные философскіе труды Кантъ получалъ весьма незначительные гонорары. Послѣднія свои работы онъ сдалъ молодому книгопродавцу Николавіусу, своему бывшему слушателю. Когда Николавіусъ открылъ книжную торговлю, Кантъ обѣщалъ ему поддержку, и дѣйствительно, никакія соблазнительныя предложенія болѣе богатыхъ издателей не заставили Канта продать имъ свои послѣднія рукописи.

По смерти Канта оказалось, что у него осталось деньгами около 20,000 талеровъ. Состояніе это едва ли покажется большимъ, если принять во вниманіе чрезвычайно скромный образъ жизни Канта, его аккуратность и бережливость. Едва ли необходимо предполагать, какъ думали иные, что другъ Канта, купецъ Гринъ, оставилъ ему наслѣдство.

Объ умственныхъ особенностяхъ Канта также нерѣдко приводились довольно легкомысленныя мнѣнія. Даже близкій пріятель Канта, Яхманнъ, увѣряетъ, что эстетическій вкусъ и вообще

то, что Кантъ называлъ силой сужденія (Urtheilskraft) было у него развито мало по сравненію съ разумомъ и разсудкомъ. Едва ли это основательно. Болѣе правъ Шопенгауэръ, который изумляется тому, какимъ образомъ Кантъ, проведшій всю жизнь въ Кенигсбергѣ, не видѣвшій ни картинъ величайшихъ мастеровъ, ни лучшихъ архитектурныхъ произведеній, не знавшій иной природы, кромѣ полей и лѣсовъ въ окрестностяхъ Кенигсберга, тѣмъ не менѣе могъ высказать много цѣнныхъ мыслей объ эстетикѣ.

Всѣ признаютъ, что Кантъ обладалъ чрезвычайно сильной памятью и рѣдкой способностью представлять себѣ вещи по одному описанію или съ чужихъ словъ. О памяти Канта можно судить по тому, что онъ зналъ почти наизусть своихъ любимыхъ поэтовъ — Галлера, Попа, Бюргера и Хагедорна. О способности его «внутренняго созерцанія» можно судить по тому, что Кантъ поразительно умѣлъ описывать страны, въ которыхъ никогда не бывалъ. Однажды Кантъ разговорился съ однимъ англичаниномъ объ Уэстминстерскомъ мостѣ, и обнаружилъ такое знаніе подробностей, что англичанинъ счелъ его архитекторомъ или инженеромъ, долгое время проживавшимъ въ Лондонѣ. Въ другой разъ Кантъ говорилъ объ Италіи, и собесѣдникъ вообразилъ, что онъ много путешествовалъ на югѣ. Никогда не сдѣлавъ ни одного химическаго опыта, Кантъ зналъ всѣ подробности химическихъ манипуляцій въ такомъ совершенствѣ, что разъ, бесѣдуя за столомъ съ знаменитымъ химикомъ, д-ромъ Хагеномъ, привелъ того въ совершенное изумленіе. «Никогда бы я не повѣрилъ,—сказалъ Хагенъ,— что можно знать такъ практическую химію, не имѣвъ никакой практики».

Но безспорно, что всего сильнѣе была развита у Канта способность анализировать и систематизировать понятія. По силѣ и глубинѣ философскаго анализа, Кантъ не имѣетъ себѣ равнаго между новыми философами; изъ древнихъ онъ можетъ соперничать съ Аристотелемъ. По построительной способности, «архитектоникѣ», Кантъ не уступаетъ Платону. Многіе, какъ напр. Шопенгауэръ, полагаютъ даже, что «архитектоника» Канта, его стремленіе къ симметріи и правильности философскихъ построеній и подраздѣленій переходятъ границы должнаго: такъ, у Канта почти всегда находимъ трихотомію, т. е. подраздѣленіе на *три* отдѣла. Въ этомъ упрекали Канта еще его первые рецензенты, но онъ отвѣтилъ на упрекъ указаніемъ на причины, побудившія его принять такія подраздѣленія. Невѣрно понятое объясненіе Канта послужило чуть ли не главнымъ источникомъ для пресловутаго діалектическаго метода Гегеля.

VIII.

Характеръ и значеніе философіи Канта.—Синтетическія апріорныя сужденія.—Апріорныя формы чувственности: пространство и время. — Различія между трансцендентальнымъ и трансцендентнымъ.—Феномены и нумены.—Антиномія.—Свобода воли.—Нравственность и религія чистаго разума.

Предѣлы нашего труда дозволяютъ намъ лишь самый бѣглый очеркъ философіи Канта. Цѣль этого очерка, какъ по преимуществу біографическаго, состоитъ не въ ознакомленіи съ ученіемъ Канта, а единственно въ указаніи на его историческую роль, его связь съ предшествующими и послѣдующими философскими ученіями.

Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что при составленіи своей системы Кантъ опирался на все предыдущее развитіе философіи и что, въ свою очередь, его система стала исходнымъ началомъ всѣхъ главныхъ позднѣйшихъ системъ; причемъ разумѣется не было недостатка въ ученіяхъ, въ концѣ извратившихъ смыслъ кантовскаго критическаго идеализма.

Что касается связи философіи Канта съ главными предшествующими системами, достаточно указать на слѣдующія безспорныя положенія, принятыя всѣми историками философіи и подтверждаемыя прямыми показаніями самого Канта. Несомнѣнно, что въ философіи Канта соединились начала самыхъ разнообразныхъ философскихъ теченій. Такъ, у Аристотеля Кантъ заимствовалъ, преобразовавъ его, ученіе о категоріяхъ или основныхъ понятіяхъ разсудка; у Платона и другихъ идеалистовъ взяты — и опять таки совершенно переработаны — основныя начала теоріи идей разума. Греческая философія дала Канту его основное различеніе между явленіями (феноменами) и вещами въ себѣ (ноуменами); и снова мы видимъ, что Кантъ расширяетъ эти понятія, придавая имъ болѣе глубокое значеніе. Точно также еще древніе не разъ задавались вопросомъ о неразрѣшенныхъ противорѣчіяхъ (антиноміяхъ) нашего разума. Однѣ изъ древнихъ школъ утверждали, напр., что міръ конеченъ; другія, наоборотъ, доказывали, что онъ безконеченъ; однѣ признавали, другія отрицали пустоту въ природѣ и т. д. Кантъ точнѣе опредѣлилъ эти антиноміи, далъ подробныя доказательства за и противъ каждаго положенія, но не съ софистической цѣлью запутать умъ, а, наоборотъ, съ цѣлью найти источникъ противорѣчія. И онъ дѣйствительно удачно разрѣшилъ эту задачу. Остается потому изумляться смѣлости тѣхъ критиковъ Канта, которые до сихъ

поръ утверждаютъ, будто самъ Кантъ считалъ свои антиноміи «неразрѣшимыми» и будто эти антиноміи побудили Канта признать—теоретически имъ отвергнутый—«мистическій элементъ». На это можно отвѣтить, что когда при жизни Канта явились подобныя сужденія, Кантъ, чувствуя себя уже слишкомъ старымъ для полемики, поручилъ одному изъ своихъ друзей (Яхманну) написать опроверженіе, а самъ написалъ лишь предисловіе, въ которомъ отзывался о всякомъ мистицизмѣ, какъ о лже-философіи (Afterphilosophie), подобно тому, какъ въ своемъ послѣднемъ крупномъ трудѣ («Религія въ предѣлахъ чистаго разума») написалъ цѣлую главу о лжеслуженіи Богу (Afterdienst Gottes), считая добродѣтельную жизнь настоящимъ служеніемъ.

Выше было уже выяснено вліяніе, оказанное на Канта его ближайшими предшественниками, съ одной стороны Лейбницемъ и Вольфомъ, съ другой—Юмомъ и Руссо. Критика Канта дѣйствительно занимаетъ среднее положеніе между всеобъясняющимъ раціонализмомъ Лейбница и эмпирическимъ скептицизмомъ Юма, между примиряющей, сухой философіей Вольфа и страстнымъ протестомъ Руссо.

Ученіе Канта, въ крупныхъ чертахъ, распадается на три части: критику теоретическаго разума, критику практическаго разума (или ученіе о нравственности) и критику эстетическаго сужденія. Другими словами, метафизика, *понимаемая, какъ отрицаніе старой метафизики*, этика и эстетика—таково содержаніе философской системы Канта. Теологія не является у него отдѣльной, самостоятельной областью, такъ какъ вся основана на морали.

Приведемъ основныя положенія «метафизическаго» ученія Канта, воздерживаясь на этотъ разъ отъ подробныхъ критическихъ замѣчаній: главное изъ нихъ, а именно въ пользу опытнаго происхожденія и относительнаго характера апріорныхъ формъ Канта (пространства и времени), было уже нами сдѣлано [1]).

Въ началѣ своего изслѣдованія Кантъ задается вопросомъ: возможна ли такая наука, какъ метафизика? и замѣчаетъ, что до него этотъ вопросъ почти не былъ поставленъ. Серьезнѣйшей попыткой постановки болѣе частнаго вопроса, входящаго въ этотъ об-

[1]) При изложеніи системы Канта мы будемъ, безъ особыхъ цитатъ, приводить разныя выраженія изъ его главныхъ сочиненій, а именно изъ «Критики чистаго разума», изъ «Prolegomena», изъ «Критики практическаго разума» и др. сочиненій 1781—1793 годовъ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, всѣ эти труды составляютъ одно неразрывное цѣлое.

щій, была скептическая система Юма. Вмѣсто общаго вопроса о возможности метафизики, Юмъ задался цѣлью узнать: возможно ли доказать существованіе необходимой связи между причиною и слѣдствіемъ? Это конечно одинъ изъ капитальнѣйшихъ философскихъ вопросовъ, отъ котораго зависитъ взглядъ на то или иное значеніе всѣхъ истинъ физическихъ наукъ, не могущихъ сдѣлать ни шага безъ понятія о причинѣ явленія. Юмъ, какъ извѣстно, рѣшилъ вопросъ въ скептическомъ смыслѣ. По какому праву разумъ мыслитъ, что нѣчто, именуемое причиной, обладаетъ такими свойствами, что разъ оно дано, этимъ самымъ необходимо дается другое, разъ дано *А* (причина), то необходимо дано и *Б* (слѣдствіе). Почему существованіе *А необходимо* влечетъ за собою существованіе *Б*? Юмъ рѣшилъ, что тутъ кроется просто иллюзія, обманъ воображенія. Воображеніе связываетъ между собою явленія *А* и *Б*, руководствуясь часто повторяющимся опытомъ; ассоціація (сочетаніе) представленій, т. е. чисто субъективная необходимость или *привычка*, ложно принимается нами за нѣчто объективное, находящееся въ самой причинѣ и въ самомъ слѣдствіи. Другими словами, по мнѣнію Юма, никакой необходимой связи между явленіями нѣтъ и она является лишь иллюзіей нашего разума.

«Сознаюсь,—открыто пишетъ Кантъ,—что ученіе Юма прежде всего прервало мою догматическую дремоту и дало совершенно новое направленіе моимъ изслѣдованіямъ... Я былъ далекъ отъ того, чтобы принять выводы Юма, вытекавшіе лишь изъ того, что Юмъ не представилъ себѣ задачи во всей ея совокупности». Вмѣсто того, чтобы, подобно Юму, ограничиться изученіемъ идеи причинной связи, Кантъ поставилъ гораздо болѣе общій вопросъ: какимъ образомъ вообще нашъ разсудокъ можетъ составлять апріорныя, т. е. предшествующія опыту сужденія? Кантъ заранѣе исключилъ такъ называемыя аналитическія сужденія, составляющія лишь простое расчлененіе и объясненіе даннаго понятія, и занялся сужденіями синтетическими, т. е. такими, которыя прибавляютъ къ данному понятію новое содержаніе. Если я говорю: всѣ тѣла протяженны, то этимъ я ни мало не расширяю понятія о тѣлѣ, но лишь объясняю его, такъ какъ понятіе о протяженіи уже входитъ въ понятіе тѣла. Такія объяснительныя сужденія называются аналитическими, и они разумѣется не требуютъ опыта. Было бы нелѣпо провѣрять опытомъ относительно каждаго тѣла свойство протяженности, безъ котораго самое тѣло немыслимо. Иное дѣло сужденіе: «Всѣ тѣла тяжелы». Тяжесть не есть необходимое свойство тѣла, вытекающее

изъ самаго понятія о тѣлѣ. Тѣло не можетъ быть болѣе или менѣе протяженнымъ, но тѣла бываютъ болѣе или менѣе тяжелыми, и умъ легко допускаетъ существованіе тѣлъ совсѣмъ не тяжелыхъ, невѣсомыхъ. Если я говорю: «Нѣкоторыя тѣла тяжелы», то это уже синтетическое сужденіе, потому что къ понятію тѣла я прибавляю новое содержаніе, приписывая ему свойство быть тяжелымъ. Спрашивается, какимъ образомъ подобное сужденіе можетъ быть апріорнымъ, т. е. предшествовать опыту? Что убѣждаетъ меня въ томъ, что всѣ тѣла въ природѣ *необходимо* тяжелы? Аналитическое сужденіе апріорно даже въ томъ случаѣ, если составляющія его понятія эмпиричны. Если я говорю: «Золото — желтый металлъ», то не требуется никакого повѣрочнаго опыта, это есть лишь расчлененіе понятія о золотѣ. Всѣ чисто опытныя сужденія, наоборотъ, синтетичны, потому что расширяютъ содержаніе понятія. Но, спрашивается, слѣдуетъ-ли сказать, наоборотъ, что всѣ синтетичныя сужденія опытны, какъ думаетъ Юмъ относительно сужденій о причинной связи?

По мнѣнію Канта, ничего нѣтъ легче, какъ указать на такія синтетическія сужденія, которыя вполнѣ апріорны. Таковы, по его словамъ, всѣ математическія сужденія. Возьмемъ, напримѣръ, сужденіе 7+5=12. На первый взглядъ кажется, что оно имѣетъ аналитическій характеръ, т. е., что понятіе суммы 7+5 уже содержитъ въ себѣ понятіе 12. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что это не такъ просто. Сколько бы я ни анализировалъ понятія семи и пяти, соединенныхъ въ одну сумму, я до тѣхъ поръ не получу понятія двѣнадцати, пока не прибѣгну къ наглядности или къ созерцанію. Я долженъ напримѣръ взять на помощь свои пальцы или намѣтить 7 точекъ и еще 5 точекъ и, соединивъ ихъ вмѣстѣ, сосчитать всѣ подъ-рядъ. Отсюда слѣдуетъ, что всякое ариѳметическое сложеніе есть не анализъ слагаемыхъ, а синтезъ, т. е. къ понятію о взятыхъ вмѣстѣ слагаемыхъ прибавляется новое содержаніе посредствомъ самаго акта сложенія или замѣняющаго его дѣйствія — построенія суммы помощью пальцевъ, точекъ или шаровъ на счетахъ. Такимъ же синтетическимъ характеромъ отличаются всѣ геометрическія и алгебраическія сужденія, исключая тожествъ и аксіомъ; да и эти послѣднія не строго аналитичны, но требуютъ наглядnаго построенія. Мы напримѣръ наглядно убѣждаемся въ томъ, что цѣлое больше своей части. Предложеніе: прямая есть кратчайшее разстояніе между двумя точками, есть синтетическое сужденіе, потому что понятіе о прямой, т. е. линіи съ неизмѣннымъ на-

правленіемъ, вовсе не включаетъ въ себѣ понятія о величинѣ разстоянія: это послѣднее присоединяется лишь путемъ наглядности, посредствомъ дѣйствительнаго построенія прямой линіи.

Итакъ, существованіе синтетичныхъ и въ то же время апріорныхъ сужденій, по мнѣнію Канта, доказывается уже самымъ существованіемъ математики, какъ науки, состоящей изъ сужденій апріорныхъ и въ то же время очевидно расширяющихъ содержаніе понятій.

Замѣтимъ, что то, что Кантъ считаетъ въ математикѣ абсолютно апріорнымъ, есть не что иное, какъ накопленный опытъ. Личный и унаслѣдованный опытъ убѣждаетъ насъ сотни разъ въ томъ, что напримѣръ прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками на плоскости и, вслѣдствіе глубокаго источника этого опыта, результаты его кажутся намъ интуитивными (наглядными), т. е. представляющимися уму непосредственно, безъ всякаго опыта и безъ всякихъ умозаключеній. Очевидно, что даже животнымъ съ сколько-нибудь сложной организаціей важна экономія времени и что они стремятся напримѣръ поймать добычу или убѣжать отъ опаснаго врага, избирая самый краткій путь; такимъ образомъ создается прочная ассоціація представленій о кратчайшемъ пути и о прямой линіи. Точно также образуются и другія основныя понятія, изъ которыхъ исходятъ ариѳметика, геометрія и другія отрасли математики. Кантъ правъ, считая математическія сужденія апріорными, но онъ совсѣмъ упускаетъ изъ виду ихъ первоначальный генезисъ, а поэтому считаетъ апріорность чѣмъ-то абсолютнымъ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это понятіе въ высшей степени относительное. То же слѣдуетъ сказать и о наглядности, на которую ссылается Кантъ. Наглядность далеко не для всѣхъ одинакова. Математику кажутся наглядными такія предложенія, которыя для школьника требуютъ доказательствъ, иногда превышающихъ его способность пониманія.

Открытіе апріорныхъ синтетическихъ сужденій Кантъ считалъ одною изъ главныхъ заслугъ своей философской критики. Какъ онъ самъ замѣчаетъ, школа Лейбница и Вольфа не имѣла ни малѣйшаго представленія о такихъ сужденіяхъ. Вольфъ и Баумгартенъ пытались напримѣръ основать законъ о «достаточномъ основаніи» на законѣ логическаго противорѣчія; но посредствомъ этого послѣдняго могутъ быть добыты лишь аналитическія сужденія. Такія сужденія, какъ А=А и всѣ подобныя тавтологіи, служатъ для связи цѣпи доказательствъ, но не могутъ дать ни единаго новаго принципа.

Если бы Фихте, Гегель и многіе другіе «эпигоны» Канта поняли смыслъ этой стороны ученія Канта, они могли бы избавить и себя, и своихъ сторонниковъ отъ множества безсодержательныхъ тавтологическихъ или, что еще хуже того, самопротиворѣчивыхъ формулъ. Какъ замѣтилъ самъ Кантъ, Локкъ и его школа были всѣхъ ближе къ постиженію синтетическихъ сужденій. Но даже Юмъ не далъ полнаго рѣшенія задачи, а потому онъ и могъ усомниться въ самомъ существованіи апріорности и отвергъ объективный законъ причинной связи, замѣнивъ его субъективной необходимостью (ассоціаціей представленій).

Отъ общаго вопроса о возможности апріорныхъ сужденій Кантъ переходитъ къ частнымъ вопросамъ о возможности сужденій математическихъ, естественно-научныхъ и метафизическихъ.

Что математика и естествознаніе *возможны*, не требуетъ доказательства, такъ какъ эти науки существуютъ. Но для Канта важно рѣшить вопросъ: *какимъ образомъ* онѣ возможны. Это вопросы *теоріи познанія*,—науки, основанной Кантомъ и получившей значительное развитіе со времени возникновенія такъ называемаго ново-кантіанства, т. е. съ 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Всѣ метафизическія системы, а также системы мнимыхъ продолжателей Канта, вродѣ Гегеля, совершенно игнорировали вопросъ о возможности того или другого познанія и о томъ, гдѣ источники этой возможности.

Изслѣдуя вопросъ о характерѣ *математическихъ* сужденій, Кантъ говоритъ слѣдующее. Всѣ математическія предложенія имѣютъ характеръ всеобщности и необходимости; стало быть, они не основаны на опытѣ, который можетъ доставить лишь относительную, а не абсолютную общность и необходимость.

Кантъ выяснилъ, что апріорный синтезъ основанъ на предшествующемъ опыту созерцаніи (Anschauung). Созерцаніе есть не что иное, какъ наглядное представленіе, т. е. такое, которое получается непосредственно. Является новый вопросъ: какимъ образомъ возможно «созерцать» что-либо, т. е. наглядно себѣ представить апріори, т. е. раньше опыта? На первый взглядъ это кажется невозможнымъ. На это Кантъ возражаетъ: «Если бы наше созерцаніе всегда должно было представлять предметы или вещи таковыми, каковы они *сами въ себѣ*, т. е. независимо отъ нашей мыслительной способности, то очевидно, что всякое созерцаніе было бы эмпирическимъ, такъ какъ оно обусловливалось бы необходимымъ присутствіемъ созерцаемаго предмета: свойства этого предмета не могли

бы «переселиться» въ мою способность представленія, и даже если бы предметъ могъ сообщить мнѣ свои свойства, то все-таки я не могъ бы познать его, каковъ онъ самъ въ себѣ, независимо отъ меня, какъ пріемника его свойствъ. Если дѣйствительно возможно апріорное созерцаніе, то необходимо допустить, что оно предшествуетъ присутствію всякаго созерцаемаго предмета. Но если выбросить изъ созерцанія всякіе предметы, то что останется? Очевидно, можетъ остаться лишь то, что придаетъ моимъ представленіямъ не содержаніе, а лишь извѣстный порядокъ, извѣстную *форму*». Такимъ образомъ Кантъ приходитъ къ замѣчательному выводу: апріорное созерцаніе (а вмѣстѣ съ нимъ и вся математика) возможно лишь такимъ образомъ, что оно содержитъ лишь *форму* чувственности, находящуюся не въ объектахъ, а въ моемъ субъектѣ, и предшествующую всѣмъ дѣйствительнымъ впечатлѣніямъ. Для математики такими апріорными формами чувственнаго созерцанія являются *пространство* и *время*. Но разъ это только *формы*, а не объекты, то очевидно, что сами по себѣ какъ пространство, такъ и время лишены содержанія. Лишь благодаря *опыту*, онѣ наполняются содержаніемъ; опытъ этотъ дается ощущеніемъ (Empfindung) посредствомъ нашихъ внѣшнихъ и внутреннихъ чувствъ.

Но разъ формы чувственности—пространство и время—находятся въ субъектѣ, а содержаніе дается опытомъ, посредствомъ ощущеній, то отсюда прямо слѣдуетъ, что все наше познаніе, какъ апріорное, такъ и эмпирическое, примѣнимо лишь къ предметамъ опыта и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть сверхчувственнымъ, сверхъопытнымъ или, по Канту, *трансцендентнымъ*. Прежде всего очевидно, что мы познаемъ не вещи въ самихъ себѣ, а только явленія. Дѣйствительно, разъ содержаніе нашихъ представленій дается ощущеніями, а форма существуетъ въ субъектѣ, то на долю «вещи въ себѣ» не остается ровно ничего, кромѣ нашей увѣренности въ ея существованіи: *форма* оказывается чисто субъективной, а *содержаніе*—результатомъ воздѣйствія объекта на субъектъ; *чисто же объективнаго* мы ничего познать не можемъ, хотя мы увѣрены въ существованіи независимыхъ отъ насъ объектовъ, какъ источниковъ нашихъ ощущеній.

Весь такъ называемый «идеализмъ» Канта сводится поэтому къ признанію *субъективныхъ формъ, хотя и предшествующихъ опыту, но помимо опыта лишенныхъ всякаго содержанія и, стало быть, примѣнимыхъ исключительно къ предметамъ опыта*, къ явленіямъ, а не къ трансцендентнымъ реально-

стямъ. Въ этомъ — огромный шагъ впередъ, сдѣланный Кантомъ. Онъ первый объяснилъ вполнѣ, почему абсолютное познаніе невозможно. И до него догадывались объ этомъ, но въ прежнее время слишкомъ часто считали человѣческое знаніе подобнымъ сновидѣнію; Кантъ, наоборотъ, показалъ, что относительность знанія вполнѣ совмѣстима съ его достовѣрностью, что мы вовсе не вращаемся въ мірѣ смутныхъ призраковъ и безсвязныхъ сновидѣній, а просто мыслимъ сообразно съ законами нашей чувственности, ни мало насъ не обманывающей, но и не сулящей намъ мнимаго познанія. Призраками и сновидѣніями оказались, наоборотъ, какъ разъ тѣ абсолюты и трансцендентныя реальности, которыми тѣшились метафизическія системы.

Ударъ, нанесенный Кантомъ всѣмъ догматическимъ, метафизическимъ системамъ, былъ смертельный. Единственные пути, которые оставались еще открытыми метафизикѣ, состояли либо въ произвольной передѣлкѣ ученія Канта, либо въ изобрѣтеніи системъ, основанныхъ на непризнаніи элементарныхъ законовъ логики и на грубомъ смѣшеніи понятій, раздѣленныхъ Кантомъ. Всѣ подобныя системы были не развитіемъ ученія Канта, а движеніемъ вспять.

По нашему мнѣнію, Кантъ сокрушилъ догматическую метафизику не только своимъ ученіемъ о непознаваемости «вещей въ себѣ», но и рѣшеніемъ своихъ такъ называемыхъ *антиномій*.

Кантъ не принялъ ученія сенсуалистовъ о чувственности, какъ общемъ источникѣ всякой душевной дѣятельности. Сенсуалисты, отцомъ которыхъ (въ новѣйшей философіи) считается Локкъ, сводили всякое мышленіе на ощущеніе. Самъ Локкъ, правда, различалъ ощущеніе отъ «размышленія», но его взгляды по этому вопросу были нѣсколько сбивчивы. Поэтому Кантъ противополагалъ сенсуалиста Локка — «интеллектуалисту» Лейбницу: послѣдній считалъ не чувства, а умъ основою мыслительныхъ способностей человѣка. Кантъ не послѣдовалъ ни за Лейбницемъ, ни за Локкомъ. Онъ считалъ чувства и умъ двумя независимыми источниками мысли: безъ ума чувства слѣпы, они даютъ лишь безсвязный матеріалъ; безъ чувствъ умъ пустъ, его понятія лишены содержанія. Новѣйшіе успѣхи психологіи показываютъ, что и въ этомъ случаѣ эмпирики и сенсуалисты были правы, если рѣчь идетъ о *происхожденіи* сложныхъ душевныхъ способностей, которыя возникаютъ изъ простѣйшихъ чувствованій; но Кантъ правъ относительно развитого организма, въ которомъ есть несомнѣнно извѣстное подраздѣленіе функ-

ній, соотвѣтствующее дифференцированію первной системы на центральный и периферическій аппаратъ. Едва ли поэтому можно сомнѣваться въ томъ, что въ психологіи необходимо отличать умъ отъ чувствъ. Не довольствуясь этимъ, Кантъ раздѣляетъ умственную дѣятельность на разсудокъ, силу сужденія (Urtheilskraft) и разумъ—раздѣленіе сложное и искусственное.

Въ противоположность пассивной воспріимчивости чувствъ, разсудокъ есть, по Канту, активная способность, связывающая понятія и образующія правила. Тѣмъ не менѣе, «всѣ сужденія и правила разсудка могутъ имѣть исключительно опытное примѣненіе, т. е. относятся исключительно къ явленіямъ, а не къ вещамъ въ себѣ». Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно напомнить, что разъ понятіе не относится ни къ какому предмету возможнаго опыта, оно безсодержательно и является чисто логической функціей, которая ни на шагъ не расширяетъ области нашего познанія. Таково напр. понятіе о «случайности», если подъ нею подразумѣвать «безпричинность». Анализируя это понятіе, легко убѣдиться, что у насъ нѣтъ никакого критерія для сужденія объ отсутствіи причинъ явленія, а поэтому сказать, что явленіе «случайно»,—значитъ просто заявить, что мы не успѣли изучить его причины, но вовсе не значитъ доказать, что никакихъ причинъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ.

Подъ *разумомъ* Кантъ подразумѣваетъ способность составлять принципы и образовать идеи. Принципы образуются изъ объединенія правилъ, идеи—изъ обобщенія понятій. Разсудокъ доставляетъ намъ знаніе, разумъ—пониманіе. Разумъ работаетъ не надъ данными опыта, а надъ понятіями. Въ этомъ смыслѣ онъ превосходитъ возможный опытъ и доставляетъ идеи — понятія, стоящія выше опыта. Не слѣдуетъ однако думать, что разумъ можетъ освободить насъ отъ условій чувственности и опыта на столько, чтобы помощью его мы могли познать «вещи въ себѣ». Представимъ себѣ умозаключеніе отъ чего-либо извѣстнаго къ другому, о чемъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго понятія, но чему мы, поддаваясь иллюзіи, приписываемъ объективную реальность. Полученный выводъ будетъ обманомъ разума или, какъ выражается Кантъ, *разумничаньемъ*. Кантъ различаетъ три рода «разумничанья»—паралогизмы, антиноміи и теоретическіе идеалы. Остановимся на самомъ характерномъ изъ нихъ — антиноміяхъ. Антиномія есть противоположеніе двухъ утвержденій, изъ которыхъ каждое повидимому можетъ быть одинаково убѣдительно доказано. Примѣромъ можетъ служить начавшійся еще въ древности споръ о величинѣ и продолжительно-

сти существованія міра. Кантъ ставитъ «тезисъ»: міръ имѣетъ начало во времени и въ пространствѣ, и «антитезисъ»: міръ безграниченъ и безконеченъ въ пространствѣ и во времени, и показываетъ, что каждое изъ этихъ предложеній имѣетъ за себя доводы, повидимому весьма сильные. Спрашивается, гдѣ же истина? Кантъ разрѣшаетъ этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ.

Противорѣчія, говоритъ онъ, бываютъ двоякаго рода: аналитическія (логическія) и діалектическія. Изъ логически противорѣчащихъ другъ другу сужденій одно должно быть ложнымъ. Если я говорю: люди смертны, а кто-либо утверждаетъ, что люди безсмертны, то очевидно, что я правъ, если только смерть подразумѣвать въ общепринятомъ смыслѣ этого слова. Иное дѣло, если я скажу: «всякое тѣло пахнетъ либо хорошо, либо не хорошо», можетъ случиться, что для даннаго тѣла оба эти утвержденія ложны, а именно, что тѣло вовсе не имѣетъ запаха. Такого рода всѣ діалектическія противорѣчія. Если я утверждаю: міръ *въ пространствѣ* безконеченъ, а мнѣ говорятъ, что міръ конеченъ, то мы оба говоримъ о мірѣ явленій, потому что пространство есть субъективная форма (форма чувственности). Но при этомъ я въ сущности утверждаю лишь одно, а именно, что *пространство* безконечно, и этимъ вовсе не доказываю, что эта сама по себѣ пустая форма наполнена какимъ-либо содержаніемъ. Мой противникъ, утверждающій, что міръ конеченъ, не можетъ доказать конечности пространства, но его утвержденіе, что міръ явленій имѣетъ предѣлы въ пространствѣ, также произвольно, потому что ни онъ, ни я не знаемъ этихъ предѣловъ. На самомъ дѣлѣ, при всѣхъ подобныхъ утвержденіяхъ, обѣ стороны воображаютъ, что имѣютъ дѣло не съ міромъ явленій, а съ міромъ, какъ *вещью въ себѣ*, независимымъ отъ нашего способа познаванія. Если отбросить эту иллюзію, то окажется, что міръ есть не что иное, какъ эмпирическое восхожденіе нашей мысли въ ряду явленій. Очевидно, что міръ—величина вполнѣ неопредѣленная—никогда не можетъ быть намъ данъ въ цѣлости, а поэтому одинаково нелѣпо утверждать, что «міръ, какъ цѣлое», конеченъ или безконеченъ. Міръ самъ въ себѣ намъ вовсе неизвѣстенъ, а міръ, какъ рядъ явленій, есть *величина неопредѣленная*, постоянно колеблющаяся въ зависимости отъ суммы опыта, стало быть не конечная, но и не безконечная, ибо никакого мѣрила «величины міра» у насъ не существуетъ.

Но точно такъ-же разрѣшается и знаменитая антиномія, противополагающая между собою идеи *необходимости* и *свободы*. Суще-

ствуетъ ли свобода воли, свобода человѣческихъ дѣйствій, или же человѣкъ, подобно камню, подчиняется лишь закону необходимости? Кантъ отвѣчаетъ на это: *свобода вовсе не противорѣчитъ необходимости:* человѣкъ въ одно и то-же время и свободенъ, и подчиненъ естественнымъ законамъ. Въ мірѣ явленій все подчинено закону причинной связи. Но понятіе свободы не относится къ явленію. Свобода есть способность самостоятельнаго начинанія, т. е. не требуетъ никакой другой причины, кромѣ себя самой: очевидно, что свобода относится не къ явленію, а къ «вещи самой въ себѣ». Поэтому безъ всякаго противорѣчія можно признать, что одна и та-же вещь сразу и свободна (какъ вещь въ себѣ), и не свободна (какъ явленіе). Разумное существо, дѣйствующее по законамъ разума, т. е. на основаніи присущихъ ему идей, свободно, но въ то-же время оно подчинено и естественнымъ законамъ, напр. падаетъ при извѣстномъ положеніи центра тяжести, подобно всякому неустойчивому тѣлу. Весь споръ о свободѣ воли основанъ на недоразумѣніяхъ, на смѣшеніи явленія съ «вещью въ себѣ». Дѣйствія *свободны* единственно по отношенію къ разумному субъекту, сознающему свою способность дѣйствовать по основаніямъ разума; они *необходимы* по отношенію къ внѣшнимъ причинамъ явленія. Если бы можно было научно изучить всѣ причины, побуждающія меня дѣйствовать такъ, а не иначе, то и это не превратитъ меня въ безсознательнаго автомата, не лишитъ меня сознанія моей свободы, какъ разумнаго существа.

На это можно было бы возразить Канту, что о «вещахъ въ самихъ себѣ» мы не имѣемъ никакого познанія, исключая того, что онѣ существуютъ, т. е. служатъ подкладкой явленій; откуда же мы можемъ знать, что какая либо «вещь въ себѣ» опредѣляется закономъ свободы? Кантъ предвидѣлъ это возраженіе. Онъ утверждаетъ, что хотя мы и не знаемъ вообще о «вещахъ въ себѣ» каковы ихъ свойства, но одно ихъ свойство намъ извѣстно, а именно мы знаемъ, что постигаются онѣ умомъ, а не чувствами; поэтому и характеръ у нихъ долженъ быть «умопостигаемый», а не чувственный, слѣдовательно къ нимъ «неприложимо отвлеченное отъ чувственныхъ предметовъ понятіе естественнаго закона или необходимости». Понятіе о необходимой причинной связи всегда включаетъ въ себѣ понятіе *времени* (дѣйствіе всегда слѣдуетъ за причиной, а не предшествуетъ ей). Но *время*, какъ уже показалъ Кантъ, присуще не «вещамъ въ себѣ», а явленіямъ, потому что оно есть лишь форма нашей чувственности, которая наполняется содержаніемъ, взятымъ

исключительно изъ міра явленій. Изъ этого уже ясно, что въ мірѣ «вещей въ себѣ» (нуменѣ) о времени не можетъ быть рѣчи, стало быть нѣтъ и слѣдованія событій, но есть лишь безусловное самоопредѣленіе, т. е. полная независимость отъ всего предшествующаго, а это и есть понятіе свободы. Однимъ словомъ, понятіе причины обязательно включаетъ понятіе времени, а гдѣ нѣтъ времени (въ мірѣ нуменовъ), тамъ не можетъ быть и рѣчи о причинной связи.

Результатомъ всей критики теоретическаго разума является поэтому слѣдующее положеніе: «Разумъ, при посредствѣ всѣхъ своихъ апріорныхъ принциповъ, не можетъ намъ дать ничего сверхъ того, что доставляютъ намъ предметы возможнаго опыта»; но это *ограниченіе* нашей познавательной способности тѣмъ самымъ признаетъ существованіе *объективной границы* опыта, не подлежащей законамъ чувственнаго міра, въ томъ числѣ и закону необходимости. «Трансцендентальныя идеи, — говоритъ Кантъ, — хотя и не научаютъ насъ ничему положительному, однако уничтожаютъ дерзкія и съуживающія умственное поле утвержденія матеріализма, натурализма и фатализма и тѣмъ самымъ даютъ просторъ моральнымъ идеямъ за предѣлами умозрѣнія».

Такимъ образомъ Кантъ, нисколько не отвергая детерминизма въ мірѣ явленій, отбрасываетъ его въ мірѣ нуменовъ, и тѣмъ подготовляетъ почву для своего нравственнаго ученія, сразу устраняя возраженія относительно несовмѣстимости законовъ природы съ законами нравственности. Такимъ путемъ мы наконецъ проникаемъ въ область *практическаго* разума.

Переходъ отъ теоріи къ практикѣ происходитъ въ философіи Канта самымъ естественнымъ путемъ, исходя изъ того же закона причинности.

Кантъ задается вопросомъ, почему, примѣняя такія понятія, каково напр. понятіе причины, умъ нашъ не довольствуется предметами опыта, но стремится проникнуть и дальше, въ область нуменовъ? Ближайшее разсмотрѣніе показываетъ, что не теоретическія, а практическія цѣли необходимымъ образомъ побуждаютъ насъ къ этому. Въ области умозрительной (теоретической) мы убѣждаемся, что бездна между чувственно-обусловленнымъ и сверхчувственнымъ совершенно незаполнима. Иное дѣло область практики, область нашей дѣятельности, простекающей отъ нашей воли. Воля въ самомъ своемъ понятіи скрываетъ уже понятіе причинности, но совсѣмъ иного рода, чѣмъ причинность по естественнымъ законамъ: причинность воли соединена съ свободою, т. е. съ созна-

ніемъ, что *она опредѣляется непосредственно нравственнымъ закономъ*. Кантъ придаетъ особенное значеніе тому обстоятельству, что нравственное значеніе поступка зависитъ именно отъ *непосредственнаго воздѣйствія разума* (дающаго законъ) *на волю*. Этимъ теорія Канта существенно отличается отъ большей части этическихъ системъ. «Если опредѣленіе воли—говоритъ Кантъ—совершается даже *сообразно* съ нравственнымъ закономъ, но не непосредственно, а лишь чрезъ посредство чувства, каково бы оно ни было, то поступокъ будетъ легальнымъ (т. е. сообразнымъ съ нравственнымъ закономъ), но не моральнымъ».

Чтобы понять это, представимъ себѣ, что кто-либо совершаетъ поступокъ, имѣющій внѣшній видъ нравственности, ради страха или изъ честолюбія. Такой поступокъ очевидно нельзя еще назвать нравственнымъ. Но Кантъ идетъ еще дальше. По его мнѣнію, если руководившее нами чувство было даже, какъ говорятъ, хорошимъ (напр. симпатія), и мы подчинили нашу волю не нравственному закону, а велѣнію этого чувства, то нашъ поступокъ еще не можетъ считаться моральнымъ. Если я дѣлаю добро только потому, что мнѣ это доставляетъ удовольствіе, мой поступокъ также еще не можетъ считаться нравственнымъ. Эта сторона ученія Канта вызвала сильный отпоръ и даже насмѣшки. Многіе утверждали, будто Кантъ требовалъ, чтобы всякій нравственный поступокъ совершался не съ удовольствіемъ, а съ отвращеніемъ. Даже поэтъ Шиллеръ, одинъ изъ самыхъ пламенныхъ почитателей Канта, полагалъ, что Кантъ оставилъ слишкомъ мало на долю чувства и что его требованія черезчуръ суровы.

Кантъ возразилъ на это слѣдующимъ образомъ: «Я дѣйствительно признаю, что въ понятіи нравственнаго долга, именно ради его достоинства, не можетъ быть *привлекательности*. Величіе закона внушаетъ почтеніе, чуждое и отталкивающаго страха, и интимной привлекательности. Но *добродѣтель*, т. е. прочное настроеніе, побуждающее къ точному исполненію долга, въ своихъ послѣдствіяхъ благодѣтельна болѣе, нежели природа и искусство; и прекрасное зрѣлище человѣчества въ этомъ образѣ добродѣтели конечно допускаетъ присутствіе граній, которыя однако держатся въ почтительномъ отдаленіи, пока рѣчь идетъ единственно о долгѣ». «Но если спросятъ, каковъ эстетическій характеръ и каковъ темпераментъ добродѣтели, бодрый, стало быть веселый, или же тревожно-униженный и забитый? то едва ли это требуетъ отвѣта. Это послѣднее рабское настроеніе духа не можетъ появиться безъ скры-

той ненависти къ нравственному закону, и радостное сердце, слѣдующее своему долгу, есть признакъ подлинности добродѣтельнаго настроенія.»

Кантъ не только училъ, но и жилъ такимъ образомъ, какъ описано въ этихъ краснорѣчивыхъ словахъ. Мрачный аскетизмъ и преувеличенная суровость были совершенно чужды его натурѣ и его ученію.

О Кантѣ, какъ и о Сократѣ, можно сказать, что онъ былъ не только философъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, но мудрецъ, жившій въ мірѣ и для міра. Онъ самъ опредѣлилъ всю свою дѣятельность, сказавъ, что двѣ вещи въ мірѣ наполняютъ его священнымъ трепетомъ: созерцаніе звѣзднаго неба и сознаніе нравственнаго долга. Въ своей «Естественной исторіи неба» онъ положилъ начало самымъ широкимъ обобщеніямъ относительно міра явленій; въ своемъ сочиненіи о религіи Кантъ провозгласилъ принципъ: нравственная жизнь, и только она одна, есть истинное служеніе божеству. «Все, исключая добродѣтельной жизни, что человѣкъ думаетъ сдѣлать, чтобы угодить Богу, есть просто суевѣріе и лжеслуженіе (Afterdienst) божеству». Если о какомъ-либо философѣ можно сказать, что для него религія была моралью, и наоборотъ мораль—религіей, то такимъ философомъ былъ конечно Кантъ. Онъ имѣлъ полное право сказать, что его ученіе есть религія чистаго разума.

ЗАКОНЫ ПОДРАЖАНІЯ

Ж. Тарда.

Переводъ съ французскаго. 370 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Всеобщность повторенія. — II. Соціальныя сходства и подражаніе.—III. Что такое общество.—IV. Что такое исторія.—V. Логическіе законы подражанія.—VI. Внѣ-логическія вліянія.—VII. Внѣ-логическія вліянія (обычай и мода).—VIII. Общія соображенія и выводы.

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ

Д-ра А. Кюллера.

Переводъ съ французскаго. 320 стр. Ц. 1 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ: ГЛАВА I. *Сумасшествіе. — Наслѣдственность.— Умственное и нравственное вырожденіе.* — 1) Природа и происхожденіе сумасшествія. — 2) Границы сумасшествія. — Физическіе, умственные и нравственные признаки наслѣдственнаго вырожденія. — ГЛАВА II. *Субъекты, одержимые навязчивыми идеями.*— 1) Боязнь пространства.— 2) Бредъ сомнѣнія.—3) Боязнь прикосновенія.—4) Различныя другія навязчивыя представленія.—ГЛАВА III. *Субъекты съ болѣзненными импульсами.*— 1) Влеченіе къ самоубійству и убійству.—2) Запой (дипсоманія).— 3) Неодолимыя влеченія къ воровству, покупкамъ и игрѣ.—4) Пиромапія.—ГЛАВА IV. *Чудаки.*—1) Тронутые, непосѣды, авантюристы.—2) Сумасброды, скареды. — 3) Гордецы, расточители. — 4) Изобрѣтатели, мечтатели, утописты.—ГЛАВА V. *Бредъ преслѣдованія.* — 1) Преслѣдуемые-преслѣдователи. — 2) Сутяги. — 3) Ревнивцы.—ГЛАВА VI. *Мистики.* — 1) Собственно мистики. — 2) Фанатики. — 3) Эротоманы. — ГЛАВА VII. *Извращенные.* — 1) Истеричные.—2) Лгуны.—3) Притворщики.—4) Преступники.— ГЛАВА VIII. *Душевно больные съ половыми разстройствами.*— 1) Аномалія полового чувства. — 2) Извращенія полового чувства.— 3) Другія половыя разстройства. — ГЛАВА IX. *Вопросы судебной медицины.*—1) Преступность и сумасшествіе.—2) Дифференціальный діагнозъ. — 3) Отвѣтственность.—ГЛАВА X. *Сумасшествіе и цивилизація.* — 1) Психозы въ исторіи. — 2) Сумасшествіе, талантъ и геніальность.— 3) Патологическая психологія въ литературѣ и искусствѣ.

УСТАЛОСТЬ

Анджело Моссо,

профессора физіологіи въ Туринскомъ университетѣ.

Переводъ съ 3-го итальянскаго изданія

М. М. Манасеиной.

Съ 30 рис. въ текстѣ. 312 стр. Ц. 1 р. 25 к.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Перелеты птицъ и почтовые голуби. — II. Нѣкоторыя свѣдѣнія изъ исторіи ученія о движеніи животныхъ.— III. Откуда берется сила мышцъ и мозга. — IV. Общія и частныя характеристичныя черты усталости.—V. О веществахъ, образующихся подъ вліяніемъ усталости.—VI. Контрактура и окоченѣніе мышцъ. — VII. Законъ истощенія.—VIII. Вниманіе и его физическія условія. — IX. Умственная усталость.—X. Лекціи и экзамены.— XI. Способы умственной работы. – XII. Переутомленіе мозга.

МІРЪ ГРЁЗЪ

Д-ра Симона.

Переводъ съ французскаго. 248 стр. Цѣна 1 руб.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Общая характеристика сновидѣній. — II. Сновидѣнія и чувства.—III. Сновидѣніе и организмъ. — IV. Сновидѣніе и умственная дѣятельность. — V. Зрительная галлюцинація. Физіологическая теорія этой же галлюцинаціи. — VI. Невидимки и голоса.—Новый взглядъ на психическія галлюцинаціи и маніакальную безсвязность рѣчи.—VII. Галлюцинаціи общаго чувства, обоняніе и вкуса. — Галлюцинаціи въ области полового чувства. — Упыри.—VIII. Физіологическія галлюцинаціи. — IX. Гипнагогическія галлюцинаціи.—X. Сомнамбулизмъ и сомнамбулическое видѣніе.—XI. Экстазъ.—XII. Гипнотизмъ.—XIII. Иллюзіи.—XIV. Искусственный рай. — XV. Рагль, или галлюцинація пустыни. — XVI. Мозгъ и грезы.

ЕДИНСТВО ФИЗИЧЕСКИХЪ СИЛЪ

ОПЫТЪ ЕСТЕСТВЕННО НАУЧНОЙ ФИЛОСОФІИ.

А. Секки.

2-е пересмотрѣнное и значительно дополненное изданіе, съ 63 гравюрами, портретомъ автора и приложеніемъ публичной лекціи Тиндаля «Роль воображенія въ развитіи естественныхъ наукъ». IX + 428 + 19 стр. Цѣна 2 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Предисловіе къ 1-му и 2-му изданіямъ. Введеніе къ предыдущему и настоящему изданіямъ. ОТДѢЛЪ I. Теплота. — ОТДѢЛЪ II. Свѣтъ. — ОТДѢЛЪ III. Электричество. — ОТДѢЛЪ IV. Строеніе матеріи.

ЭКСТАЗЫ ЧЕЛОВѢКА

П. Мантегацца.

Профессора антропологіи во Флоренціи.

Переводъ д-ра Н. Лейпенберга. 242 + 132 стр. Ц. 1 р. 50 к.

СОДЕРЖАНІЕ: **Часть I.** I. Что такое экстазъ. — II. Классификація экстазовъ. — III. Экстазы у животныхъ. — IV. Аффективные экстазы. — V. Экстазы дружбы и братской любви. — VI. Экстазы материнской любви. — VII. Экстазы дѣтской любви. — VIII. Экстазы платонической любви. — IX. Религіозные экстазы. — X. Католическая святая Тереза. — XI. Экстазы другихъ подвижницъ и подвижниковъ. **Часть II.** I. Экстазы любви къ отечеству. — II. Смѣшанные экстазы. — III. Эстетическіе экстазы. — IV. Экстазы, вызываемые природой. — V. Дѣйствіе цвѣтовъ. — VI. Музыкальные экстазы. — VII. Экстазы мысли. — VIII. Экстазы фантазіи. — IX. Экстазы краснорѣчія. — X. Экстазы борьбы и могущества. — XI. Экстазы творчества.

Популярно-научныя книги.

Философія Г. Спенсера въ сокращен. изложеніи *Г. Коллинса*. Пер. *И. Мокіевскаго*. Ц. 2 р.

Рабочій вопросъ. *Ф. А. Ланге*. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц 1 р. 25 к.

Законы подражанія. *Тарда*. Ц. 1 р 50 к

Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедингена*. Ц 60 коп.

На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмедингена*. Части 1 и 2-я. Ц каждой 50 к.

Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы*. Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Берегите легкія! Гигіенич. бесѣды д-ра *Нимейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к

Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама*. Съ 7 рис. Ц. 40 к

Предсказаніе погоды. *Г. Далле*. Переводъ съ франц съ 40 рис. Цѣна 1 р. 25 к

Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Пер съ франц Популярное изложеніе ученія Дарвина Ц. 60 к.

Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брэма*. Со многими рис. Ц. 2 р

Первобытные люди. *Дебьера*. Съ многими рисунками. Ц. 1 р

Фабричная гигіена. *В. В Святловскаго*. 720 стр. и 153 рис Ц. 4 р

Огородничество. Практическія наставленія для народн. учителей. *Шубелера*. Съ 137 рис. Ц. 60 к.

Который часъ? *И. Вишлова*. Руководство для повѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства солнеч. часовъ Съ 13 рис. Ц. 30 к.

Психологія вниманія. Д-ра *Рибо*. 2 изд. Ц. 40 к.

Записки желудка. Перев съ 10 анг изд Ц. 50 к

Физіологія души. *А. Герцена*. Ц. 1 р

Міръ грезъ. *Д-ра Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев съ франц. Ц 1 р.

Ручной трудъ. *Графиньи*. Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами. Съ 400 рис. Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р. 75 к. Въ пер.—2 р.

Экстазы человѣка. *И. Мантегацца*. Переводъ съ 5-го итальян. изданія Ц. 1 р 50 к

Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрич. очерки. *Д-ра Ренъяра*. Съ 110 рис. Ц. 1 р. 75 к

Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд. (60 рис.) Ц. 30 к.

Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона*. 2-е изд. Съ 100 рис Ц. 1 р.

Телефонъ и его практическія примѣненія *Майера* и *Присса*. Съ 293 рис. Ц 2 р. 50 к.

Электрическіе элементы. Сост. *Нёде*. Со многими рисунками. Ц. 2 р.

Электр. аккумуляторы. *Ренье*. Съ 76 рис Ц. 1 р. 25 к

Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ*. Съ 151 рис Ц 2 р. 50 к.

Чудеса техники и электричества *Чиколева* 30 к.

О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева*. Съ 6-ю рисунками. Ц 25 к.

Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *К. Минвьерье* 340 рис Ц. 1 р 50 коп

Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона*. Съ 220 рис Ц. 2 р.

Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье*. Съ 115 рис. 2-е изд Ц 2 р 50 к.

Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье*. Со множествомъ рис Ц 2 р

Электрическіе звонки. *Боттона*. Съ крат. свѣдѣніями о воздухоплаваніи. 114 рис Ц. 1 р.

Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина. Ц 75 к.

Психологія великихъ людей. Проф *Жоли*. Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р

Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса*. Пер. съ франц. *Ф. Павленкова*. 2-е изд Ц 2 р. 50 к.

Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А Секки*. Перев. съ франц. *Ф. Павленкова* 3-е изд. Ц. 2 р. 50 к

Частная медицинская діагностика. Руководство для практ. врачей. Составилъ проф. *Да-Коста*. 704 стр. съ 43 рис. 2-е изд. Ц. 2 р.

Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера*. Переводъ съ франц. Ц 1 р. 50 к.

Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо*. Съ портретомъ автора и рис 2-е изд. Ц. 1 р.

Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *Иверсенъ*. Съ 43 рис. Ц. 80 к.

Эйфелева башня. Состав. *Г. Тиссандье*. Съ 34 рисун Ц. 50 к.

Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Бар. *Н. Корфа*. Ц 10 к.

Воздушное садоводство *И. Жуковскаго*. Съ 73 рис 2-е изд. Цѣна 60 коп

Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. *А. Болотовскаго*. Ц. 20 к

Азбука домоводства и домашней гигіены. Состав. *М. Клима*. Пер. *Н. Корфа*. Ц 75 к

Гигіена семьи. *Гебера*. Ц. 50 к.

Гигіена женщины. *М. Тило*. Ц. 40 к

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА.

1) **Экстазы человѣка.** *И. Мантегацца*. Въ 2-хъ частяхъ Ц. 1 р. 50 к.; 2) **Психологія вниманія.** Д-ра *Рибо*. Ц. 40 к.; 3) **Берегите легкія!** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) **Современные психопаты,** д-ра *А. Кюллера*. Ц. 1 р. 50 к ; 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Далле*. съ рис. Ц. 1 р. 25 к ; 6) **Физіологія души.** *А. Герцена*. Ц. 1 р ; 7) **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли*. 2-е изд. Ц. 1 р ; 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера*. Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к ; 9) **Міръ грезъ.** Д-ра *Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи, Ц. 1 р. 10) **Первобытные люди.** *Дебьера*. Со многими рис. Ц. 1 р. 11) **Законы подражанія.** *Тарда*. Ц. 1 р. 50 к.; 12) **Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо*. Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 13) **Общедоступная астрономія.** *К. Фламмаріона*. Съ 100 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 14) **Гигіена семьи** *Гебера*. Ц. 50 к. 15) **Бактеріи** и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы*. Съ 35 рис. Ц. 1 р

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 21 августа 1893 года.

17692/1

Съ осени

Въ со
И
Бахъ, Бе
Бетховен
Муни), Р.
Гайднъ,
гель, Ге
Гумбольд

Дантъ, **Дарвинъ**, Декартъ, **Дефо**, **Дженнеръ**, Дидро, **Диккенсъ**, Жанна-Даркъ, Жоржъ-Зандъ, Ибсенъ, **Кальвинъ**, **Кантъ**, **Карлейль**, **Кеплеръ**, **Колумбъ**, Амосъ-Коменскій, Контъ, **Конфуцій**, **Коперникъ**, Кукъ, **Кювье**. **Лавуазье**, **Ляйелль**, **Лапласъ** (и **Эйлеръ**), **Лейбницъ**, Лессепсъ, **Лессингъ**, Либихъ, **Ливингстонъ**, **Линкольнъ**, **Линней**, **Лойола**, **Локкъ**, Лопе-де-Вега, Лютеръ, Магелланъ, Магометъ, Макіавелли, Маколей, **Мейерберъ**, Меттернихъ, **Микель-Анджело**, **Милль**, Мильтонъ, Мирабо, **Мицкевичъ**, **Мольеръ**, Мольтке, **Монтескье**, **Т. Моръ**, **Моцартъ**, Т. Мюнцеръ, Наполеонъ I, **Ньютонъ**, **Оуэнъ**, Парнель, **Паскаль**, Пастеръ, **Песталоцци**, Платонъ, **Прудонъ**, **Рабле**, **Рафаэль**, Рембрандтъ, Рикардо, **Ришелье**, Ротшильды, Руссо, **Савонарола**, **Сакіа-Муни** (**Будда**), **Свифтъ**, Сервантесъ, **В. Скоттъ**, А. Смитъ, Сократъ, Спенсеръ, Спиноза, **Стенли**, **Стефенсонъ и Фультонъ**, **Теккерей**, **Торквемада**, **Уаттъ**, **Фарадей**, **Франклинъ**, Францискъ-Ассизскій, Фридрихъ II, **Цвингли**, Цицеронъ и Демосфенъ, Шекспиръ, **Шиллеръ**, **Шопенгауэръ**, **Шопенъ**, **Шуманъ**, **Эдисонъ и Морзе**, **Дж. Эліотъ**, Ювеналъ (и Тацитъ), **Юмъ** и др.

РУССКІЙ ОТДѢЛЪ: Аввакумъ, Аксаковы, Александръ II, Богданъ Хмѣльницкій, **Боткинъ**, Бутлеровъ, **Бѣлинскій**, **Бэръ**, **Волковъ** (основатель русскаго театра), **Воронцовы**, **Глинка**, **Гоголь**, Гончаровъ, Граповскій, **Грибоѣдовъ**, Даргомыжскій, **Дашкова**, **Демидовы**, **Державинъ**, **Достоевскій**, Екатерина II, Жуковскій, Ивановъ, **Иванъ IV**, **Канкринъ**, Кантемиръ, **В. Н. Каразинъ** (основатель харьк. университета), Карамзинъ, С. В. Ковалевская, **Кольцовъ**, Баронъ Н. А. Корфъ, Н. И. Костомаровъ, **Крамской**, **Крыловъ**, **Лермонтовъ**, **Ломоносовъ**, Менделѣевъ, Меншиковъ, Некрасовъ, **Никитинъ**, **Никонъ**, **Новиковъ**, Островскій, **Перовъ**, Петръ Великій, **Пироговъ**, Писемскій, Писаревъ, Н. Полевой, Посошковъ, **Потемкинъ**, **Пржевальскій**, **Пушкинъ**, Радищевъ, **Салтыковъ**, **Сенковскій**, Скобелевъ, С. Соловьевъ, **Сперанскій**, **Струве**, Суворовъ, Сѣровъ, Л. Толстой, Тургеневъ, Гл. Успенскій, **Ушинскій**, **Фонъ-Визинъ**, **Щепкинъ**, А. Н. Энгельгардтъ, **Ѳедотовъ** и другіе.

Каждому изъ перечисленныхъ здѣсь лицъ посвящается **особая книжка** *въ 80—100 страницъ съ портретомъ. При біографіяхъ путешественниковъ, художниковъ и музыкантовъ прилагаются географическія карты, снимки съ картинъ и ноты.*

Жирнымъ шрифтомъ напечатаны имена лицъ, біографіи которыхъ вышли до 1 сентября 1893 г. Новыя біографіи выходятъ по 4 въ мѣсяцъ.

Главный складъ въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова. (Спб. Лештуковъ пер., № 2). **Цѣна каждой книжки 25 коп.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13 іюля 1893 года.